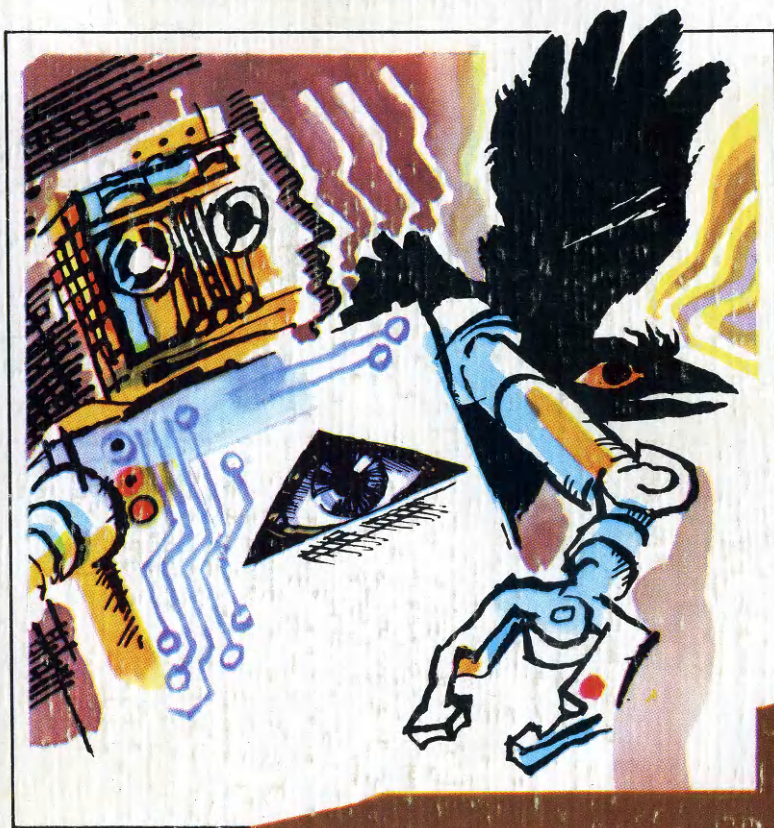

ВЛАДИМИР ФАЛЕЕВ
ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Светлане Худолеевой посвящаю

*Не знала я, что по земному праву
Царей земных ты можешь, человек,
Веления божественных законов,
Неписанных, но вечных, преступать,
И не вчера рожденных, не сегодня,
Но правящих всегда, — никто из нас
Не ведает, когда они возникли.*

С о ф о к л

ВЛАДИМИР ФАЛЕЕВ

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1987

ББК 84Р7
Ф 19

Ф 4702010200—035
078(02)—87 148—87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

ПРОЛОГ

*Определить это чувство седьмoe
Каждый по-своему прав.
Может быть, это просто уменьье
Видеть грядущее въявь.*

Леонид Мартынов

1

Событие это случилось в квартире Ивана Леонтьевича, оно вызвало различные толки в областном городе, и последствия его длительное время занимали воображение многих. В тот день в гостиной уже расставили подковообразно столы, и гости замерли на стульях, вслушиваясь в слова Егора Андреевича Дудкина, высокого, в парадном костюме, перечислявшего известные всем заслуги юбиляра. Сначала Дудкин осторожно произносил это словцо, но потом осмелел и, по-орлиному бросая взгляд, раскатисто заговорил, что хотя Иван Леонтьевич и не начальник, однако традиции, сложившиеся при нем, будут сохранены в управлении и приумножены, а поджигателей двух хуторов все же разыщут и они получат по заслугам.

Лукавый главбух Полубаба выкрикнул из-за стола, что не худо бы в качестве сыщика для розыска поджигателей хуторов использовать доморощенного экстрасенса, тем более что слухи о необычайных способностях физинструктора объединенного построюкома распространяются по всем таежным поселкам. Замечание это сразу оживило застолье.

Бдительный Егор Андреевич покосился на сидевшего в задумчивой позе Ивана Леонтьевича и, не найдя на его лице одобрения юмору, громко кашлянул в кулак, тряхнул седой головой и строго предупредил всех, что много развелось сейчас мистики, цыганки появились в таежных хуторах, гадают по руке или на картах, и не за так.

Время было вечернее, апрельское, в квартире стало так жарко, что створку одного окна гостиной распахнули.

Хутора сгорели еще зимой. Сперва в феврале запылал Касачинский, он стоял на живописном холме, обрамленный густым сосняком; три года обитали в нем семьи гидронамывщиков. Касачинский загорелся, когда в нем уже никого не было: люди и техника переместились на другой перегон, в слободу Ягодную. От семнадцати двухквартирных щитосборных домов и восьми жилых вагончиков, а также от сарая и ремонтных мастерских остались среди снежных сугробов лишь груды кирпича.

Второй пожар вызвал большой скандал, так как было много свидетелей. Автобусы, перегруженные домашним скарбом, еще только выезжали из хутора (он назывался «38-й километр»), заворачивали на зимник, как вдруг кто-то закричал, что дома горят. В числе пассажиров переднего автобуса был физинструктор Зот Митрофанов. Он якобы и остановил транспорт. Люди высыпали на снег, но то были в основном женщины и дети. Пламя уже охватило постройки, внутри домов стали врываться газовые баллоны.

О втором пожаре написали в областной газете. Поджигателей так и не нашли, а о начальнике управления строительства дороги стали говорить: «Волк зубы съел»; и вот теперь, в апреле, его выпроводили на пенсию, и сейчас по этому поводу собрались в его квартире сослуживцы.

Гости звенели посудой; заискрилась от электрического света хрустальная люстра под потолком.

В самый разгар трапезы комсорг стройки Вадим Корзухин не стерпел и громко предложил позвать физинструктора в квартиру и задать ему хотя бы несколько наводящих вопросов о пожарах. Как-никак он ведь главный свидетель, да еще поговаривают, что и экстрасенс к тому же. Среди присутствующих было немало

людей азартных, молодых, им тоже не терпелось испытать экстрасенсорные способности Зота Митрофанова, то есть испробовать их без задержки, тем более что Зот не какая-то шишка на ровном месте, а так, заурядный человек на стройке, всем знакомый и доступный, — инструктор физкультуры и спорта объединенного построюкома строителей железной дороги.

Дудкин, человек старой закалки, испытанный воин, поморщился и сердито покачал головой, мол, Митрофанова он сам принимал на работу, никакими сверхвозможными способностями парень не обладает, да ему по его должности и не положено; так что под повелительным жестом Егора Андреевича все встали с мест, подняли бокалы, чтобы осушить их. Но тут опять случилась заминка: хозяин квартиры Иван Леонтьевич застучал пальцем по столешнице. Гости притихли. Маленькая, в черном бархатном платье жена Ивана Леонтьевича сунула в руки юбиляру кипу листов бумаги; он шумно втянул в себя воздух, поморгал красноватыми веками, произнес «дорогие друзья» и, уткнувшись в бумаги, стал сердито бранить всех за веру в прорицателей, в сказочников, в колдунов, волхвов и всяких шарлатанов, а потом, усмехнувшись, успокоившись, стал читать написанные корявым почерком строчки своей биографии. Он медленно читал о том, что родился на Полтавщине, подростком батрачил у кулака, но никогда не верил в бога, что в феврале 1915 года красовался в серой солдатской шинели. Ему тогда нагадала цыганка, будто бы скоро женится, а судьба на самом деле распорядилась иначе: в декабре 1916 года мчался он в цепи в атаку под румынской деревней Луковицей и был ранен; после излечения в госпитале избран в солдатский комитет и затем, с шашкой в руке, в составе эскадрона Второй Конной армии командарма Миронова Филиппа Кузьмича неся в седле на укреплении белогвардейцев. Возле Карповой балки за поймой Гнилого моря встретился с пулей, очнулся через несколько суток в госпитале... Он читал

строчки и сам опять был конником, рабфаковцем, студентом техникума, шел экзаменоваться за всю группу товарищей и не срамился оценками...

Молча стоявшие гости переступали с ноги на ногу, тоскливо переглядывались, кто-то неуклюже повернулся и с грохотом уронил стул. Юбиляр будто очнулся от воспоминаний, переживаний, удивленно осмотрел всех и сердито заметил:

— Я вас не на похороны позвал...

Командовал он восстановлением железнодорожного моста под Вязьмой в 1942 году; а недавно, в декабре, местные верхи прикрыли из-за нехватки бумаги многотиражный листок коллектива, и он во спасение еженедельной двухразовой газетки — голоса рабочих! — ездил в Москву, но, будучи крупным авторитетом в областном центре, невзначай подорвался на проклятых двух пожарах в тайге...

— Это необходимо прояснить! — заключил Иван Леонтьевич.

У него стали спрашивать разрешения сейчас же позвать в квартиру физинструктора. Хозяин грузно поворачивался корпусом то в одну сторону, то в другую, как бы сопротивляясь желаниям молодежи, но и не желая ее обижать; в квартире у него не концерт и не праздник, так что и развлекаться вроде бы ни к чему, а если уж приглашать, так лучше бы артиста из областного драмтеатра или какого веселого фокусника. В конце концов Иван Леонтьевич вяло махнул рукой, и гости бурно заплодировали. Не реагировал ни на что лишь толстый Сергей Кваша: он спал на стуле, уронив черноволосую голову на грудь, и громко отдувал прядь смоляной бороды. Молодая, в воздушном наряде Сонечка, бухгалтер УРСА, разносившая гостям блюда, растолкала Квашу, он было закричал «ура», но спохватился и виновато забормотал, мол, экстрасенс — это интересно, но Зот не маг и не чародей, он даже чай не пьет, так что и звать его необязательно.

Не прошло и пяти минут, как стремительный Вадим Корзухин, выскочив из квартиры, вернулся запыхавшийся, поправляя на белоснежной рубашке яркий галстук, объясняя, что физинструктор сейчас прибудет, он оказался в общежитии, в своей комнате, его комната на четвертом этаже соседнего здания. И точно. Из прихожей в гостиную шагнул крепкий молодец в клетчатой рубашке, в заправленных в голенища сапог брюках, словно бы он только что прибыл из лесу. Сахарно белые волосы его были зализаны назад, белизной выявляя розовощекое лицо. Сергей Афанасьевич Кваша окончательно пробудился и, поднявшись со стула, азартно вскинул навстречу пришельцу свою лохматую бороду.

— Ах-аха-ха! — непринужденно выбросил он вперед руки. — Без тебя не можем решить одну задачку...

Все с немалым любопытством глядели на крепкого, беззащитно улыбающегося физинструктора; а, казалось бы, чего особенного, не колдун же появился, не артист-затейник или гипнотизер — зауряднейший сотрудник: ежедневно с ним встречались в коридоре управления или возле парадного подъезда, видели на спортивных площадках с ребятами своей футбольной команды, с другими спортсменами. Сонечка в прозрачном розовом платье, перехваченная пояском, озаряя комнату золотом своих волос, выскочила на середину с подносом и предложила Зоту кипящий газом фужер. Все шумно приглашали физинструктора за стол.

— Садись с нами! — скомандовал басом Сергей Афанасьевич, тряся бородой и указывая физинструктору на фужер. Но Зот потупил виноватый взор, опустил руки.

— Не могу...

— Ты чего?! Рехнулся? — захохотал Сергей Афанасьевич. — Не уважаешь.

Сонечка конфузливо попятилась от Зота, который моргал и улыбался, а сам не двигался. Гости тоже не-

сколько смутились: эка диковина ввалилась в гостиную, где на столах уже исходили паром горячие закуски. Кваша громко крикнул и засмеялся, вернул пустой фужер на поднос Сонечке, по-бойцовски потирая ладони, остановился перед физинструктором.

— Позоришь наше застолье! — проговорил он сердито. — Не ты обычаи вводил, не тебе и отменять!

Излишний напор на приглашенного человека вызвал неодобрение других гостей, и спасти ситуацию вышел Павел Стрелецкий, красивый, с черной шевелюрой, в опрятном сером костюме — главный инженер управления строительства. Он легонько отстранил толстого, в спортивном свитере Сергея Афанасьевича, без обиняков объяснил физинструктору, о чем тут до него говорилось и какие на него возлагаются надежды. Зот уронил взгляд на пол, и всем показалось, будто вокруг него возникла сияющая аура; он как бы засветился голубоватыми волнами, от него даже полетели искорки.

— Я не цыган, никому не гадаю, — тихо проговорил он. — Если можно не есть, я не ем. Если можно быть бескорыстным и честным, я остаюсь им... Вот и все.

— А ты все-таки убежденный шарлатан! — громко хохотнул Сергей Афанасьевич из-за спины Павла Стрелецкого. — Вот нам и нужны твои способности! Назови поджигателей хуторов! Хотя бы наугад, а мы проверим!

Наступила долгая пауза. Всем было неловко от нелепой сцены, от жестких и невыполнимых требований, но и слова, и все поведение физинструктора тоже было неясным: сел бы со всеми за стол, поел бы душистого мяса или копченой осетрины... Да и ушел бы, посмеиваясь над чудаками.

А Зот заговорил... Он начал тихим, не подходящим для его крепкой фигуры скромным голосом объяснить, что еще в детстве прочитал книжечку про один маленький северный народ. Люди племени поклонялись как священному грибу-мухомору. После трудной охоты на зверей, после рыбной ловли осенью, в дождь и в холод,

после пригона к стойбищу стада оленей шаман награждал рыбака, охотника или пастуха «путешествием на небо». Он собирал членов племени в чуме у костра, затем давал в награду избранным лицам по горсточке сушеных мухоморов; пожевав грибов, награжденные ложились спать и видели во сне чудесные кинофильмы; галлюцинации давали им радость видений, в снах разыгрывались приключенческие события, стрельба, погоня, превращения людей в зверей и наоборот; с помощью гриба герой спускался под воду к рыбам, уменьшался в размерах, становился бабочкой и в зимнее время порхал над зелеными растениями и яркими цветочками. Фантазия открывала небо, убирала облака, позволяла лететь к солнцу и звездам, а потом возвращаться на землю в образе орла...

Забыв о еде, гости слушали Зота. А он рассказывал уже о том, что люди северного племени верили: есть, мол, два мира — мир нижний, то есть обычный земной мир с чумом, с оленями, пургой, дождями, шкурами, рыбной ловлей и заботой о детях, и есть мир чудес, сказочный мир мухомора. Стариков по их желанию отправляли в мир чудес раньше смерти и оставляли там навсегда; и шаман при этом угощал кандидатов в страну приключенческих кинофильмов горсткой мухоморов; племя плясало вокруг костра; и два молодца, взяв в руки две веревочки, приложив их с двух сторон к шее «путешественника», поколачивали ими по сонным артериям, и скоро путешественник засыпал вечным сном; его торжественно, без слез и горя, увозили на наргах в лес; там в выдолбленной колоде он поднимался на ветви дерева и оставался навсегда.

— Ой, какие страхи ты нам рассказываешь! — подавали голоса гости, но Зот не обращал на это внимания и продолжал говорить своим бесцветным голосом, что в другой стране, в тропическом краю, другое племя поклонялось как божеству не Мухомору, а Кактусу. И хотя ритуалы, связанные с употреблением кактуса в

пищу, были другими, но действие сока кактуса на организм было столь же чудодейственно, как и от мухомора. В конце девятнадцатого века химики обнаружили, что в кактусе содержится алкалоид — адренохорм. Один немецкий фармаколог обратил внимание, что химическая формула адренохорма и содержащегося в крови человека адреналина очень близки. Выходило, что сам человеческий организм вырабатывает вещество, которое производит и кактус. Позже стало известно, что гормон адреналин создается мозговым веществом надпочечников человека, что в каждом грамме ткани надпочечника содержится полмиллиграмма адреналина и одна десятая доля норадреналина...

— Ой, Зот Михайлович, да зачем вы нам это рассказываете? — спохватилась Сонечка, оглядываясь на смирно сидящего на стуле Егора Андреевича Дудкина и на дремавшего на диване Ивана Леонтьевича, хозяина квартиры.

— Адреналин — гормон кролика, — тихо пояснил Зот, — а норадреналин — гормон льва... Если в кровь поступает адреналин, то человек беспокоится, с увеличением дозы он впадает в состояние угнетения, страха, ужаса и паники... Ну а если кровь принимает в себя норадреналин, то это сопровождается сокращением мышц, самоуверенными действиями, азартом, ненавистью, эйфорией...

— Ты брось нам зубы заговаривать! — бесцеремонно махнул рукой Сергей Афанасьевич. — Мы и без тебя книжки читаем! Кто хутора поджег?

Однако Зот даже не взглянул на него, продолжал объяснять, что каждый человек — фабрика гормонов; спортсменам на соревнованиях запрещено употреблять биостимуляторы, врачи предостерегают людей от излишества транквилизаторов. Это же наркотики! Они есть в снотворном маке, индийской конопле, кокаиновом кусте, в дурмане... Люди давно берут соки трав, кустарников и деревьев, возбуждающие нервные центры или

разные органы. Выявлено очень много «богов», это бобы, кактусы, табак, кофейное дерево, чайный куст, хинное дерево, лютик. Создана промышленность по выпуску морфина, стрихнина, хинина, кофеина, атропина, эфедрина, никотина, новокаина... Алкалоидов более тысячи...

— Надоело! — выкрикнул Кваша. — На кой черт нам твоя лекция!

— Дай нам послушать! — возражали ему.

А Зот неторопливо говорил, что в нашем организме есть гормоны, действующие подобно мухомору, чаю, кофеину, спирту. Из древности идут легенды о воинах-берсерках, которые умели мухоморами возбуждать себя так, что входили в состояние героического аффекта, прорубались мечом сквозь армию противника; но были также люди, которые, не пользуясь биостимуляторами, превосходили их по своей отваге.

— Это не мистика, — беззвучно засмеялся Зот. — Мистика — искусственное возбуждение, поступки в состоянии опьянения или через накачку себя кофеином... В нас есть центры гениальных идей, сказочных фантазий, красивых фокусов и власти над собою...

— А ты покажи! Продемонстрируй свои способности! — обрадовался Кваша. — Чего нас интриговать!

И в тот же миг Сергей Афанасьевич, разинув рот, закудаhtал. Гости за столами захихикали, но потом, затаив дыхание, стали слушать, как Кваша передразнивает курицу, снесшую яйцо. Павел Николаевич резко топнул ногой, как бы возмущаясь таким поворотом дела, но вдруг, хлопнув руками, издал крик, подражая петуху. Потрясенная Сонечка спряталась за дверь и выглядывала оттуда сквозь щель между косяком и дверью. А Егор Андреевич, приглашенный в гости в качестве тамады, потешался:

— Ай да Зот Михайлович! Ай да молодец! Так их! В курятник! Ха-ха! Заставь кого мычать, кого верещать, а лучше — лаять по-собачьи!

Однако веселое озорство заместителя начальника стройки произвело сущую панику среди гостей, они проворно попрятались кто в спальню, кто в кухню, в прихожую или в коридор. Не растерялся только комсорг Корзухин:

— Хватит, Зот Михайлович! Гипнозом занимаешься? Запрещено. Ты член штаба нашей стройки! Я тебе приказываю остановить шутки!

Зот изумленно глянул на Вадима, мол, это же концерт, художественная самодеятельность, дескать, и Корзухин может сплясать или спеть.

И в тот же миг ноги Корзухина как бы сами собой заподпрыгивали, каблук, дробя, побежали по кругу, а носки туфель стали как бы пинать мяч перед собой. Вадим озорно подкидывал плечи вверх, хлопая в ладоши и удивленно поглядывая по сторонам.

— А почему бы не повеселиться! — одобрительно подбадривал Егор Андреевич, притопывая в такт и приговаривая: — Ай да физинструктор! Ай да режиссер! Ей-богу, режиссер! А ну поддай жару! Пусть они работают до поту! Ну куриное племя! Ах, молодцы!

И когда увидел, что Стрелецкого и Квашу пот прошиб, обратился к молча стоявшему подле дверей Митрофанову:

— Останови их, голубчик! Довольно, довольно.

И точно, Корзухин перестал плясать, а Сергей Афанасьевич и Павел Николаевич прекратили курино-петушиную игру.

— Мастак! — приговаривал восхищенно Егор Андреевич. — Мастак! — И стал упрашивать физинструктора показать еще какой-нибудь удивительный фокус или одарить чем-нибудь волшебным. А Зот Михайлович, в свою очередь, объяснял, что он никакой не фокусник, что словам его нельзя не верить, потому что они несут и верную информацию, но в них нельзя не сомневаться, потому что в них очень мало истины. Муж называет жену ласточкой, и она начинает порхать, щебетать; но

если жена начнет обзывать мужа свиньей, то он захрюкает... Словами ласкают, утешают, внушают радость, голод, сытость, ими воскрешают, но и убивают тоже... А между тем слова лгут...

— Если ты мне соврешь, то я не поверю! — Егор Андреевич приблизился к Митрофану, похлопал его по плечу; а тот поднял торжественно руку, и все увидели, что в пальцах его зажат какой-то блестящий предмет.

— Вот вам, Егор Андреевич, амулет, — тихо прошептали губы Зота. — Он стоит миллиард... Не уроните, не разбейте, эта штучка будет вас беречь...

Гости, выйдя из своих укрытий, толпились в двсрях гостиной, вытягивали шеи. Егор Андреевич жадно выхватил из пальцев физинструктора предмет, сжал его в руке, оглянулся на гостей и, взволнованно засмеявшись, сунул непонятную безделушку под полу пиджака.

— Вы хотели провести со мною эксперимент, — громко обратился Зот к присутствующим. — Я ответил вам тем же... Помяните мои слова: если один из присутствующих здесь когда-нибудь не захочет идти по пути совести и знания, то он превратится в робота...

— В кого? — не поняли гости.

— Превратится в робота, — повторил Митрофанов. — Разрешите мне удалиться?

Сергей Афанасьевич и Павел Николаевич удивленно переглянулись, затем улыбнулись, как бы ожидая рукоплесканий за свой номер, стесняясь кланяться публике, глазевшей на них недоуменно; Вадим выпятил грудь, приглашая всех хлопками одобрить художественный номер, который исполнили главный инженер и начальник производственного отдела; но собравшиеся сомневались, что их выступление было произвольным, походило, будто физинструктор какую-то непонятную силой принудил всех исполнить забавное действие. Никто, однако, не успел даже расспросить Зота о том, кому он обещает превращение в робота. Всем показалось,

будто вокруг Митрофанова резко усилилось свечение, сапоги его оторвались от пола, он секунду повисел в воздухе, а потом будто сделал над половицами два шага и оказался в проеме открытого окна: странно было видеть, как тело его медленно полетело по воздуху. Какое-то время никто не отваживался приблизиться к окну, потом Вадим Корзухин выглянул за подоконник, но никого не увидел: по-видимому, Зот благополучно приземлился после прыжка с третьего этажа и куда-то ушел.

Мало-помалу гости опять стали собираться к столу, но есть им не хотелось, да и пить тоже. Все обсуждали невероятное происшествие, говорили, что экстрасенсы улавливают информацию не из слов, а как-то иначе, что имеется много различных «специальностей» у этих самых экстрасенсов, одни из них будто читают болезни людей по ауре, другие якобы угадывают мысли на расстоянии, третьи, ясновидцы-футурологи, определяют будущее, четвертые... и пятые... их множество! Но похоже, что все это — мифы и сказки для простаков. Наиболее начитанные из гостей вспомнили о легендарном голландце Круазе, раскрывшем десятки уголовных преступлений, но убитом членами мафии, когда началось расследование «Дела Моро»; мафиози боялись, что Круазе разоблачит их. Упоминали имя тамбовской девочки Светы, которая видит внутренние органы других людей и как бы собственными глазами: биение сердца, ток крови, лимфы, движение пищи по кишечнику; она якобы различает каждый орган и работает с врачами как диагност... Упоминали болгарку бабушку Вангу, ясновидящую, телепата Мессинга, даже экстрасенсов Кулагину и Кулешову. Но никто не мог поверить, что экстрасенс живет рядом, в общежитии, работает физинструктором, да еще придумал какой-то свой метод — вырабатывать в организме «гормон кролика» и «гормон льва»...

— «Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен; Правдив и свободен их вещий язык

и с волей небесною дружен. Грядущие годы таятся во мгле. Но вижу твой жребий на светлом челе». — Корзухин, продекламировав отрывок из «Песни о вещем Олеге», стал успокаивать гостей, мол, он, комсорг, распросит Зота обо всем на очередном заседании штаба ВЛКСМ стройки, но гости уже торопились по домам.

— «Он ждет; Он не доступен звону злата, И мысли и дела он знает наперед, Тогда напрасно вы прибегнете к злословью...» — прошептала Сонечка, оглядываясь на дверь.

Артистический Павел Николаевич бросал оболевающие взгляды на Сонечку, переносившую посуду со столов в кухню. Корзухин обещал Ивану Леонтьевичу выявить поджигателей хуторов и без посредничества Митрофанова, а Егор Андреевич чесал за ухом и бурчал, что лучше бы о происшествии с Зотом (зря он выпрыгнул из окошка третьего этажа!) никому не рассказывать, а то разойдутся слухи, будто в квартире бывшего начальника управления строительства случилось нечто предосудительное.

2

После вечеринки в квартире Ивана Леонтьевича минуло десять дней. Павел Николаевич, назначенный исполнять обязанности начальника управления, сразу же командировал инженера Семена Заварухина на трассу, в коллектив мехколонны, докопаться до причины «самовозгорания» хуторов Касачинский и «38-й километр»; это было необходимо уже потому, что предстояла передислокация на север коллектива другой мехколонны со слободы Примыкания, то есть с пулевого километра, что на окраине Красногорска. Возникли тут, в поселке, пожар, скрыть этого не удастся, да и вообще пожары на линии необходимо предотвращать.

Побывав на укладке бетона взлетной полосы аэродрома, заехав на монтажные работы причальной стенки

речного порта, Стрелецкий к обеду вернулся в здание управления. В фойе столкнулся со спускающимся по лестнице, размахивающим руками Сергеем Квашой и длинным, тощим Семеном Заварухиным. Семен подобострастно заглядывал бородачу в лицо, угодливо горбился, и Павлу было неприятно видеть своего студенческого товарища в такой унижительной позе. Кваша, сверкнув зубами, с громким гоготом бросился навстречу Павлу, будто намеревался по-бойцовски схватить его в охапку. Стрелецкий холодно кивнул Сергею Афанасьевичу, и, задержав Семена, пригласил его в свой кабинет. Сергей Афанасьевич обиженно фыркнул, обозвал главного инженера «роботом» и закосолапил к двери своего кабинета.

Прикинувшись, что не расслышал слов Кваши, Павел шел впереди Семена по гулкому коридору, прислушиваясь к стрекотанию пишущих машинок, крикам радистки, ищущей в тайге кого-то для разговора с главным механиком, к елеяному журчанию голоса главного бухгалтера, доносившемуся из приоткрытой двери:

— Это тебе не хутора жечь... Зачем зачислил своего наездника в слесари пятого разряда? Робот ты этакий! Переплата четыреста сорок три рубля двадцать семь копеек... Придется вернуть!

Передернув плечами, Павел чуть приостановился перед второй, совсем распахнутой дверью.

— Как вы планируете? — возмущался Дудкин в телефонную трубку. — Что у вас там за оракулы? Уже ясновидцы предсказывают во сто крат лучше, чем вы планируете! Рубка леса — передовая фронта! Чтобы наступление не прекращалось, передовую необходимо пополнять техникой, горючим и боеприпасами... Да нет, не боеприпасами. Зарапортовался с вами, роботы проклятые...

По-видимому, из телефонной трубки возразили Дудкину.

— Ты не спорь, — рассердился Егор Андреевич, —

а то собакой залаешь! Я вот сам расспрошу Митрофанова, кто хутора поджигает... Да-да, кукарекал. Слыхала? Ха-ха! А другой кудахтал... Конечно, смешно!

«С Гончевой треплется, старый болван, сплетни множит!» — беззлобно подумал Павел, догадавшись, что Дудкин беседует с начальником строительно-монтажного поезда, и пошел дальше, к приемной. Там Зиновья, чиркая в телефонную трубку тоже вроде бы о работе, суеверно ахала:

— У него предсказания сбываются... был пожар... А потом он спас роженицу... Как-то догадался...

Это уже о жене Заварухина. Увидев в проеме двери Павла и Семена, Зиновья покраснела и резко бросила трубку на рычаг.

Семья Семена жила до недавнего времени в тайге, в хуторе Касачинском. В декабре шофер повез жену Заварухина в кабине самосвала в райцентр, в больницу, машина забуксовала и застряла. Водитель, испугавшись стонов женщины, сбежал. А Зот Митрофанов, непонятно как оказавшийся поблизости, вышел на дорогу, завел осевшую в снежном месиве машину, каким-то чудом вывел ее на дорогу и довез женщину до больницы... Непонятный случай.

Павел распахнул дверь кабинета, пропуская Семена вперед себя и на ходу снимая пальто.

— Слышал, сколько вокруг разговоров о пожарах? И меня уже сулят превратить в робота. Ну, давай рассказывай, что ты там наисследовал?

Не успел Семен ответить, как дверь распахнулась и в кабинет быстро вошел Вадим Корзухин. Громко поздоровавшись, он объяснил:

— Павел Николаевич, я провел профилактическую беседу с Митрофановым, чтобы он не болтал о разных метаморфозах людей. Шутит шуточки, а люди верят... А хутора поджигает какой-то местный диверсант!

— Никакой не диверсант, — осторожно возразил Заварухин. — Сами они возгорелись...

— Как это сами?! — топнул ногой Вадим. — В деревнях люди возмущены, они бы пустые хутора к рукам прибрали, а мы их в пепел обращаем. Зачем тогда было ездить расследовать дело? — наседал Корзухин на Семена. Тот молчал, затравленно бросая взгляд то на Павла, то на Вадима. Сухие щеки Семена порозовели.

Лицо Стрелецкого оставалось бесстрастным.

— Чем человек отличается от обезьяны? — Семен вдруг ухмыльнулся Корзухину.

— Чем? — Вадим оторопело отступил на шаг. — Ясно чем. Трудом, речью.

— И лошадь трудится, и роботы болтливы, как попугаи, да не люди. — Семен ссутулился, сел в кресло возле стола. Вадим быстро подошел к Семену.

— У попугаев в голове нет школьной начинки!

— Не угадал, Вадим Алексеевич! — Заварухин, ища поддержки, глянул на Стрелецкого. — И в голове обезьяны есть начинка, и роботы переваривают информацию... На человека сходит о-за-ре-ние! Его посещают гениальные мысли!

— Озарение? Намек на Митрофанова? — Вадим обежал кресло, в котором сидел Семен. — Вы слышали, Павел Николаевич? — закричал озлобленно. — С вашей помощью он въехал в городскую квартиру и каким соловьем запел! Ты, Семен Васильевич, просто боишься назвать фамилии поджигателей...

— Довольно дискутировать! — Павел шлепнул ладонью по крышке стола. — Докладывай, Семен Васильевич, как возникли пожары...

— Люди не хотели везти с собой на новое место временки. Слух прошел, будто на просеку поступают усовершенствованные домики, комплектом, целыми хуторами. Понимаете? А вагончики действительно мехколонна получила. Вы, Павел Николаевич, сами обо всем догадываетесь... — Семен покосился на Корзухина.

— О чем догадываюсь? — насторожился Павел. — Даже избушку в лесу добрые люди не сжигают, а тут два поселка спалили. Районы только осваиваются, и нас за такое разбазаривание жилого фонда судить могут. Плохо ищите бандитов. Пиши докладную!

— Какие бандиты, Павел Николаевич! — сжался Семен, худые плечи его еще больше ссутулились. — Я знаю в Касачинском всех людей. Они любили свои дома, огороды. Моя жена видела пожар, она ехала с детьми в автобусе... Никто не поджигал...

— Черт знает что ты городишь! То люди хотели получить новые жилые вагоны, то они не хотели перевозить старые щитосборные. Выходит, сами подожгли свой хутор? Прокурору, что ли, пожары передать? Где был начальник мехколонны во время пожара?

— В отпуске.

— А его заместитель?

Разглядывая собственные ботинки, Семен сидел с видом набедокурившего школьника, потупив глаза.

— Хотите, подарю вместо щитосборных хибарок кирпичный город? — тихо произнес Семен и похлопал себя по карману затертого пиджака, как бы говоря этим, что карман не пуст.

— И сколько же в твоём кармане домов? — прищурился Вадим.

— Город. Огромный... Тысяч на триста населения! За пять лет могу построить город, — бойко заговорил Семен, — такой, как Красногорск, или выдать золотом, валютой, по безналичному расчету. Хотите?

— Вы, Семен Васильевич, врете, да не так бойко, — засмеялся Вадим. — Это Митрофанов дал Егору Андреевичу какой-то амулет, сказал, что амулет стоит миллиард. Митрофанов фокусник, а вы кто?

Павел, проявляя заинтересованность, вышел из-за стола, приблизился к Заварухину и спросил почти ласково:

— Сеня, голубчик, как же взять эту громадную выгоду?

— Очень просто...

— Клад выкопать из-под дерева, — подмигнул Вадим. — Сейчас он нас, Павел Николаевич, как Митрофанов... это самое... да нет, он сам с чужого голоса запел!

Павел движением бровей осадил Вадима, мол, шутики не ко времени.

Семен заговорил увереннее:

— Стройматериалы в Нефтяные Юрты возят самолетами. А если за одну зиму дать туда железную дорогу, то удешевим каждый кирпич в девять раз. Значит, и каждая добываемая тонна нефти подешевеет...

— Эх-ма! И дураку понятно, что воскресенье — выходной, — разочарованно усмехнулся Павел и отошел к окну. — Мы строим первую очередь дороги до Искера — двести пятьдесят километров. Наступит срок, доберемся и до Нефтяных Юрт.

— Лет через семь... — вкрадчиво подсказал Заварухин. — Чего мы ковыряемся на южном плече? Зачем нам эти двести пятьдесят километров, если по ним возить нечего?! Искер — провинциальная дыра! Бросить бы рельсы сразу к главной точке — через болота и тайгу!

Павел какой-то миг непонимающе глядел на Семена, потом, спохватившись, изобразил левой рукой чашку и, как бы помешивая в ней правой, проговорил:

— За обедом съедают салат, потом суп, после него котлету и все запивают компотом. Есть очередность. Нельзя же все блюда смешивать в одной чашке...

— Сколько за идею заплатишь? — Семен протянул к Павлу ладонь.

— По закону... — Стрелецкий вернулся к столу, открыл дверцу тумбы, вытащил толстую в коленкором синем переплете книгу, быстро перелистывая страницы, уперся пальцем в строчку. — Вот, читай!

За открытие размер вознаграждения до пяти тысяч рублей...

Не глядя на Павла, наморщив лоб, Семен медленно встал и сделал шаг к двери.

— Я ведь не шучу, Паша...

Павел, стоя, перелистывал страницы.

— Вот, за рацпредложение при годовой экономии в сто рублей получишь награду десять рублей, при выгоде в пятьсот рублей начислим сорок пять рублей, свыше ста тысяч рублей — полпроцента... Максимум опять же пять тысяч...

— Ну а если за изобретение?

— За изобретение?.. Так, за изобретение, это за технически новое решение при экономическом эффекте свыше ста тысяч рублей получишь два процента от суммы...

— Отлично! — Заварухин вернулся к столу. — За экономию в миллиард мне на руки дашь двадцать миллионов.

— Не дури, — углубился в чтение книги Павел. — Есть для жадных, как ты, оговорочка: максимум награды не будет превышать двадцати тысяч...

— Ну не будет, так и города вам не будет! — Семен прошелся по ковру возле Корзухина. — Не отдам идею, и конец.

Захлопнув справочник, Павел спрятал его в стол.

— Мы, дорогой Сеня, не на базаре, там частник может заламывать за какие-нибудь орехи неслыханную цену. Рассказывай идею! — Подумав, добавил: — Действительно, на вечере физинструктор дарил Егору Андреевичу какой-то амулет, якобы ценою в миллиард...

— Я дачу намерен купить. — Семен вдруг подозрительно оглядел Корзухина, кислая физиономия которого выражала недовольство.

— Дачу? — прищурился Вадим. — Материальный уровень повышаешь на сто процентов, а духовный как

же? Причину пожара не выяснил, но дачу уже выпрашивает!

Стрелецкий через стол протянул комсоргу руку для пожатия:

— Спасибо, Вадим! Мы с Семеном еще помозгуем.

Вадим обиженно смолчал, но у двери задержался, чтобы напомнить, что Семен Васильевич часто общался с физинструктором, который кому угодно голову задурит, что их обоих надо бы рентгеном просветить.

— Да, беседовал я с Митрофановым о пожарах, — кивнул Семен, когда комсорг вышел за дверь.

— Он не сулил меня в робота превратить? — ехидно спросил Павел.

— Шутки, что ли, не понимаешь? — Семен с безразличным видом пожал плечами. — Говорил он, что люди сами иногда превращаются в ворон, в зверей... Не по чьей-то злой воле, не подумай!

— Ни в чем я тебя, Сеня, не подозреваю. Говори дело.

— Да уже сказал.

Павел вышел из-за стола, приблизился к Заварухину и, тронув студенческого товарища за плечо, спросил:

— Меня не интересует, где ты взял идею. Я не боюсь превратиться в робота, объясни, в чем суть идеи.

— А не надуешь? — покосился на него Семен.

За окном, за корявыми ветвями тополя, ослепительно сияло весеннее солнце, за дорогой, по которой сновали машины, на пустыре зеленела полянка. Семен и Павел с минуту молча глядели в голубую даль, думая каждый о своем. На столе зазвенел телефонный аппарат, но Павел не взял трубку. В дверь заглянула Зиночка и увидела: Павел Николаевич в опрятном синем костюме, плотный, красивый, и Семен Васильевич, сутулый, в сером мятом пиджаке, неглаженных, нависших на ботинки брюках, стояли у окна и разговаривали тихо, будто заговорщики. Она беззвучно притворила дверь.

Глава 1

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ! СКАЖИ...

*Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи...*

Александр Пушкин

Павел вернулся из аэропорта поздно и, ложась в постель, досадовал, что уже нельзя позвонить Соне, засыпая, лелеял мысль утром услышать по телефону ее голос.

Спалось плохо. Ночью несколько раз вставал, курил. В шесть, не утерпев, набрал номер Сонечкиного телефона. Зримо представил уютную комнату с чистым крашеным полом, застланную дешевым ворсистым ковром. Однажды вместе с Вадимом Корзухиным он заходил к ней, к ним навстречу выпорхнула в домашнем халатике непосредственная Сонечка, которую Павел, любя, окрестил Златогривкой. Провожая вчера вечером жену с дочкой на курорт, он предвкушал встречу с Соней, незамужней, откровенно симпатизировавшей ему. Почему она не подходит к телефону? Может, ночует в квартире родителей?

Ходил по квартире — из спальни в кабинет, из кабинета в кухню, не решаясь в такую рань звонить Сонечиным родителям. Можно, конечно, предположить, что Соня ночует у какой-то из подруг или отключила на ночь телефон. Или ее отсутствие как-то связано с Бородаем?.. Бородай должен быть в Искере.

Павлу представился один из Сониных женихов, меланхолический, бритоголовый, низкорослый и толстешей инженер; этот засидевшийся или загулявший жених командует сейчас строительно-монтажным поездом в Искере, в двухстах пятидесяти километрах к северу от областного центра. В управлении Красногорскстройпуть ходили слухи, что Бородай сватался за Сонечку; но

поговаривали и о любви Павла к ней, хотя между ними не было ничего, что бы переходило границы флирта. Одно время Бородай насторожился, отговаривался от командировок. Чтобы снять как-то скрытое напряжение, Павел выдвинул этого уже матерого инженера на должность главного инженера Искерского строительного-монтажного поезда, а потом, с появлением вакансии, поднял в начальники этого же поезда. Сонечка, бухгалтер УРСа, оставалась в Красногорске. Находя какие-либо просьбы от имени таежных ОРСов и столовых, она часто заглядывала в кабинет Павла, жизнерадостно щебетала о том о сем.

В кухне Павел заварил чай, намазал кусок хлеба маслом, но, положив на краешек стола, пошел в кабинет, крутанул диск телефонного аппарата.

— Сони нет, — старческий заспанный хрип. — Вышла замуж. — Скрипучий голос закашлялся.

— Господи... — вырвалось у Павла.

— А кто интересуется?

— Главный инженер управления, — по-деловому ответил Стрелецкий.

— Уехала к мужу, в Искер, — суетливо объяснил мужской голос. — Бородай ее муж. Уволилась и уехала...

Опустил трубку на рычаг. Защемило сердце, и пришло в голову, что глаза его зажигаются огнем, как электрические лампочки, что в нем циркулирует не кровь, а какие-то искусственные биологические растворы, что он биологическая кукла... Еще позавчера мимоходом виделся с Соней в коридоре управления рабочего снабжения. Он не мог в ней обмануться, и она не могла быть такой притворщицей, чтобы отвечать на его нежности и околпачивать его. Неужели Сонечка не принимала Павла всерьез? Он для нее искусственный организм, биоробот?..

От язвительной насмешки над собою пропал аппетит. Не притронувшись к еде, покинул квартиру. Во дворе

глянул на окна третьего этажа, вообразил, как Зот выпрыгнул на асфальт, и не поверил этому. Фокусник! Всех надул и сбежал... Оставил на памяти зарубку: если не пойдешь по пути совести и знания, то станешь роботом... «Да я что же, обманщик, что ли?» Павел уныло оглядел залитый солнцем двор, блестящие влажной зонты цветов на клумбах. Из окон соседнего здания — корпуса общежития выплескивалась музыка. На двух нижних этажах пятиэтажного жилого дома размещались кабинеты управления. Поднялся на второй этаж.

Если пойдешь не по пути совести и знания... Кто же избирает сам себе незнание? Глупость!

Нежаркое утреннее солнце прошивает шевелящуюся листву тополя, загородившего окно, бросает блики на селекторный ящик, на шкаф с сувенирами и на узорчатый ковер, застилающий паркет.

Сев за стол, оперся локтями о полированную столешницу, навалился подбородком на сцепленные пальцы рук. За тамбурными, неплотно затворенными дверями пронзительно заверещал звонок, и Павел услышал: там кто-то поднял трубку. Секретарша Зина из приемной предупредительно заглянула в кабинет:

— Здравствуйте, вы уже у себя?

— А ты чего так рано пришла? — удивился Павел; поднял трубку аппарата, услышал голос комсорга: вчера из обкома комсомола передали письменную жалобу от девушек-бетонщиц с растворного узла на речке Шестаковке — недовольны питанием.

— Бородай не заботится о снабжении рабочих моста! — заключил рассказ Корзухин. — Шофера не контролирует. А тот гоняет машину неизвестно куда..

— При чем тут Бородай? Мост — объект Гончевой. — Павел энергично поскреб в затылке. Мост ладится спешно, глубоко в тайге, в отрыве от баз снабжения. Бородай, конечно, обязан шефствовать над этой дистанцией...

— А что, верно, будто Соня уехала в Искер?

Зина, распахнув дверь, вплыла, обтянутая голубой вязаной кофточкой и синей юбочкой. У нее длинные, легкие, как крылья у бабочки, ресницы.

— Митрофанов Соне предсказал свадьбу, — улыбнулась Зина. — После вечера, где вы с концертом... ну, петухом...

— Ты это всерьез? С ума, что ли, все посходили — шарлатанство принимаете за предсказания?! — Павел укоризненно наблюдал, как круглое лицо Зиночки совсем округлилось от смущения.

— Чайковский — экстрасенс, и Пушкин — экстрасенс, и Гоголь, Менделеев... — давась словами, втолковывала Зина. — Все талантливые люди... Все гении...

— Ага, и наш физинструктор в их числе. В хорошей компании! — рассмеялся Павел.

— Он же никому не причиняет зла, никого не лечит, не шарлатанит...

— Да-да, зубы заговаривает. — И в голову Стрелецкому пришла мысль: ведь сидела в приемной у Ивана Леонтьевича, прежнего начальника управления, горбатенькая старушка, ворчливая, желчная, но смышленная. Перед уходом на пенсию Иван Леонтьевич сменил секретаршу — посадил молоденькую пампушку. Зачем?

Задумчивая замедленность движения руки, берущейся за скобу, удивила Павла, он окликнул секретаршу:

— Погоди-ка... Ты красногорская или приезжая?

Зина плавно качнулась, щеки ее запылали.

— Слыхала что-нибудь про амулет Егора Андреевича?

— Ему Зот подарил. Все же знают. — Краска растеклась на шею, под волнистые русые волосы.

— Папка мой — брат Егора Андреевича. — Зина шагнула в сторону стола, как бы поощряя расспросы. —

Мы живем на станции в щитосборном доме; Зот научил нас гадать на зеркальце... Грит, уединись и сосредоточься перед зеркальцем... Я гадала, и зеркальце сказала: в этом году квартиру дадут...

«Вот оно что! Квартиру выпрашивает, — думал Павел. — Дудкин — ее родной дядя, он и посадил в приемную новую секретаршу».

— Почему у твоего отца другая фамилия?

— Отцы у папки с дядей разные.

— Так, так, выходит, ты веришь гаданиям? — Павел старался быть добродушным. Он знал, что Егор Андреевич сейчас уже занял кресло в своем кабинете, слева по коридору пятая дверь, уткнулся в страничку детективной повестухи или точит с кем-нибудь ляды о том, как Павел Стрелецкий кукарекал петухом в квартире бывшего начальника управления... Годы иссушили высокое атлетическое тело соратника Ивана Леонтьевича, построившего вместе с ним не одну дорожку. Заместитель по снабжению — заслуженный ветеран. Еще четыре года назад Дудкин был энергичен, а теперь стал раздражителен, возмущается тем, что Павел уволил Сергея Афанасьевича Квашу. Павел понимал: Дудкин оттягивает час расставания с приличной зарплатой.

— Отец твой, кажется, машинист? — вспомнил Павел.

— Ага! — кивнула Зина. — Он чуть не все дороги знает. Куда дядюшка Егор — туда и мы. Я родилась за Абаканом, на станции Кошурниково, а брат мой — в Курагине.

— Скажи, Зиночка, кто еще верит, будто Зот Митрофанов умеет делать фокусы? Гипнотизер он или телепат? Что о нем известно? — Павел задержал взгляд на полноватых, оголенных до локтей, едва тронутых загаром руках девушки.

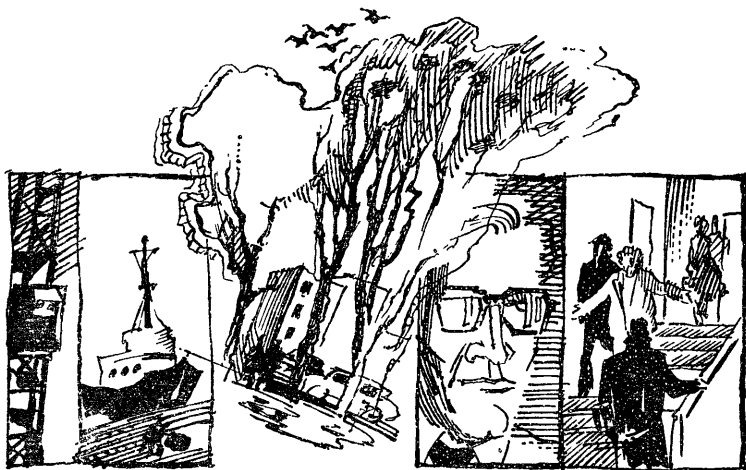
— Очень милый ларень. — Лицо и шея Зины зали-

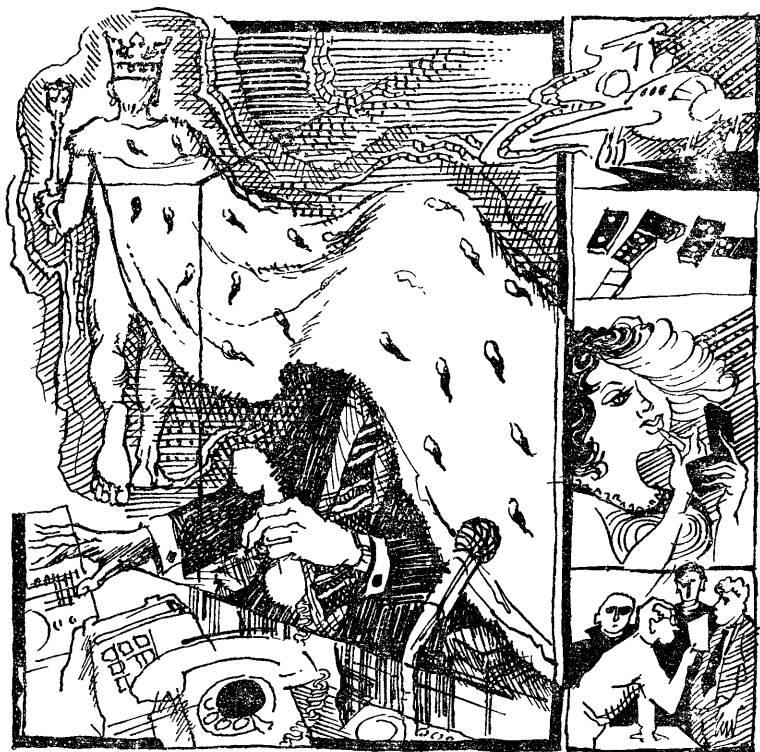
лись сплошь бордовым румянцем. — Что Зот скажет, то и сбывается, потому что он совсем честный...

— А я — не честный? — удивился Павел. — Обманываю всех? Много вокруг честных! — сдерживаемое раздражение вырвалось наружу. — Тебе лучше перейти на другую работу. В машбюро не хочешь?

Роняя беспокойные взгляды то на дверь, то на главного инженера, Зина стала негромко рассказывать, что недавно видела. На квартире у дяди Егора сидели за столом трое: главный бухгалтер Полубаба, начальник производственного отдела Заварухин и бывший начальник этого же отдела Сергей Афанасьевич Кваша. Семен Васильевич смеялся над Павлом Николаевичем, говорил, что он, Павел, по Сонечке с ума сходит, а потому, мол, хорошо бы узнать прогноз Зота о последствиях этого чувства...

— И все слушали Заварухина? — возмущился Павел. — А что еще нес Семен?

— Сказал, вы — король голый... — Секретарша прыснула и закрыла рот ладошкой.

Рассмеявшись, Павел откинулся на спинку кресла. Но шутка Семена оскорбила его. Забывшись, Павел вскочил и побежал по кабинету, но вдруг спохватился, увидев, что Зина наблюдает за ним.

— Амулет ты у дядюшки видела? — спросил Павел и смеялся. — Не отвечай! Не надо! Глупости! Ты не должна подслушивать чужих бесед! Я не желаю соби-

рать доносы! И не хочу знать, кто и как обо мне отзывается! Десять тысяч работающих! Да еще их родственники... Зачем мне тысячи сплетен?!

Зина кивала с покорностью, ее губы что-то лепетали, смущенная, растерянная и испуганная, она прижималась щекой к своему плечу.

— Придет Ссмен Васильевич — сразу кликни его ко мне! — Павел отвернулся от Зины и отошел к окну. Оглянулся, а Зина еще стояла у двери.

— Ты чего?!

«Болтуны! Прорицатели! Бездарные плановики!» Все в Павле кипело, возмущалось против Дудкина и Заварухина, а заодно и против глупой секретарши, которая принесла ему в кабинет вздорную информацию. Если Заварухин выразился «голый король», то, вероятно, пыжился перед другими, чтобы утвердить свое превосходство перед Павлом.

Затрещал черный аппарат. Павел вздрогнул. Окончательно отогнав от себя мысли о Зоте Митрофанове и Сонечке, приказал себе: «За дело!» Сосредоточенность обозначилась на лице, лохматые бархотки бровей сбегались к переносице. Приложив трубку к уху, узнал старческий басок заместителя министра, легко вскочил за столом навывтяжку.

— Жалуются на тебя. — Насмешливо-жесткие нотки, не сулящие ничего снисходительного, сочились сюда, в кабинет, аж из самой матушки-Москвы, за тысячи километров. — Самоуправствуешь? — Павел крепче прижал трубку к уху, примкнул кулак свободной руки к бедру. Понял: разоблачен с Шестаковским мостом. Мост через Шестаковку рождается вопреки титульному списку, он начат с целью продвинуть идею Заварухина в дело... Высокое начальство возмущено, что Павел начал эксперимент, не посоветовавшись с заместителем министра, с главком, без санкции заказчика и проектировщиков.

— Мошенничаешь? Деньги разбазариваешь? — до-

носился ядовитый, глуховатый басок. — Зачем тебе мост на второй очереди дороги, если еще первая не готова?..

— Посоветуйся я с вами — это было бы перекладыванием ответственности на вас... Вы бы не согласились, — пытался вклиниться Павел. — Вместо одной дороги мы на те же средства построим три такие линии, да еще втрое быстрее...

— Ох, купец! Кто тебя таким прогнозам научил? — сердился московский голос. — Чего же ты топчешься с путевкладкой на первой очереди?

— Мы не топчемся, к Новому году прогудим в Искерской...

— Прогудишь? И не обманываешь? — ехидничал голос. — Ты же сулишься класть рельсы на стылый грунт. На болота! Ну так этого мы не запрещаем, но прикажи просвистеть локомотиву к десятому августа! Потом будет коллегия, вот и отчитаешься о новом опыте... А Шестаковский мост — это авантюра! Отвлечение средств на неплановый объект...

— И прикажу!

— Прикажи, — засмеялся голос в Москве и, растеряв угрозу, добавил, что послезавтра в город Искер прилетит проверяющий из министерства Фокин, разберется с самовольным строительством непланового моста, может, что и посоветует.

Трубка попискивала в ладони, словно на том конце провода травили крысу. Близоруко щурясь за стеклами очков, Павел вернул трубку на рычаг.

— Вот тебе и путь знания! — сказал вслух. Кто-то наябедничал в министерство про Шестаковский мост, оповестил проектный институт. И что теперь? И все началось с вечера в квартире у Ивана Леонтьевича... Неужто физинструктор о чем-то заранее знал...

«Жалоба с Шестаковского моста, «король голый» (фраза Семена на квартирн у Дудкина), спешное заму-

жество Сонечки, головомойка заместителя министра — одно к одному! Фатализм какой-то». И еще дурацкий случай с «художественной самодеятельностью» в квартире Ивана Леонтьевича, намек Митрофанова превратить кого-то в робота, да и прыжок его в открытое окно... Ничего себе! Все неожиданно, непредсказуемо... Случайно или закономерное?

Тайны со строительством моста не делалось, мост не иголка, его не спрячешь. В управлении о незаконном сооружении моста через Шестаковку знали все, но это никого до поры до времени не касалось. Теперь кому-то понадобилось разоблачить Павла! Кваше? Он вызвал проверяющего? Или Бородай? Получил ревнивец повышение по службе, договорился с Соней о дне свадьбы и начал мстить своему благодетелю. Или это происки Семсна, который обижен, что ему денег за идею не платят?..

Скорее всего виновен во всем Кваша. Уволенный из управления, Сергей Афанасьевич не скрывает своего злорадства Павла. А Дудкин нашел себе соратника! Лохматый, со включенной бородой, громыхающий, как пустой бочонок, Сергей Афанасьевич распоряжался до Заварухина в производственном отделе. Он потрясал всех своими манерами и привычками: засыпал на первых минутах любого совещания. Поерзает широким задом на стуле, глядь — уже спит, даже храпит. Иван Леонтьевич не раз орал на сонюлю, забавлял на совещании всех сценами смеха, стучал кулаком, гонял Сергея Афанасьевича к врачу за справкой. Врач не без юмора свидетельствовал, что никакой патологии в психике Квашы не обнаружено. После того как в квартире Ивана Леонтьевича Павел запел петухом, а Кваша закудахтал, между ними возникла тайная неприязнь. И Павел, придя к власти, выставил Квашу из управления. Тот устроился в субподрядный трест начальником мехколонны, то есть на этой же стройке, но уже не в прямом подчинении Стрелецкому.

Глава 2

ОЖИДАНИЕ РЕВИЗОРА

*Мне надо выбраться из круга.
Переступить проклятый круг.
За гранью страха и испуга
Увидеть вольной воли луг.*

Михаил Дудин

— Где Заварухин? Я жду! — сказал Павел по телефону Зине.

В проеме распахнутой двери замаячила угловатая фигура Семена Васильевича. Топая по паркету кирзовыми сапогами, вошел Семен, остановился, вытянул красную шею, осмотрелся и, поздоровавшись, осторожно ступил на ковер, сел на далекий от стола стул.

Павел брезгливо рассматривал помятый костюм Семена, неаккуратный узел засаленного галстука.

— Что у тебя вид, Сеня, усталый? Не спишь, что ли? — серьезно спросил. — Только что звонили из министерства, приказано приостановить строительство Шестаковского моста, но форсировать путеукладку к станции Искерской. Как раз по нашему с тобой методу.

Клинообразное, зауженное, будто стиснутое по щекам, лицо Семена озабоченно сморщилось.

— Послезавтра из Москвы с проверкой приезжают, — добавил Павел. — Идея изменения проекта горит. Лети в Москву, спасай ее.

Облизывая кончиком языка верхнюю губу, Семен щипал себя за подбородок.

— Мертвого не воротишь...

— Я тебя не узнаю. О миллиарде речь. Бросайся, спасай из огня свой миллиард! — напирал Павел.

— За свою идею, да еще и в пекло? — Семен низко склонил голову. — Лучше новую идею придумаю...

— На нас с тобой донесли. Не догадываешься кто?

Воровато бегая взглядом по стенам, на которых раз-

вешаны диаграммы и графики, Семен ухмыльнулся скромно:

— У тебя один враг — Бородай...

Павел стремительно встал, вышел из-за стола, мягко ступая по ковру зеркальными туфлями, пересек кабинет, остановился перед Заварухиным:

— Замечаю у всех болезненный интерес к моей личности... Что с тобой? Зачем ты заботаешься о моей нравственности? Мои привязанности к женщинам могут меняться, но мои чувства к моей семье остаются. А с Бородаем у нас свои отношения. Деловые! Едет проверяющий, послезавтра будет в Искере. Его необходимо встретить. Собираешься? Поручаю тебе немедленно заполнить холодильник в служебном вагоне, поедешь сопровождать проверяющего.

— Я ведь не холуй — угощать ревизора! — Семен ствернулся к окну. — А своих рабочих продуктами снабжаем с перебоями...

Нервными руками Семен вынул из помятой пачки сигарету и закурил.

— Тебе известно о жалобе с Шестаковки? От кого она?

— От Бородая...

— Врешь! По глазам вижу! Ревнуешь, что ли, меня? Все помешаны на Бородае!

— Все знают, Павел Николаевич, что ты кукарекал на Квашу, а потом уволил его, — вкрадчиво вставил Семен. — И тебе не верят, да и никто надрываться не хочет.

Наклонившись к телефонному аппарату, Павел тут же набрал номер, услышав голос Вадима Корзухина, заговорил:

— Ты рассказывал кому-нибудь о жалобе с Шестаковки? Да? Ясно. А то я было начал верить в чертовщину! Вот, думаю, наш с тобой разговор о жалобе сам собою улетучивается из кабинета, не подслушивает ли кто... Сыщи срочно красавца менестреля, чтоб певун

и музыкант, пошлем его к девушкам на Шестаковский мост, страсти их утихомирим. Нету? А ты купи, выиграй в лотерею! Не мне тебя учить, где брать музыкантов. Командируй на мост без рекламы. Завтра я еду поездом и доведу менестреля до Искера, а там как-нибудь перекантуем его в лес.

— Потемкинскую деревню, Павел Николаевич, придумываешь, — поморщился Семен.

— Не распускайся! — зло оборвал его Стрелецкий. Он вытащил из запольного кармана пиджака бумажник, извлек из-под кожаной перепонки три четвертные: — За гостем придется поухаживать. Его мнение на коллегии будет стоять подороже этих денег.

Но Семен отскочил от Павла, замахал руками и зло забормотал:

— Чур, Паша! Чур меня с твоими махинациями! Я не могу. Освободи меня от обсуждений идеи, останови их всюду... Мы горим, а я не хочу, у меня семья. Скажи в министерстве, что я отказываюсь от своего предложения.

— У цыганки, что ли, был? Или Зот чего напроорочил? Как я могу остановить обсуждение твоей идеи на заседании коллегии министерства? — Павел озадаченно разглядывал скособочившегося, озлобленного Семёна. — Ты соображаешь, чего требуешь?

Конопатое лицо Семёна побледнело, он взмахнул кулаком и метнулся по кабинету, словно в поисках выхода, но не туда, где была дверь.

— Ты, Паша, руководитель или размазня? — вкрадчиво и зло заговорил он. — Кто дал идею? Моей головой она придумана. Заявляю официально, что имею на нее права. Имею! Прошу вернуть заявку, и я уйду.

Неторопливо, оттягивая время, авось Семен одумается, Павел обогнул угол стола, сел в кресло, выдвинул ящик, пошуровал в нем рукой и выложил на стол три скрепленных канцелярской булавкой листочка. Семен быстро подбежал к столу, сгреб костистыми паль-

цами бумажки, смял их, ехидно скаля зубы, разорвал в клочки. Угловатое тело под серой тканью пиджака дергалось. Он ринулся поспешно к двери, но Павел окликнул его:

— Ты куда, Сеня? Не спеши! — опять вышел из-за стола. — Правильно смсется над нами Зот Митрофанов, что мы идем по пути незнания. Ты, Семен Васильевич, мой однокурсник, я тебя ценю за ум, но ты забыл, что находишься в кабинете начальника управления.

— Ты... ты бонапарт, Паша, — оттопырив нижнюю губу, проговорил Семен. — Вскочил, как чирей, в начальники и всех считаешь баранами...

— Остынь, остынь, Сеня, — негромко уговаривал его Стрелецкий. — Я уволил одного лишь Сергея Афанасьевича, а на его место посадил тебя... Чем недоволен?

— В соавторы метишь? — прошипел Заварухин. — Хочешь жар чужими руками загребать. Ставишь чужие мысли на кон: проиграешь — не жалко, выиграешь — гением прослывешь. Хитер! Водочки-селедочки — ревизору, менестреля — девушкам. Лучше бы провизию отгрузил на Шестаковский мост. Опутываешь всех, как Бородая...

Павел понимал, что Семен не прав, но не мог понять, почему он так разобижен и ослеплен злобой. Сразу, как Заварухин в апреле написал заявку об изменении проекта, Павел звонил в проектный институт, разговаривал с руководителем проекта, а когда там его и слушать не захотели — виданное ли дело: изменить проект, который уже три года в работе! — Павел поехал в Москву, рассказал о новой идее в главке. Начальник главка тоже испугался: браться за изменение проекта — значит добиваться изменения формулировки строки в народнохозяйственном пятилетнем плане.

— Все, Сеня, все. Молчи! Здорово ты язык развязал. Теперь послушай меня Тебя тревожат деньги за поданную идею? И ты завидуешь моей зарплате?

А давно ли ты был рядовым инженером на линии?
— Ты загубил мою идею!

— Мне твои хитрости известны! — оборвал его Павел. — Премии получишь, но не раньше, чем идея пойдет в дело. И не притворяйся зайчиком, ты в сговоре с Дудкиным, Полубабой и Квашой! — бас у Павла окреп и загремел. — Заявка твоя зарегистрирована в канцелярии, ты ее изорвал. Что ж, поставим о твоём поведении вопрос на собрании... Этого ты захотел?

— Хитре-е-е-ещ! — просипел Семен.

— Конечно! Не имею права быть бесхитростным! — Губы Павла обескровились, он поправил очки. — Земляные работы на перегоне Сузгун — Искерская опережает график. Только мехколонна Кваши застряла в болоте, на еланских траншеях. Бородай благоденствует, тоже, видимо, надеется, что мы откажемся от укладки железнодорожной решетки на раскорчеванный грунт. Но нет, не откажемся! Рывок — и нам аплодисменты. Хотя дело не в них. Мы прорвемся к Искерской, и нам простят пустяковый Шестаковский мост. А мост — это задел! Плацдарм на зиму! На весну! Даже на нынешнюю осень! Мы через него уже в ноябре пустим поезда в тайгу, на просеку. И твоя идея благодаря этому моменту восторжествует. И если ты ни хрена не смыслишь в хозяйственной политике, а только даешь идеи, то занимайся своими инженерными раздумьями и не суй нос в другое! Ясно? Высказывать гениальные мысли — дар, талант, но воплощать их в реальные мосты, дорогу — это плутовство, что ли?

Семен молчал.

— Кто тебе заморочил голову враждой ко мне? Выкладывай!

— Егор Андреевич уверен, что амулет спасет его от несчастий, от опасных идей, которые мы придумали, — глухим голосом нехотя ответил Семен.

— И ты в мистику веришь? — задохнулся от удивления Павел. — Ты дал грандиозную идею, теперь разо-

рвал заявку, шантажируешь меня, обзывал голым королем...

— Егор Андреевич показывал нам не просто амулет, а гемму, — прошептал Заварухин. — Драгоценный камень с трехглавой химерой...

— Зот Митрофанов с вами был? Может, он фокусами вас морочил? Символы, гаданья... Чушь! Идиоты! — Павел резко всучил в растопыренную ладонь Семена деньги. — Иди, к утру холодильник в вагоне должен быть полным.

— А чего купить-то?

— Соображай, не маленький!

— Через четыре недели поезд в Искерскую не пропустить, — помотал головой Семен. — Напрасно ты пообещал. На Еланском болоте выемка не готова, дальше вырубка не сделана.

— Знаю! Но поезд на станцию Искерская мы пропустим! — сухо отрезал Павел. — Сделаем насыпь, и локомотив пройдет. Мы его на плечах, на руках донесем... Это и есть наш путь знания! Ясно?

Семен вышел тихо — и дверь не скрипнула.

Оставшись один, Павел аккуратным почерком вывел на чистом листе бумаги: «Командировать для встречи проверяющего из министерства в город Искер следующие товарищей: В. Ф. Гончеву, С. В. Заварухина»...

В щель неплотно притворенной двери просачивались телефонные звонки и голоса. Аппарат управления жил многоязыким, многоруким, многоглазым организмом, успевал отдавать нужные распоряжения, получать информацию с мест.

— Нужно встретиться и поговорить с Зотом Митрофановым, — подумал Павел вслух. — Что значит путь знания, пусть объяснит!

— Так точно, Павел Николаевич! — ответил четкий женский голос.

Павел и не заметил, как в кабинет вошла Виктория Филипповна.

— Здравия желаю! Прибыла по вашему приказанию, — вскинула она руку и поправила пятерней пышный чубчик.

Легкой походкой Виктория Филипповна прошагала к стулу и села возле стола.

— Рассказывай, почему девчата с Шестаковки жа-лобы пишут, — пробасил Павел.

Виктория Филипповна поскребла пальцем обтянутую клетчатой брючиной коленку, подергала полу клетчатого пиджака и с неожиданным жаром заговорила, что погода на речке Шестаковке — Ташкент, что воздух там свежий, аппетит у девчат разыгрался, им не хватает мяса; но главное — скучно, женихов нет, вот и бузят.

С вихревой, горячей начальницей лучше беседовать доверительно, не приказывая, как бы советуясь с ней, она легко загорается, быстро исполняет любую просьбу, которая могла бы быть ей требованием. Гончева от природы имела нежный характер и была проницательна, но в супружестве с преподавателем военно-инженерного училища приобрела замашки командира.

— Свяжись немедленно с ОРСом, отгрузите мясо на мост, завтра привезем туда какого-нибудь музыканта. Да помощи Корзухину найти менестреля...

— Будет сделано! — Гончева вскочила со стула.

— Приходил Заварухин, обвинял, что путаюсь с женой Бородая...

— Никак нет! — Виктория возмущенно рубанула рукой воздух. И засмеялась: — Плюньте, Павел Николаевич, на сплетни. Сонька сама липла к вам.

Павел тоже рассмеялся.

— Сегодня мылил мне голову замминистра за Шестаковский мост.

— Безобразие! — Гончева сжала губы, и ярко помаженный рот ее превратился в узкую полоску. — Как в министерстве узнали? У нас никто выдать не мог! За свой штат сотрудников ручаюсь! Никто! Стройбанк сче-

та не арестовал. А жалоба с Шестаковки — анонимная.

— Послезавтра придет проверяющий. Тебе придется встретить его.

— Надуем! — энергично сжала кулачки Виктория и вскочила со стула. — Шофер у меня смысленый, моторист катера — послушный. Острова на реке живописные, уха будет ой-ей-ей! А рыбу наловим раньше!

— Проектировщики, заказчик и наше министерство запретили строить мост. Чего ж нам мухлевать?

— Так точно, нечего! — кивнула Виктория. — Кто-то выстрелил нам в спину. Враг сидит в управлении. У тебя за спиной где-то. Может, Семен? — И Виктория Филипповна ткнула Павла пальцем в грудь.

Павел поморщился, с сомнением помотал головой и протянул руку к зазвонившему телефонному аппарату.

— Вадим Алексеевич? — ласково забасил. — Нет гитариста? Баянистка. Кто такая? Воспитательница Ивушкина Дарья Федоровна. Гм... Хотелось девушкам угодить парнем С виду-то не кривая? Ха-ха! Пожалуй, сгодится. Поручи ей узнать, кто жалобу на Шестаковке сочинил. Завтра ждем ее у вагона в пять утра. Слушай, а может, на мост турнуть еще инструктора по физкультуре? Пусть девушек позабавит, соревнование по плаванию устроит!

Опустив трубку на рычаг, Павел удовлетворенно потер руки.

— Сплетничают, будто вы петухом пели. Надо пресечь! — Гончева хлопнула ладонью по столу, обнажила в улыбке желтоватые, прокуренные, но безупречно ровные и крепкие зубы.

— С Митрофановым я еще разберусь, — пообещал Павел.

Лицо Гончевой обострилось. Вопросительно поглядев на Павла, она нерешительно заметила:

— Интриги вокруг вас... И главбух Полубаба — не баба, себе на уме. А чго Дудкин боится — не пойму.

— И я не пойму, — признался Павел. — Верит в символы. В какой-то камешек! Объединяет вокруг себя обиженных... Квашу...

— Этого я просвечу! — многозначительно проговорила Гончева, поправила галстук у ворота блузки. — В ухажеры ко мне набивался, пень корявый! Я его так отбрила... А может, Кваша теперь зарплатой доволен?

— Готова утром выехать? В дороге поговорим.

— Так точно! — вскочила Виктория Филипповна.

Когда Гончева ушла, он приказал, чтобы Зина собрала все бумажки, разбросанные Семеном, склеила их и передала ему. Павел невольно залюбовался ее фигурой. «Ох бестия девчонка! Отправлю в машбюро!»

Глава 3

СИГНАЛЫ НА РАССТОЯНИИ...

Опять, опять

*Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий.*

Э с х и л

Пообещав главному инженеру командировать на Шестаковский мост воспитательницу Дашу Ивушкину, комсорг бегал по коридорам общежития — искал ее. А вдруг-то она откажется ехать? Ни в женском корпусе, ни в мужском Ивушкиной не оказалось. Вадим спустился с этажей на асфальтовую площадку. Закаменела от недельной жары немощеная кочковатая дорога, посидели обочь дикая конопля, полынь и крапива; к полудню зной иссушил воздух, машины размешали в нем пыль с бензиновой гарью, и кружится эта взвесь над площадью управления и даже над близлежащим пустырем. У стены здания, в тени, как всегда, грудятся шоферы,

коротают время в ожидании ездоков, затерявшихся в лабиринте кабинетов, щелкают костяшками домино по доске, положенной поперек скамейки. Вадим осведомился у них, не проходила ли мимо Ивушкина, и вдруг увидел: идет навстречу Зот Митрофанов.

Пожав сухую, наждачно-шершавую ладонь физинструктора, Вадим шутливо повосхищался, как ловко Зоту удалось весной провести гостей в квартире Ивана Леонтьевича и выпрыгнуть из окошка третьего этажа на асфальт. Зот, улыбнувшись, ответил, что тренируется по прыжкам в воду с десятиметрового трамплина, но из окон не прыгает, а, как и все, выходит в двери. Весело загоготав над словами физинструктора, как над шуткой, комсорг подмигнул: пора бы назвать поджигателей лесных хуторов, а когда тот отрицательно помотал головой, доверительно спросил:

— Ивушкину не видел?

— В столовой она, — сразу ответил Зот. — Мысленно позови ее, и через пять минут придет сюда.

— Да ну? — не поверил Вадим. — Хотя твой алгоритм мне понятен. Отвечаешь по принципу теории вероятностей: «да» или «нет», угадываешь половину, а создается впечатление!..

— Если логически рассуждать, то угадать тоже можно, — согласился Зот. — Сейчас обеденный перерыв. Где может быть воспитательница? Ясно, в столовой. Но я не рассуждаю, а просто воспринимаю информацию, исходящую от Дарьи Федоровны...

— Почему я не воспринимаю?

— Учись, — пожал плечами Зот. — И откроешь, как Менделеев, какой-нибудь мировой закон.

— А ты многое открыл? — хлопнул Вадим его по плечу. — Если у тебя в башке и вправду сверххраня, то передай Ивушкиной, чтобы немедленно шла сюда, у меня к ней дело.

— А ты сам передай. Крикни в воздух, не стесняйся, — и она придет. Вот увидишь! — И Зот отвернулся,

но не ушел, постоял как бы в раздумье и сообщил Вадиму, что воспитательница сейчас выйдет из дверей столовой...

— Врешь! — отступил от него Вадим. — Пока не увижу ее своими глазами, ни в жизнь не поверю твоим сказкам. — Вадим до рези в глазах вглядывался в глубь улицы. — Сам-то ты не догадываешься, что ждет тебя завтра?

— Должно быть, хочешь командировать меня на Шестаковский мост? — скромно спросил Зот.

— Тебе уже сказали? Кто?

— Твое информационное поле.

— А иди ты со своим полем знаешь куда? — отмахнулся Вадим. — Арти-и-ст! — Отступив на шаг от Митрофанова, он разглядывал его спортивные тапочки и клетчатую рубашку и вдруг решил: — Запишем тебя, Зот Михайлович, в художественную самодеятельность.

Физинструктор кивнул с усмешкой и двинулся к подъезду здания управления, а Корзухин, к своему удивлению, вдруг увидел далеко-далеко, в конце улицы, маленькую фигурку воспитательницы, вышедшей из дверей столовой, это метрах в ста по правой стороне проезда. Вадим быстро спустился с размягченного жарой асфальта на обочину дороги, сломил метелку поскони, стряхнул с нее густую пыль и, держа в щепоти, скорым шагом направился к Даше. Она заметила его торопливый шаг и остановилась. Он тоже смущенно замер. Даша наблюдала, стоя у толстого шершавого ствола тополя, держась за лоскут коры, отодранной бортом автомашины.

— Слышала сигнал, который я тебе мысленно послал? — Вадим пальцем поманил воспитательницу; но она не шла к нему. Тогда он по-рыцарски припал на одно колено, протягивая ей ветку поскони; потом встал, распрямился, щелкнул каблуками ботинок, выпятил грудь колесом, будто на смотру приветствуя командира.

А Даша в смущении поглядывала на окошки проектно-сметного отдела, размещенного на первом этаже здания. Там работало много девушек и женщин.

— Хочешь, спляшущ?! — В голосе Вадима — игра, во взгляде — настороженное упрямство; топнул ботином так, что пыль вздыбилась, скинул с плеч стального цвета пиджак, в белой сорочке и гороховом галстуке под перемигивание шоферских глаз прошелся враскоряку по кругу, балансируя руками.

— Я еще в столовой почувствовала, что вы меня подкарауливаете, — сказала Даша, уловив конфузливое выражение на круглом розовом лице.

— Предчувствовала? — хохотнул Корзухин. Тотчас подманил пальцем молодого шофера, бросил ему пиджак и, избавляясь от замешательства, хлопнул себя по коленям, по животу, по галстуку, защелкал пальцами в воздухе, как кастаньетами, задробил каблуками. — А вот это ты предчувствовала? — Он топнул еще раз.

— Не ту агитируешь, — крикнул ему кто-то из группы шоферов.

— Ту самую! Освобождаю ее от предрассудков! — Не оглядываясь ни на кого, Вадим изловчился принять от шофера на согнутую руку пиджак, запястьем выровнял сбившийся набор галстук. Самоуверенно махнув Даше рукой, чтобы следовала за ним, пошагал к женскому корпусу общежития, тяжело дыша, ухмыляясь встречным девушкам, остолбеневшим от концерта комсомольского вожака.

На втором этаже у Корзухина кабинет. Вбежав наверх, Даша подождала у косяка, пока он помоеет руки. Догадывалась: неспроста перед нею танцевал. Молча вошла за Вадимом в кабинет, рассеянно рассматривая привычную обстановку: стол, заваленный папками, облупившийся коричневый шкаф. Дверка шкафа затворена неплотно, на ней круглый ржавый замочек, в щели, за дверью, в глубине поблескивает конек, на полке дюраlexовые гранаты, компас, сверток атласных трусов с

красными лампасами, а ниже стопка бумаг — грамоты. Вадим отворил металлическую створку двухэтажного сейфа, из черной пустоты извлек тонкий конверт, сделал замысловатый жест, чтобы вручить его Даше, но не отдал.

— В передачу мыслей на расстояние веришь? — шурил он глаза и, усмехаясь, рассказал о разговоре с Зотом. Но Даша не засмеялась.

Вадим задумчиво глядел на нее, скользил взглядом по красному канту на Дашином воротничке и на груди голубого, в обтяжку, платья, любовался черными волосами, отливающими дегтярным блеском, скрученными замысловатым жгутом на затылке, завитками локонов на висках, чистой смугловатой кожей лица.

— Слыхала про пожары на линии? До сих пор поджигатели не выявлены, — сказал Вадим. — А сдается мне, что сам Зот Митрофанов хутора поджигает.

Лицо Вадима округлилось, сморщив облупившийся от солнца нос, он поднял указательный палец вверх:

— Не случайно мистику распространяет. Если верить в фатальную предопределенность жизни, то тогда почему бы не поверить в предсказания? — Вадим решительно высочил из-за стола. — Выселим Митрофанова из общежития! Болтает всякий вздор! Говорили мне, что в общежитии гадают, сонники какие-то приобрели. Если так пойдет-поедет, как же будем претворять планы в жизнь? Астральные силы за нас станут работать? Правильно я тебя критикую? Правильно! Не отговаривайся! Какой-то дурак распустил весной слух, что хутора на трассе будут гореть, и ведь они сгорели один за другим...

— Зот мог пошутить. — Даша вдруг испуганно накрыла рот ладошкой и замерла. Переведя дух от страха, простонала: — Про пожары он не шутил.

— Не бойся, Даша Федоровна, — подмигнул Вадим. — Могила тут, — он указал пальцем на свой лоб. — Я догадывался, что Зот — штучка с двойным

дном. Судьба играет с кошкой, а кошка — с мышкой. Когда Зот шутил о пожарах?

Даша молчала. Вадим взял со стола конверт и протянул его Даше.

Вытащив из прорези сложенный четвертушкой тетрадный листок, Даша, перепрыгивая с фразы на фразу, в виточках букв искала смысл и, когда добежала по строчкам до конца, удивилась: где же подпись? Анонимная жалоба из бригады Галины Жуковой! Перед маем бригаду добровольцев с оркестром провожали в тайгу, на растворный узел к речке Шестаковке. «До ближайшего села восемнадцать километров по лесу, до бани — пехом и после бани... — Казалось, скандальный крик ворвался в кабинет. — В столовой одни концентраты...»

— Выучила? Это сигнал! — Вадим бережно взял у нее из пальцев письмо и торжественно, словно бы какой секретный документ, опустил конверт в черную норку сейфа, захлопнул крышку тайничка и запер ее ключиком, а затем дверку сейфа замкнул еще толстым ключом и поворотом тяжелой ручки.

Душновато в кабинете. Даша отмахнулась ладошкой, ждала. Еще не оправилась от смущения.

— Твои вертихвостки! — показал он большим пальцем на сейф, будто там были заперты сами сочинительницы письма. — Геронни! Энтузиастки! Сдрейфили! Вот тебе и судьба! — Он ошупал блуждающим взглядом зардевшиеся щеки Даши, переносицу и брови.

— Нет, это не они писали, — уверенно возразила Даша. — Почерк незнакомый. Да и Галина Жукова — комсорг, член штаба стройки... Как она допустит? — Стояла, не отваживаясь сесть.

— Зайцы, что ли, письмо прислали? — Вадим патетически вскинул ладонь к потолку. — Съезди, узнай! Если жалоба коллективная и справедливая, то быстро дело исправим. Зачем же тайными доносами заниматься? В тайге ресторан мы не откроем, концентраты — это

не трагедия. Поиграй девочкам на баяне, развесели молодежь. Да приглядишься к Зоту, не нравится мне, что он ищет какой-то путь знания...

— Напрасно вы так, Вадим Алексеевич... — Взгляд Даши посерьезнел и обострился. — Зот честнейший человек... И приглядываться к нему нечего, он ни анонимок, ни пакостей никаких не допустит. Молодежь его очень ценит, он бескорыстно увлекает всех спортом.

Нахмурившись, Вадим не отходил от Даши:

— Ты его не защищай! Стрелецкий призывает решать масштабные проблемы, а мы погрязли в гаданьях, жалобах, в пожарных происшествиях.

И Вадим подробно объяснил, как следует понимать масштабность, какую выгоду даст заранее изготовленный мост через речку Шестаковку и какие колоссальные перспективы откроются для государства, если уже в предстоящую зиму, на несколько лет раньше срока, будет постелена железнодорожная колея до самой крайней точки — до Голубого озера, до Нефтяных Юрт!

— Сын у меня маленький, — робко возразила Даша. За два года работы в СМП она еще ни разу не ездила в тайгу. Она знала, что Вадим вежлив, но если задумал командировать на трассу, то не отступится. Рот до ушей — в улыбке, а глаза строгие.

— И у меня сын! — в тон ей посочувствовал Вадим. — Туда едет много управленцев, и сам Павел Николаевич, и группа инженеров, и даже экстрасенс... Ты ведь и в лесу-то не бывала? «Героическая стройка, героические ребята», — как бы передразнивая кого-то, продолжал Корзухин. — А в чем героизм-то? Не знаешь? Это не в окошко, как физинструктор, прыгать! По-ежай в тайгу да убей там тысячу комаров и узнаешь, что такое путь знания.

Даша тупо глядела в угол. Так все неожиданно. Вадим приблизился к ней вплотную, легонько потрепал по плечу, вздохнул, подтолкнул к двери:

— Иди, Дашенька, получай командировочные доку-

менты и деньги. — Глаза его не мигали. — Рано утром я сам за тобой заеду. Не проспи!

...На другой день рано утром Корзухин довез Дашу до станции, высадил на площадке, которая была как бы перроном, указал на сцепку вагонов и на тот, который был служебным. Захлопнув дверцу машины, он укатил, оставив воспитательницу одну.

Подножка вагона оказалась высоко. Обеими руками цепляясь за поручень, Даша попробовала закинуть ногу на ступеньку, но только измазалась копотью, ушибла колено и очень раздосадовалась. Но вдруг какая-то неведомая сила словно подбросила ее, — не расслышав, что ей крикнули сзади, она вздрогнула от знакомого голоса и, смущенная, взлетев на ступеньку, оглянулась: внизу улыбался Зот Митрофанов.

От остановившегося автобуса по территории станции спешили к поезду люди в спецовках. Широкоскулое, с румянцем лицо Зота приветливо успокаивало Дашу. Зот возвращал ей благодущие. Волосы, зализанные назад, аккуратная бородка, брови, ресницы, даже пушок на шее — все белоснежное, он полнейший альбинос.

— Ты тоже на Шестаковку? — Даша открыла дверь вагона. — Поедем вместе в моем купе.

В куртке и в кирзовых сапогах, Зот выглядел по-дорожному, он внес в коридор вагона Дашину сумку и футляр с баяном. Улыбаясь блаженно, махнул куда-то за спину, сказал, что до станции Ягодной поедет автомашиной. Шофер погонит «Волгу» главного инженера по лежневке, и вот Зот и будет в ней.

— В вагоне удобнее, — настаивала Даша.

— Мне в служебном вагоне не положено, — с непосредственностью ребенка отнекивался он. Даша от удивления и досады ущипнула Зота за белесую бороденку, пожалела физинструктора:

— Ой, Зот Михайлович, о вас столько ходит слухов... А вы беззащитны, как дитя. Хотите, я похлопочу за вас перед проводницей?

Было нелепо подозревать Зота в поджоге хуторов или еще в чем-то; он послушен и скромен. И Даша раньше нередко в общезнании беседовала с ним, позволяла ему даже заполнять паузы жизни вечерами, он провожал ее к детскому садику, где днем находился ее сынишка Димка. Широкоплечий, крепкий, Зот очень походил на ее мужа, только волосы у мужа буйные, непокорные вихры — отливают цветом спелой пшеницы.

— Про вас разговоры разные, Зот Михайлович, — вспомнила Даша, — будто бы вы из окошка третьего этажа выпрыгнули, а еще говорят, что вы Егору Андреевичу ладанку подарили. Это правда?

Он благостно обнажил в улыбке белые зубы, уронив вниз сцепленные пальцы рук, шел молча за Дашей по коридору вагона.

— Вчера Вадим смеялся надо мной... Упрекал, что мы верим в судьбу, в предопределение... Вы бы поосторожнее с этими словечками... — Даша остановилась.

— Судьбы нет, — тихо согласился Зот. — Но смотря что под этим словом понимать! Если судьба — черт или кикимора, то, конечно же, таковая отсутствует... Но у каждого человека имеется характер. Вот у тебя — свой характер, у меня свой, у Вадима — тоже свой. А коли есть характер, то есть и предсказуемость поведения твоего, моего или корзухинского. Верно ведь? Судьба — линия поведения, как прошлая, так и будущая. Для того и характеристики на людей пишут, что объясняют их характер, чтобы представлять будущее поведение людей. А без этого никакого производства бы не было, только сплошная анархия. А ты говоришь, что судьбы нет... Она в нашем характере! А также в законах и правилах, которые даны нам в жизни.

Даша удивленно, не без лукавства поглядела на Митрофанова, заметив ему, что он ловко выкручивается из любой ситуации.

Даша знала, что Зот снимает комнату в каком-то деревянном доме, в черте старого города, на берегу ре-

ки, но часто ночует в мужском корпусе общежития, в комнате инженера по технике безопасности. Когда бывает в отъезде — а он неделями пропадал в таежных стройпоездах по делам спорта, — Даша слышала о нем всякие байки и анекдоты, но, встречаясь с ним в красном уголке, на танцплощадке, она не замечала за ним особых странностей. Девчата говорили, что спортсмены любят Зота, потому что иногда могут надуть его. Получат планшеты, компасы, уйдут по маршруту в тайгу, а там, в лесу, забыв про инструктаж, собирают грибы и ягоды, бывало, устраивали пикники. И Зот, этот экстрасенс, ничего не подозревая, ждет команды с секундометром в руке на финише.

Дашу забавляло, что Зот со всеми здоровается первым, ни на кого не сердится, у него нет врагов, если не считать тех, кого он обидел случайными предсказаниями. Впрочем, Митрофанов избегает всяких гаданий, на него больше наговаривают. Летом он пропадает у воды все свободное время, а зимой купается в проруби. Даша сама видела, как он в мороз разбивал лед пешней, очищал прорубь от ледяной каши и потом купался в воде, хотя было минус тридцать градусов. Любит Зот ходить по снегу босым. У него есть приверженцы — парни-лесорубы. Живет по своей теории — извлекать из организма удовольствия: тело, дескать, несовершенно, его необходимо усовершенствовать, все его функции заключают в себе тайные, могущественные силы, которые можно заставить служить. Зот часто повторяет, что мы живем во сне, в сфере сновидений и надо, мол, пробудиться, разбудить в себе неисчислимые таланты и способности. Организм — это, мол, концентрат энергии, его нельзя изолировать от окружающей природы, ибо он получает энергию и информацию не только с пищей через желудок, не только через кожу, глаза, язык, уши, пятки, ладони, волосы, но и через легкие, через почки, зубы и тайные каналы связи... И все эти каналы информационной связи надлежит держать открытыми, всегда

улыбаться, избегая ссоры. Болезни и короткая жизнь — наказание людям за неуважение к собственному организму и генетической программе. После долгой жизни и смерть — естественное завершение земного круга.

Парни любят Зота: он всегда ссужает их деньгами. Он и Дашу не раз выручал. Спит он в вагончиках с рабочими, питается в котлопунктах, не курит, не пьет. Сколько Даша помнит, Зот всегда в одних и тех же клетчатых рубашках, чистых, аккуратных, их у него всего штук пять, не больше, и в курточке, в кирзовых сапогах или в спортивных тапочках. Он лишен злобы, поражает простодушием, но говорит всегда очень логично и, бывает, предсказывает события...

Даша и Зот уже вошли в салон вагона с массивным столом посередине, с тяжелыми лакированными стульями, с диваном у стенки и с холодильником в углу. Даша заглянула в настенное зеркало, принялась расчесывать челку гребнем, беззаботно щебеча о том, что вот сейчас придет проводница и Даша уговорит ее поселить Зота в купе. Он мялся, смущался и улыбался.

— А правда, что главный инженер кукарекал по твоей воле? — неожиданно спросила Даша.

— Он может погибнуть из-за тебя... Советую тебе идти по пути знания, — прошептал Зот. Едва заметная улыбка тронула его губы, но глаза остались серьезными.

— Мы с ним даже не знакомы. — Даша с изумлением смотрела на Зота.

— Попытайся собраться, сконцентрироваться против соблазна, тогда твоя и его судьбы будут иными, — монотонно выговорил Зот. — Я вижу наперед и должен предупредить...

— Нехорошо шутишь, Зот Михайлович, — покачала Даша головой и вдруг спохватилась, что слишком всерьез отнеслась к его словам, рассмеялась: — А что будет, если твои слова сбудутся?

— Ты превратишься в ворону, а Павел Николаевич — в робота... И может погибнуть...

Поеживаясь от жути, Даша принялась выпрашивать Зота, чтобы такое путь знания, о котором теперь уже даже девушки в общезнании рассуждают. Зот пространно и вежливо принялся объяснять, как следует делать утром зарядку, учил, что вначале следует овладеть своими мышцами, потом тренировать свое мышление, а уже на завершающей стадии воздействовать на подсознание, которое можно назвать сверхинтеллектотом; он управляет всеми функциями организма, в том числе и мышлением. Поскольку органы подчиняют себе мысли и поступки человека, то они требуют особого внимания. Мы изнеживаем себя в искусственных благах, организм перестает сопротивляться искусственным условиям, он адаптируется к мягким креслам, диванам, теплым одеялам, к изысканной пище и фантастическим картинам... А между тем в каждом из нас есть точные биологические часы, хотя мы пользуемся механическими или электронными.

— Ох, Зот Михайлович, — остановила его Даша, — я слишком обыкновенная женщина, чтобы понять такую премудрость.

— Чего же тут не понять? Глянь вокруг себя — и ты воспримешь столько природной информации, что ее не пересказать словами и за сто лет. Художник заносит на полотно пейзажи много часов, а то даже и месяцев. Мы воспринимаем мир разными органами чувств, передаем его картинами, музыкой, скульптурой, словами... Но в нас есть еще один орган, который вбирает в себя информацию как бы тайно. Ты слыхала легенду о Моцарте и Сальери? Будто бы Сальери, завидуя гениальному композитору, подсыпал ему в стакан с вином какой-то яд. Это мог быть сок корневища вежа, капнутый в вино, он совершенно незаметен на вкус. Но организм реагирует на него, яд вызывает судороги, удушье. Так же незаметно для нас наш организм воспринимает атмосфер-

ное давление, гравитацию, информативные поля разных систем, в том числе людей. Все системы природы излучают информацию, взаимодействуют. Животные переговариваются между собою своими сигналами. Это природная информация. Панинформация... Мы, обладая этой панинформацией, воспринимая, храним ее в сверхинтеллекте и почти никогда ею не пользуемся. Хуже того, мы боимся открывать своему разуму этот кладезь знаний. Сами себя убеждаем, что ничего не знаем! А ведь эту всеобщую информацию можно расшифровывать для себя...

— И что дальше? — растерялась Даша.

— Заглядывать в свой сверхинтеллект, видеть истину, сверять ее с совестью и следовать по пути знания, — прошептал Зот. — Ты умеешь играть на баяне, выучилась длительными тренировками. Ты можешь научиться извлекать из себя панинформацию, как звуки из баяна, и знать все, что захочешь. И в нужный момент, скопив в себе энергию, использовать ее для изменения своей линии судьбы. Предвидя неблагоприятные события, уходить от них.

Даша покачала головой. Поверить, что после встречи с Павлом она способна превратиться в ворону, а Павел Николаевич станет роботом, — это уж слишком. Но сопротивляться этой выдумке Зота — еще глупее. Скептически поглядывая на Зота, она хотела возразить, но тут в коридоре послышались шаги. Напевая веселую песенку, в салон вошла толстуха в берете и в форменном пиджаке, поздоровавшись, строго заявила:

— Посторонним тут не место.

— Я воспитательница Ивушкина. — Даша встала бочком, картинно, как бы демонстрируя красивый шерстяной джемпер и всем видом показывая, что она не случайно находится в салоне. — Этого товарища, — Даша указала на Зота, — прошу разместить в моем купе.

— Не приказано! — строго покосилась на нее проводница. — Разрешено одну женщину. И все.

— Да он же наш! Это Митрофанов, физинструктор объединенного профкома. — Даша надеялась, что Зот сейчас защитит себя или загипнотизирует проводницу. — Мы вместе едем на мост...

Осмотрев Дашу и Зота, проводница выразительно хмыкнула и погрозила пальцем:

— Не положено.

Зот конфузливо пожал плечами и послушно побрел к выходу. Даша пошла следом, выговаривая упреки, что, проповедуя сверхвозможности, он первый бежит от трудностей, на что он с неизменной улыбкой отвечал, что не волен менять порядок, заведенный на линии, нельзя же рельсы под поездом своевольно расширять или сужать; нужно быть готовым не погибнуть, если эти рельсы почему-либо разойдутся.

— Какую чепуху несешь! — возмущенная Даша заткнула уши пальцами, чтобы выразить свое презрение.

— Я поеду в машине, но иногда буду подавать тебе голос. Ты прислушайся.

— К чему? — не поняла она.

— К моему голосу в тебе, — объяснил он. — Ты будешь реципиентом.

— Не выйдет у тебя опыт со мной, — рассмеялась Даша. — Погадай мне на ладони, что ждет впереди.

— Большое испытание, — он глянул ей прямо в глаза. — Любовное. С Павлом Николаевичем... — Кажалось, он гипнотизирует ее. — Скажи тебе правду наперед — ты будешь переживать. А надо учиться предотвращать волю судьбы. Понимаешь? Самодисциплиной уходить от ее приказов. Люди боятся своего будущего, особенно плохих вестей, потому что не верят в свои силы по предотвращению рока... Боятся болезней, смерти, разных испытаний... Идешь к доктору, зная, что тебе будут удалять зуб, и дрожишь... Или требуешь анестезии... Но ведь боль можно снять усилием воли. В каждом из нас говорит прошлое, а характер и поведение,

которые проявятся в будущем, уже запрограммированы. — Зот выждал, не ответит ли ему что либо Даша, но она в каком-то оцепенении сама ожидала продолжения. И он добавил: — Так вот, ты полюбишь Павла Николаевича, и это грозит тебе большими несчастьями... Загляни в свою совесть...

— Любость! Любость! Какая любовь, если у меня муж, а у него жена?! — взорвалась Даша.

— Скажи ему, как только он станет тебя обнимать, что сегодня, во второй половине дня, на станции Ягодной его ждет подарок — холм песка стоимостью в миллион. Предупреди. И пусть не забывает, что может превратиться в робота.

— Ничего не понимаю! — засмеялась Даша. Она помахала Митрофанову рукой и вернулась в купе. Скоро вагон наполнился разговором, табачным дымом. Дашу разбирала досада: вот пойти бы сейчас к кому-нибудь из руководящих товарищей и рассказать, что проводница чинит произвол, что необходимо вернуть в купе служащего постройкома Зота Митрофанова. Это будет доказательством, что судьбы нет, что волею других людей легко исправить ошибку... Глупая баба эта проводница, командует как ей вздумается, а Зот оправдывает байками свою беспомощность...

Глаза Даши бессмысленно смотрели на хоппер-дозатор, который тащился за приглушенно поющим тепловозом по третьей от вагона ветке. Подмывало выглянуть в коридор, выйти в тамбур и помахать Митрофанову, крикнуть ему, что ни один мужчина не дотронется до нее даже пальцем.

Грубые чужие шаги пугали Дашу, и она безучастно наблюдала в окно, как какой-то мужчина колотит лопиком в бок бункера остановившегося хоппера; он колотил безотрывно и равномерно, пока из открытого люка на решетку шпал не посыпалась щебенка.

Диск солнца прорезался в просвет между облаками, гигантскими динозаврами вытянулись на путях грузо-

вые вагоны. И это все подавляло Дашу, вызывало жалость к себе и к Зоту. Столько тут передвигается металла, тяжелые важные грузы, такой жесткий график жизни, и ей не изменить ничего своим слабым голосом; да неужто все так запрограммировано, как говорит Зот, что можно наперед предусмотреть о каждом впереди лежащем часе, сутках, месяцах и годах? Это и есть судьба? Поезд поедет по рельсам и придет на станцию Ягодную и привезет туда Дашу. Что же тут может случиться? Неужто Павел Николаевич бабник? Как же заглянуть в свою совесть...

Вагон качнуло, колеса заговорили. Большие цистерны, связки брусьев на платформах поплыли мимо окон.

Глава 4

РОКОВОЙ ПОЦЕЛУЙ

*О, как радостно мне
И как горестно мне!
Все заранее знаю,
И все — неизвестность.
Анатолий Кукарский*

Даша переделалась в халатик. Проводница, брэнча за стеной посудой, заглянула к ней и предупредила: от Красногорска до Ягодной поезд идет восемь часов. Забравшись на полку под одеяло, Даша наблюдала в окошко за облаками, веером распускавшимися над зубчатой стеной сосняка, про себя посмеиваясь, что Зот предлагал ей сосредоточиться и слушать его сигналы, а ей ничего в голову не идет. Колонны стволов деревьев размечались вдоль полотна дороги вкраплениями верстовых столбов и беленых пикетов; попала на разъезде дрезина, возле которой гривастые парни в защитного цвета куртках — студенты, приехавшие на каникулы на стройку, — махали с обочины и весело кричали.

В голове забрезжили мысли о муже, который где-то в горах; живут они с Ивушкиным порознь, как две разорванные половины, тянутся друг к другу, но когда в ноябре, с белыми мухами, он входит в квартиру, то сразу не могут склеить свои чувства, ссорятся из-за пустяков, долго привыкают один к другому. Вот бы узнать у Зота, как сложится дальше ее судьба с мужем.

Разглядывая фантастические сплетения облаков, ждала сигнала Зота, усмехаясь про себя, вслушивалась в погромыхивания колес, ловила глазами высвеченные оранжевые холмики, на склоне одного из которых тонкие длинные шеи кранов двигались, высыпая грунт ковшами в кузова машин. И тут задумалась над тем, что Зот предупреждал ее... дерзко предупреждал, чтобы она остерегалась Стрелецкого... Это была такая нелепость, странная и бессмысленная, что даже немножко захотелось, чтобы она сбылась, чтобы Даша могла поспоротивляться этой нелепости.

Ажурные полукружья моста парили над берегами, густо поросшими ветлами, над прогалиной реки. Инженеры воображением своим сплели узорчатые перила, вычертили их тушью на ватмане, а потом приказали рабочим узор фантазии связать стальными прутьями в мост, взметнуть ограждения выше вагонов. И это сделано под руководством Павла Николаевича... Даша засмеялась про себя, что нашла-таки хорошие слова для Стрелецкого... Ну за что бы она могла в него влюбиться? Каждый рабочий делает свое скромное дело, а Павел Николаевич видит за всех, в его голове не только этот мост, но и все строящиеся станции, каждый дом, депо, вокзалы, все десятки поселков на линии, да еще и аэродром, и речной порт...

С чего бы это Зот так беспокоился о ней? Может, тайно ревнует к Стрелецкому?.. Заныло колено, ушибленное при посадке. Вспомнилось, как от оклика Зота она пулей влетела на подножку вагона, почти на пол-

тора метра вверх. Ей захотелось сосредоточиться на своей совести...

В дверь постучали. Даша вздрогнула, подумав, уж не Павел ли Николаевич пришел к ней, и усмехнулась нелепому предположению. Долговязый рыжий Семен Васильевич Заварухин, новый начальник отдела аппарата управления, заслонил проем и позвал ее в салон к столу — завтракать. Даша отнекивалась, но, когда он хлопнул дверь, быстрехонько переоделась и вышла к мужчинам. Она твердила в уме, что не позволит, не позволит, чтобы пророчество Митрофанова сбылось, она станет противиться ухаживанию Стрелецкого!

За столом ножами намазывали масло на ломти хлеба; на тарелках горками громоздились кружки колбасы, ровные дольки сыра. Услужливая проводница в белой сорочке с засученными по локти рукавами разносила стаканы с янтарным чаем.

«Стрелецкий», — поежилась Даша, увидев за столом главного инженера.

Если бы не предупреждение Зота, то Даша бы сказала, что Павел Николаевич выглядит очень красиво, одет щегольски: дорогой темно-синего цвета костюм, с иголки, яркий полосатый галстук завязан маленьким, по моде, узлом. В глаза Даше стрельнули дымчато-голубые огоньки — сказочно сверкали кристаллы в запонках белых манжет. Даша нечасто видела Гончеву, а уж Стрелецкий был для нее непостижимо важной персоной. Она бы никогда не осмелилась подойти к нему на улице, а тут — с ним за одним столом! Все другие инженеры, рыжий Семен Васильевич в мятом пиджаке, быстроглазая Гончева с янтарными бусами поверх грубого клетчатого пиджака, еще шестеро мужчин, — казалось, затем и присутствовали в салоне, чтобы поматыми пиджаками, темными рубашками оттенять изысканность одежды Стрелецкого. И головы у них, на взгляд Даши, некрасивые: лысые, всклокоченные, рыжие, седые, и носы горбатые, крючковатые, пуговицами,

картошинами, и лица рябые, серые, одутловатые. А Павел Николаевич смуглый, щеки свежие, шевелюра волнистая, будто только что подстрижен и причесан парикмахером.

Села на мягкий стул. Тотчас три или четыре руки протянули ей тарелки с колбасой, сахаром, сыром. Даша стушевалась.

— Быт на колесах, — оправдывались перед нею инженеры.

— Тут и столовая, и контора, и общежитие. На неделю поселились.

На кожаной подушке стула Даше удобно.

— Муж у меня геолог, ему кабинетом — палатка, он не жалуется, — чинно произнесла Даша. И прежняя досада вдруг вырвалась прямым вопросом: — Почему проводница выгнала из вагона физинструктора?

— Посторонним не положено, — отчеканила Гончева.

— Какой же он посторонний! — фыркнула Даша и глянула на Стрелецкого, но тотчас же опустила взор, вспомнив предупреждение Зота. Вообще-то за столом лучше вести себя сдержанно. Но краешком глаза заметила, что Стрелецкий весело блеснул очками:

— Кто ему воспрещал? Садился бы да и ехал! Фокусник он. Сказитель и фантазер!

— Но проводница его выгнала! — возразила Даша. — Я сама свидетельница... Хотя у него было предчувствие...

Даша произнесла слово «предчувствие» и тотчас спохватилась: не то говорит, но было уже поздно, потому что все инженеры засмеялись, называя Зота «колдуном», «чудаком». И тут, забыв о предосторожности, она сказала:

— А он вам, Павел Николаевич, предсказал, что на станции Ягодной вы найдете золотой холм песка...

Все опять засмеялись и стали обсуждать новую выдумку Зота. А Стрелецкий усмехнулся:

— Зачем мне холм песка? Мне, как и вам, деньги нужны.

Она пожала плечами:

— Он сказал, песок ценный...

Это еще больше развеселило инженеров; беседа за столом оживилась; Даша смущенно размешивала сахар в стакане ложечкой, досадовала, что наболтала от имени физинструктора сама не зная что, хотя следовало сказать об этом Павлу только после поцелуя, если Павел Николаевич станет к ней приставать. А инженеры уже толковали о том, что в поселке Ягодном молодежи больше, что лучше бы Даше там остановиться. Стрелецкий возражал, что Шестаковка — самый головной участок стройки, но при этом глаза Павла Николаевича пощекотали Даше шею... Даша со смущением отворачивалась, говоря, что она настроилась на Шестаковку, что она не массовик-затейник, не актриса, а воспитательница. И ей стали сочувствовать. Конечно, между хуторами по рекам и протокам курсируют катера, на них можно послать концертную бригаду к рабочим Сузгунской мехколонны, а Даше необходимо побывать в глупинке, на Шестаковском мосту.

— У нее особое задание, — вмешался усмехающийся Семен Васильевич, — едет ревизора развлекать.

Даша вздрогнула и увидела: брови Павла сдвинулись на переносице, он нахмурился, перехватил ее взгляд. Фосфорно светились в коричневых обложках очков зрачки его. Догадалась: рассердился Павел на ехидного Заварухина. Посочувствовала: видно, Павел Николаевич надеется, что она успокоит на Шестаковском мосту девчат, измаянных неуютом. Догадка и ответный взгляд, которым она как бы ответила ему, Павлу Николаевичу, что понимает его, как-то сразу сблизили ее с ним; напротив нее сразу появился как бы другой человек, милый и добрый Павел Николаевич, даже просто Павел... Уловила едва приметную тень, скользящую по его лицу: какая-то искра промелькнула в

эту минуту в его сознании. Но в голову пришло предупреждение Зота — остерегаться главного... Волнение Павла передалось Даше, и она испугалась, что предсказание Зота сбывается... В следующий миг отвернулась от Стрелецкого и раскрытым ртом засмеялась какой-то спасительной шутке Гончевой.

Разговор все-таки переключился на физинструктора, вернее, на возможности планировать будущее; и все согласились, что намечаемые планы в руках людей, что каждый человек — хозяин и плана, и своей судьбы, а потому никто не является игрушкой в руках рока и сам определяет свою жизнь.

— Мы выбираем наилучший вариант из множества возможных, — сказал Семен Васильевич. — В этом и есть наша воля.

— Но варианты существуют до нашей воли, сами по себе! — подсказали ему.

Тут кто-то вспомнил знаменитую легенду о царе Эдипе. Фиванский царь Лай получил предписание оракула во спасение города Фивы отказаться от самой возможности иметь детей. Но Лай ослушался гадателя, и за это сам он и три поколения его детей были отпущены. Проклятье легло на этот род как на носителя наследственной вины перед Аполлоном. Драматурги Эсхил и Софокл по-своему истолковали этот древний миф. Есть, мол, законы природы, которые заключены в каждом человеке, и есть законы государственные, и человек не волен преступать ни те, ни другие. Это и есть рок.

— А мне Зот Михайлович говорил, — начал Семен Васильевич, — что каждый человек запрограммирован в первоклетке, в которой имеются механизм времени и другие функции. Так вот, в нас как бы раскручивается пружина, она и определяет наше поведение, наш характер, наше будущее...

— Выходит, в моих генах запрограммирован какой-то песчаный холм? — вдруг рассердился Павел Нико-

лаевич. — Чушь! Мракобесие! — нахмурившись, попросил Дашу сыграть на баяне что-нибудь веселое.

Даша, с напускной беззаботностью отхлебнув чаю из стакана, попросила принести ей из купе баян. Ее смущало в салоне только присутствие начальницы Виктории Филипповны, которая прикидывалась, будто не замечает, как Стрелецкий смотрит на воспитательницу. Гончева курила, свободно расхаживая по салону, ввертывая грубоватые словечки.

Семен Васильевич исполнил ее просьбу, и Даша, склонив голову к корпусу инструмента, нажала на клавиши. Ее покорно слушали. Потом Виктория Филипповна бесцеремонно оттеснила Дашу от стола, поправила бусы на груди и, взяв в руки гитару, вскинув голову, хриловатым гортанным альтом запела боевые солдатские куплеты. Она легко импровизировала, тут же притопывала и присвистывала. Даша просто обалдела от напористого искусства самоуверенной начальницы. Отложив баян, попросила разрешения уйти в свое купе, но Стрелецкий вдруг обратился к ней по-деловому:

— На мост прибудет товарищ... Хорошо, если бы там девушки встретили его не хныканьем, а художественной самодетельностью.

— Так точно, Павел Никрлаевич! — поддержала Гончева. — Даша это исполнит.

Кто-то бросил на стол колоду карт, предложив сыграть пугуку. Преферансисты облепили стол, и Даша то-ропливо, поблагодарив всех за завтрак, заспешила по коридору в свое купе.

Там она опять уткнулась лицом в окно, чтобы глядеть на сосны и березки и мечтать о встрече с бригадой Жуковой, а также и о Зоте. Да неужто она не уговорит Галку Жукову, чтобы та не хныкала? Какой пустяк! В сознании то вспыхивало румяное лицо Зота, то возникал задумчивый, пристальный взгляд Павла Николаевича. Ведь молодой мужчина, а уже руководит такой огромной стройкой, тысячами людей...

За окном изредка проплывали поселки: типовые здания магазинов, дома, поленницы дров, огороды, заборы, канавы, мосточки. «Все создается под властью красивого и строгого мужчины — Павла Николаевича. И вписывается в природу так, будто само собою выросло вместе с травой, с холмами, с кустами».

Скрипнула дверь, и негромкий дружелюбный мужской бас не испугал, а только удивил Дашу: в проеме отворенной двери, на фоне коридорного окна знакомый симпатичный силуэт, словно она, Даша, сама мысленно вызвала главного инженера из салона сюда, в купе, обсудить, как ей дальше вести себя. Но тут же, вспомнив предупреждение Зота, оробела. Прижалась спиной к перегородке. На вопросы Стрелецкого отвечала неохотно и плохо слушала, о чем он говорил. Но, видимо, этой несмелостью еще больше привлекла к себе Павла Николаевича. Он вдруг уверенно обнял ее, как если бы это была Сонечка, о встрече с которой грезил всю ночь, которую всячески клял за неясные надежды, которые она сулила ему намеками и отняла. Журчанье воды за перегородкой, звон стекла — проводница мыла стаканы, прерывистое дыхание Павла — все перемешалось и отозвалось смятием: «Вы как робот! Как вам не стыдно!» — шептала она, боясь, что в коридоре услышат. Его необъяснимое к ней влечение оскорбляло ее. Собравшись с духом, она заговорила громко словами Зота:

— Вы должны найти золотой холм!

Упершись ладонями в удивленное, упругое лицо Стрелецкого, она оттолкнула его от себя. Очки упали на пол. Никогда она не испытывала такого жгучего стыда, как в этот миг. Ей было дико представить, что можно довериться мужской воле без истинного чувства. Павел что-то шептал, но Даша снова сказала громко, как заклинание:

— Павел Николаевич, вы обязаны найти золотой холм!

Проводница замерла в коридоре. Вагон резко трях-

нуло, будто под колеса забросили бревно, тормоза заскрежетали, что-то треснуло.

Вагон еще подпрыгнул два-три раза и накренился. Поезд остановился. В коридоре затопали, кого-то крикнула проводница, кто-то заругался хриплым басом. Чем-то ударили в стенку и в дверь купе, — видимо, вызывали Павла.

— Какой холм? — Павел ошупью искал на полу очки. — О чем ты твердишь?

— Не знаю. — Она комочком забилась на полке в угол и повторила убежденно: — Вы сегодня обязательно найдете какой-то ценный холм... А потом станете роботом! И я с вами вороной... Загляните в свою совесть!

Павел беззащитно улыбнулся близорукими глазами, пожал плечами. Надев очки, он торопливо проговорил:

— Вагон с рельсов сошел, пойду посмотрю...

Даша ладонью прикрыла глаза. Стремительность, с которой он покинул купе, ее испугала. Когда же она

выглянула в коридор, там не было ни души. Тихо. Где-то за окнами галдели. Дрожащими пальцами пригладила растрепавшиеся волосы, как была в халате, так и заторопилась в тамбур. От переднего вагона тянулась вереница людей в фуфайках и спецовках. Инженеры стояли под откосом. Даша спрыгнула с подножки на песок, вошла в толпу, заглядывая под вагон, на колеса, как и множество собравшихся. Отшлифованные до зеркального блеска бандажи колес, похожие на обручи,

зарылись в щебенку, расщепив на острые усы деревянные шпалы.

— Тащи горбуши! — командовали сбоку.

Двое в куртках — Даша в одном из них узнала Заварухина — полезли под вагон, согнувшись, укладывали поблескивающие стальные полозья на шпалы, прилаживая их вплотную к рельсам.

Сход вагонных или локомотивных колес на строящейся дороге не катастрофа: ехали медленно. Свежена-сыпанная земляная подушка, на которой лежит шпальная решетка, еще не утрамбовалась, не затвердела. Пройдут годы, пока земляное полотно спрессуется под тяжестью груженных составов. А сейчас оно еще то оседает, перекашивая решетку, то растрескивается, разводя параллельные рельсы шире положенного. И сход вагонов с рельсов дело почти обыденное.

Но Даша не знала этого. Ее била лихорадка, ей казалось, что вместе с людьми двух пассажирских вагонов она чудом избежала трагедии! «И остался бы Димка сиротой! А Зот... Почему он о крушении не предупредил?! Сбежал?» Всматривалась в лица — все спокойны. Ни паники, ни суетливости. Павел стоял возле вагона и курил, наблюдая за инженерами, за согнувшимися под вагоном Семеном. Да неужто Павел влюбился в нее с первого взгляда? Она не верила этому, но уже и не сомневалась в предсказании Зота Митрофанова. Повидимому, физинструктор хорошо знает характер Стрелецкого... Холодный взгляд Павла отстранял ее, не позволял даже задать вопрос. Павел повернулся к ней спиной, будто они незнакомы. Инженеры, что недавно угощали за столом, не узнавали ее — ни приветливого слова, ни встречной улыбки. Поежилась: «Видок у меня, наверно, еще тот: растрепанная, в халате. Что обо мне подумают...» Она уткнулась невидящим взглядом в промасленные рессоры. Сил прибодриться не было.

Передний пассажирский вагон, скрежеща бандажными колес о стальные брусья, стал медленно взбираться

по откосам вверх, накатываясь на рельсовые полозья. Но происходящее будто прокручивалось на киноленте и не касалось Даши.

Уже к составу подцепили служебный вагон, уже проводница о чем-то громко кричала вперемешку с хохотом — мужчины подбросили ее на ступеньку и не отпускали, уже к подножке подскочила Гончева, бусы сняла и, зажав их в руке, точно плетку или веревку, самоуверенно размахивала ими, целясь на поручни, до которых ей без посторонней помощи явно не дотянуться; но вот уже, деловито сунув бусы в карман, Виктория Филипповна подпрыгнула, ухватила за поручень, из тамбура ей услужливо помогли подняться... А Даша все стояла ошеломленная.

...Опять поехали. Мелькал решетчатый березняк, сбегали к воде выложенные камнем откосы моста, трещал встречный мотовоз на разъезде, на соседнем пути, пропуская поезд. Восторженность, с которой выехала на расвете из города, пропала, остались только мысли о том, что Зот предсказал какой-то холм и объятия Стрелецкого. Как Митрофанов догадался о любви Павла Николаевича к ней? Через свою совесть?

Вскоре вагон снова остановился. Из лесу, что углом подступал к железнодорожной линии, выскочил серым комочком заяц, он прижимал большие уши к спине и прыгал, мчась на перегородившие ему путь рельсы. «Куда же ты скачешь?» — едва успевала следить за ним Даша. А зайчонок уже залетел на соседнее шпальное полотно, запнулся, перекувырнулся и ушибленным клубочком лежал между рельсами. С криками, свистом бежали к нему парни в ватниках, в солдатских гимнастерках.

— Опередив других, бородач в матросской тельняшке и в резиновых броднях ухватил зайчишку за уши и за дрыгающиеся ноги и вознес над курчавой головой. Взъерошенный пес запоздало выскочил из лесу, лаял, кружился у ног моряка.

Глава 5

У ЗОЛОТОГО ХОЛМА

*Судьба моя, несладкая отрада,
Единственный тревожный мой покой,
Но никакой другой мне и не надо,
И нет другой на свете никакой.*

Д м и т р и й К о в а л е в

Поезд прибывал на станцию Ягодную. Буднично белели за окошками щитовые домики слободки, прилепившиеся к кромке леса; темнели загнанные в тупик между кирпичных груд вагоны. Семен Васильевич помог Даше спуститься с подножки вагона, подхватил ее поклажу — баян и сумку.

— Как же я попаду на Шестаковку? — Даша спешила следом за долговязым Семеном, проваливаясь сапожками в гусеничные выбоины.

Не оглядываясь, Семен объяснял, что до станции Искерской еще километров тридцать, придется добираться автомашиной, там заночует в гостинице, а утром попуткой поедет в тайгу, на мост.

Зот должен был ждать Дашу. Она внимательно всматривалась во все, но нигде его не было. Послеполуденное солнце зависло над захламленной кирпичом и обломками досок автомобильной дорогой. Слабый ветерок перебирал листья березы. Желтый торец свежераспиленного бревна, груды торфа, вывороченные корни деревьев — всюду следы борьбы металла с землей и лесом. Но вот выводок брусчатых двухэтажных домов и щитовых одноэтажек образовал строгую прямую улицу. Предостерегающе позванивали в воздухе комары.

— Где же Зот Михайлович? — с досадой спросила Даша Заварухина. — Он обещал сопровождать меня на мост... Гнали утром, как на пожар, а теперь ночевать в гостинице...

Семен остановился, осмотрелся — вокруг никого;

узловатая шея его покраснела, лицо налилось недовольством:

— Кто торопил? Пашки-то остерегайся. Ты командирована не для того, чтобы в гостинице подушки мять... Кровь ударила Даше в голову.

Семен опять оглянулся по сторонам и заговорил негромко и ядовито: Павел самовольно распорядился строить Шестаковский мост, средства на этот мост незаконно сняты с другого моста — с Сузгунского, обман уже раскрыт, скоро сюда прибудет ревизор из министерства, и Стрелецкого выведут на чистую воду.

— Выходит, и Зот Михайлович, и вы, Семен Васильевич, наперед знаете, что станет со Стрелецким? — Даше хотелось защитить Павла Николаевича от нападок. — Вы завидуете главному инженеру? Сами поджигаете хутора, а потом сваливаете на кого придется...

— Эх ты, забавная пичуга! — Заварухин ссутулился, двинулся в сторону здания с тесовой крышей и белыми деревянными колоннами парадного подъезда, где висела табличка, извещавшая, что тут расположена контора строительно-монтажного поезда. В изгородь уткнулись четыре «газика». На чурбаке в накинутаой на плечи курточке сидел Зот. Заметив Дашу, он не встал — посиживал, улыбаясь. Семен обрадованно зашагал к Зоту, пожал ему руку. Когда крепкий и широкоплечий Зот поднялся с чурбака, Заварухин проговорил:

— Вот Даша уверяет, что Стрелецкий найдет какой-то холм песка. — И лицо Семена выразило недовольство, как будто он желал, чтобы Митрофанов отменил находку для Павла Николаевича, а отдал бы эту удачу ему, Заварухину...

Зот ничего не ответил.

— Если ты предвидел аварию на дороге, то почему меня не предупредил? — уставилась Даша на Зота.

— Авария тебе, Дарья Федоровна, ничем не грозила. — Он невинно улыбнулся.

Заварухин легонько оттеснил Дашу плечом:

— Что за холм песка обнаружит Стрелецкий? — Он жадно глядел на безмятежное лицо физинструктора; тот, как всегда, не торопился с ответом.

— Я не бог и не пророк, — наконец сказал он тихо. — Я имею, как и вы, обыденный ум, который получает информацию через наблюдения или с чьих-то слов. Этот слабый обыденный ум делает массу ошибок, он находится в услужении у моих желаний. Захочу поесть — ищу, где бы купить хлеб или найти столовую. Но у меня, как и у вас, имеется тайный аппарат восприятия и переработки информации. Про себя я его называю сверхинтеллект. Хотя название это может показаться не совсем удачным. Он кодирует все функции организма: сон, пищеварение, кровообращение, деятельность всех органов, он заставляет организм реагировать на гравитацию и гром, на плач ребенка или солнечную радиацию. Сверхинтеллект — это прибор для восприятия всей информации мира. А панинформацию излучают все системы природы: земля и человек, цветок и луна... Обыденный ум не в состоянии постичь процессы в природе, он мало знает о системах. Информация, воспринимаемая обыденным умом, вторична, она пропущена через восприятие других лиц и перекодирована ими для нас, в ней много ложного, она засорена лукавством и хитростями других людей. Лучше пользоваться сверхинтеллектом, то есть первым умом, тогда откроется истина. Это называют провидением. Воспринимая информацию через совесть сверхинтеллектом, я могу перекодировать ее на обыденный язык... Умение воспринять информацию из сверхинтеллекта и перекодировать ее в речь, в зрительные картины, я называю состоянием открытого «третьего глаза», или второго зрения.

— Значит, надо открыть третий глаз? — Семен Васильевич полуоткрыл рот. — Смотреть на все через свою совесть?

— Конечно, — кивнул Зот. — Тогда мы приблизимся к истинному знанию, к непосредственным информа-

ционными полям любых систем. Все знают, как петь, но нужны годы, чтобы научиться хорошо петь, поставить голос. Так и с открытием в себе сверхинтеллекта. Тренировка заключается в том, чтобы освободить ум и интуицию от влияния наших страстей, от порывов, настроений, желаний, от искушения и фантазии. Поэтому учиться сосредоточению — значит своими силами изменять самого себя, расширять знания, совершенствовать организм. Мы ведь очень несовершенны...

— А приказанием сверхинтеллекта можно влиять на пищеварение? — спросил Заварухин.

— Конечно, — опять кивнул Зот. — Но это не главное. Всякий может научиться через совесть подключать ум к сверхинтеллекту. Однако если извлекать из этого выгоду, то можно причинить много бед. Все мы — живые организмы, рождаемся и развиваемся по внутренним законам: жизненный код каждого, в свою очередь, обусловлен другими информационными кодами и полями. Меня в детстве дедушка сильно ударил по плечу, а болезнь проявилась только через пятнадцать лет. Ничего не проходит бесследно, все имеет последствия. А если мы получаем информацию о процессах, происходящих в нас или в какой-либо системе, в обществе или в цветке, то эта информация является одновременно информацией о прошлом, текущем и будущем. Информация излучается беспрестанно, она не исчезает. И я учусь вычленять из потока ту информацию, которая относится к конкретным дням прошлого или будущего. Можно увидеть события, которые случатся через минуту, через год или через двадцать лет и даже через столетие... Грядущее в каждом из нас, в каждой минуте, каждом миге нашего существования. По информации, которую излучает, например, Дарья Федоровна, можно с большой точностью предсказать ее личную жизнь, а также спрограммировать социально-демографическое развитие, скажем, города Красногорска...

Даша надувала щеки, сиюсь сдержать смех: все

сказанное Зотом казалось ей чепухой, шуткой массовика-затейника; не совладав с собой, она расхохоталась, и, едва успокоившись, сорвала головку белокрылой ромашки и сунула Митрофанову:

— Погадай, Зот, что со мной было в вагоне.

Он равнодушно взял цветок и тихо сказал:

— Павел Николаевич поцеловал вас, Дарья Федоровна. Это видно и без цветка...

— Ты спятил! — оборвала его Даша, кровь обожгла ей лицо. Она испуганно глянула на Семена Васильевича. — Наплетешь — потом не отмыться...

А Заварухин подмигнул Митрофанову, мол, точно, в купе вагона между воспитательницей и главным инженером были какие-то шуры-муры.

— Вы оба психи! — разозлилась Даша.

Из открытого окна двухэтажного брусчатого дома лился мощный магнитофонный речитатив хриплого мужского голоса. От недостроенной коробки кирпичного здания в сторону белых колонн конторы СМП шла вереница людей, среди них Даша увидела Павла Николаевича. Вот бы окликнуть его, чтобы приструнил Митрофанова и Заварухина!

Стрелецкий, словно услышав ее просьбу, задержал шаг.

— Что, орлы, совещаетесь о верховном роке? — крикнул он Зоту и Заварухину.

Ни Семен Васильевич, ни Зот не ответили ему.

— Они гадают, найдете ли вы сегодня золотой холм, — крикнула Даша Павлу. — Совесть называют третьим глазом...

— А где искать-то — не говорят? — поддержал шутку Стрелецкий.

Зот, глубоко вдохнув в себя воздух, поджал губы и кивнул, мол, клад скоро будет найден Павлом Николаевичем, а где — это не имеет значения.

— Весело живете! — сказал Павел вместо приветствия, подойдя к ним. — Значит, гадаете? Ну, кудес-

ник, где мне клад искать? Тут? — он пнул носком туфли комок торфа. — Ты, Зот Михайлович, выпиши со склада висячий замок для своего рта, а то сплошные бредни кругом: «робот», «путь знания», — сердито передразнил он и сделал рукой знак шоферам.

Автомашины заурчали у изгороди, стали разворачиваться и подъезжать одна за другой к месту, где столпились инженеры. Подкатила машина и к Даше. Семен Васильевич, обняв Дашу за плечи, подтолкнул ее к дверке «газика». Она оглянулась на Зота, с неопределенной улыбкой наблюдавшего за происходящим, попыталась махнуть ему рукой, но Семен Васильевич втолкнул ее в «газик», и Даша оказалась зажатой с двух сторон мужскими телами.

Автомашину подбрасывало на корнях и кочках. Даша держалась обеими руками за стальную трубу над головой. Семен одной рукой опирался о спинку сиденья шофера, а другой оберегал Дашу от сзади навалившегося на нее незнакомого ей мужчины. Беседа прыгала с зашивки звеньев на земляные работы, с путеукладки на выправку пути, рихтовку, непонятные слова «гидропосев», «мотопомпа» перемежались с привычными «перегоны», «удобрения», «опилки»; все были озадачены жесткостью приказа Стрелецкого, ехавшего на другой машине, требовавшего за короткий срок «проползти на брюхе» через Еланское болото и перегнать туда по рельсам поезд.

У взгорка машина остановилась, бойкая Гончера взбежала на холм, взмахом руки призывая всех вылезти из машин и идти за нею по заросшему травой и кустарником берегу к деревянному мосту, пролетная часть которого опиралась у срезов обоих берегов на клетки, сложенные из шпал. Мужчины столпились у бархана насыпи, а Семен Васильевич целился в них объективом фотоаппарата.

— Беги, Дашутка, щелкну на память! — крикнул Заварухин.

Даша пристроилась к мужскому ряду, но обнаружила, что стоит возле Павла, и юркнула в сторону, к Гончевой: «Не дай бог, муж увидит фотокарточку!»

— Подарим коллективное фото проверяющему, — шумела Виктория Филипповна, — чтобы не ездил на мост, авось снимкам поверит...

Павел невесело рассмеялся и, кинув осторожный взгляд на Дашу, опять полез в кабину переднего «газика».

Пока от прогала Сузгунского моста между спальными клетями кавалькада машин мчалась по деревянному настилу на другой берег реки, пока углублялась в коридор расчищенной просеки, по которому взад-вперед сновали самосвалы, пока быстрая цепочка машин замедлила ход, Даша все думала, что вот сейчас сбудется еще одно предсказание Митрофанова и Стрелецкий действительно обнаружит где-то золотой холм.

От «газика» Павел заспешил к экскаваторам, в глубь выемки, лаковые туфли его отбрасывали солнечные зайчики, следом за главным потянулись другие инженеры. Два экскаватора выкидывали ковши с отполированными добела зубьями, дрожали натянутыми тросами, выгребая из середины холма комковатый грунт, сыпая его в ребристые кузова самосвалов. Экскаваторы остервенело и напористо разгрызали холм надвое, чтобы пробить в нем проход для поездов, а Даше казалось, что вот сейчас Павел увидит среди грунта какой-нибудь золотой предмет и закричит обрадованно, что он нашел клад.

От запаха бензина у Даши кружилась голова. Чтобы побороть подступившую к горлу тошноту, она побрела по мокрой лужайке, хватая ртом воздух, пропитанный болотной сыростью и ароматом хвои, и стала рвать желтые цветы. Когда оглянулась назад, то увидела, что люди издалека призывно машут ей, зовут в карьер. «Неужто Павел нашел клад?» — екнуло у нее сердце. Она побрела к людям.

Семен, недавно сутулый и угрюмый, теперь распрямился и большими шагами мерил выемку перед экска-

ватором. Смешной курчавый толстяк наклонился, точнее, даже стал на колени — живот ему мешает, — и пересыпает из ладони в ладонь песок. Даша узнала бородатого мужчину: это же Кваша!

— Иди, иди побыстрее! — Павел, недавно еще серьезный и строгий, теперь добродушно и приветливо звал ее. Не боясь испачкать белые манжеты, он тыкал ладонь в белый бурун.

И Павел и Семен сияли, только Кваша, грузный, с всклокоченными бородой и волосами, выглядел мрачно. Проходя мимо по примятым желтоватым булыжникам запыленного бурия, она кивнула бородачу:

— Здрасьте, Сергей Афанасьевич!

— О! Хо-хо! — изумленно потряс он кудлатой головой, махнул ладонью, убирая мешающие прядки, и, широко разинув рот, закослапил к Даше. — Подыгрываешь главному? — погрозил ей пальцем, насмешливо зыркнул по сторонам, покосился на Павла. — У меня тоже есть третий глаз...

Гончева, неся на лопате Павлу Николаевичу горочку почвы, прошествовала между Дашей и Сергеем Афанасьевичем, недобрый взглядом пресекла их разговор. «Что тут происходит? Почему Семен Васильевич примирился с Павлом и чем обеспокоен Кваша?» Даша огляделась: захламленная корягами низина, несожженный, оттолкнутый на обочину хворост, холм, перегородивший своим горбом путь будущей дороге; слева — хвойный лес.

— Живей! — подхлестывает голос Павла. Даша зажмурилась, замерла.

— Пошупай землю, — ласково приказал ей Павел. — Смелее!

— Прямо под туфлями! — добродушно указал Семен.

— Шупай, шупай! — Десяток рук с горстями земли потянулся к ней, как это было и в салоне вагона, когда мужчины подавали ей блюдо с колбасой и сыром. С не-

скрываемым любопытством глядели они на нее. Она, не улавливая смысла в их взглядах и не дожидаясь, когда сунут ей ком в руки, сама зачерпнула в горсть серую, прохладную, с торчащими волосиками корешков, обломком прутика почву.

— Что ты держишь? — Очки Павла сбросили на нее зайчика.

После того как он целовал ее там, в купе, сейчас Павел зачем-то выставлял ее на посмеище. Веселость Семена Васильевича она сочла странной; нестерпимо захотелось брякнуть всем какую-нибудь грубость и убежать. Но лысых, толстых, пожилых и строгих мужчин было слишком много, чтобы она осмелилась дерзить. «Предсказание Митрофанова сбылось? Вы нашли золото?» — хотелось съязвить. Напряженно-властным лицом Гончева приказывала ей отвечать. Кровь хлынула к щекам, обожгла уши, и, преодолев злобу и страх, Даша грудным голосом выкрикнула:

— Песок! Что же еще! — и швырнула рассыпчатую землю себе под ноги. — И без третьего глаза видно!

— Bravo! — загалдели инженеры. Павел одобряюще кивнул, подобрал комочек у своей туфли, подбросил его на ладони, как монету.

— А вот скажи, — не замечая ее возмущения, галантно подал ей комочек: — Мокрый? Сухой? Или влажный?

«Что за комедия?» — фыркнула, но взяла в руки катышек.

— Ссохшаяся супесь, серая.

— Вы слышали? Супесь! — На ногах-жердях Семен подскочил, охватывая ее клешнями рук; она быстро присела, выпрыгнула из-под его захвата.

Даша не обнаруживала причины радости Заварухина, но заметила, как бородатый Кваша в вязаном свитере, наглухо закрывающем ему короткую шею от комаров, в досаде пнул носком сапога рыхлый бурун почвы. «Ему не понравилось», — присмирела она.

— Прижучила тебя! — приплясывал возле толстого Кваши Семен. — Сам бы мог выскочить с рацпредложением! — дергал его за низ свитера. — Упустил пять тысяч! Где твой третий глаз?

Кваша хмуро молчал. А Семен, еще недавно сердитый и замкнутый, сейчас суетился, тянул куда-то Дашу и вообще разрывался на части от переполнявшего его восторга.

— Ай да Митрофанов! Ну, футуролог! — обходил Стрелецкого вокруг. — Ловко подсказал! Миллион стоит холм! А мы — ротозеи! И ты, Сергей Афанасьевич, слопоушничал!

Кваша, тряся головой, тихо выругался.

— Когда Митрофанов на что-то намекает, то уши надо вострить, — громко поддразнивал бородача Семен Васильевич, подмигивая ему.

Даша начала понимать причину всеобщей сумятицы. Разрезая холм под рельсовый путь, как предусмотрено проектом, грунт вывозили на самосвалах; а Павел Николаевич приехал подгонять Квашу и вдруг признал породу вполне пригодной, чтобы забучивать ею выемку на Еланском болоте, которое начинается сразу за холмом. Теперь можно быстро наращивать земляное полотно в низине — и этот песок не пропадет, а тот, который везят из Казахстана на платформах, будет не нужен. «Но как Зот об этом догадался?» — недоумевала Даша.

И, словно слыша ее вопрос, Семен азартно затрубил:

— Научное прогнозирование! Предвидение! Вот загадка из загадок! — Он глянул на Павла Николаевича хитровато: — А вам премия пять тысяч... Каждый шофер мог бы эти деньги получить...

— Мы обращались ко всем строителям, чтобы они искали местные пески для забучивания ими выемок! — сухо бросил Павел, не поворачивая головы к Заварухину.

— А все-таки это Зот вас надоумил. Он предупреждал через Ивушкину. Можно на нее оформить рацпредложение.

— Конечно, конечно! — Кваша одобрительно топнул сапогом.

— Хватит об этом! — оборвал Павел. — Весь холм — в траншею Еланского болота, а денег никому платить не будем. Путеукладчик должен идти по пятам механизаторов.

Долго ждала Даша мужчин возле «газика». Нестройной гурьбой они медленно брели к машинам. Ковш экскаватора опять колупнул осыпавшуюся стену выемки. Толстяк Сергей Афанасьевич зычным голосом заматюгался на шоферов, требуя развернуть машины, жестами указывая им путь в сторону просеки; Даше показалось, что Кваша, сердясь на Павла, срывает злость на рабочих. Краем уха слышала она беседу Заварухина с Сергеем Афанасьевичем, который узнал от Семена две новости: о прибытии московского проверяющего и об ожидаемом смещении Павла с должности. Вот почему Стрелецкий тоже был сердит, а теперь приободрился! Но переживала Даша другое: как неудачно пошутил Семен Васильевич о том, чтобы оформить рацпредложение на Дашу... Шутка, всего лишь шутка... Миллион экономии даст Сузгунский холм, а премия пять тысяч. Если весь миллион — то это же целый магазин дорогих соболиных шуб! Скольких людей Павел Николаевич может облагодетельствовать на такие деньги — ой-ей! У нее захватило дух. И как же Зот об этом догадался? Почему он сам себе не нагадал этот холм? И почему он совесть называет третьим глазом?

В глазах Даши солнечные лучи в листве березы, пригнотившейся на краю болотца, у подножия холма, сверкали ослепительными бриллиантовыми подвесками, ожерельями, сережками; лучи, путаясь в кудрях ветвей, переливались, разбрызгивались искрами и гасли. Какой дом можно выстроить на такие средства, прямо в го-

роде, на берегу реки, и сколько детей вырастить... «А ведь Зот правильно намекал, что я влюблюсь в Стрелецкого».

Опять инженеры разместились по машинам. «Нет, я должна сопротивляться своим чувствам к Павлу...» — размышляла Даша; она сравнила главного инженера с миллионером, и это ее успокоило: все миллионеры — жадные, обманщики, жестокие эксплуататоры, и Стрелецкий такой же.

Инженеры шутили, мол, Зот, по-видимому, обладает какими-то непонятными, прогностическими способностями, но не безошибочными. Павел Николаевич нашел не золотой клад, а обыкновенный песчаный холм. Впрочем, у многих людей обнаруживаются разные феномены: один — изобретатель, другой — композитор, третий — художник. Новые открытия людям дарит природа, когда ей захочется, она сама программирует талант, а человек лишь усовершенствует свои органы — глаза, уши, мышление... Все таланты и открытия, — от одаренности, от дара природного... И конечно, от совести...

А Даша думала: хорошо бы ей расспросить Зота о своей судьбе, быть может, у нее тоже есть какая-нибудь одаренность, которую можно развивать. Вот если бы она, Даша, где-то нашла пять тысяч рублей, то положила бы на сберкнижку, позаботилась бы о своих будущих детях; а ей хотелось иметь много детей, чтобы они окружали ее, и она уже различала своих будущих сынков и дочек по голосам, звала их поименно: Прощка, Мишка, Кузя... Она мечтала, чтобы дети ее носили имена деда, отца, бабушки, матери... И ночами, в бессонницу, возникало желание завести Машеньку. Она надеялась поговорить с Зотом о своей судьбе или узнать, как ей самой планировать свои дни.

Вереница машин, подпрыгивая на колдобинах, въехала в густой сосняк, который обрывался у оголенного, без камышей и кустарника, озера; на берегу сгруппировались крепостью вагончики, за плотную их стену,

внутри городка, можно попасть через единственные ворота с деревянной аркой, на которой темнела мазутная надпись: «Мехколонна». На узкой улочке меж вагонами Даша поискала взглядом Зота. Тут, как в городском проулке, играли шоколадные от загара дети, сновали чумазы мужчины в спецовках и нарядные, в коротких юбочках, в лакированных туфельках девушки и женщины. «Догадается ли Зот ждать меня здесь?» Прострочила дорожку по пыли до углового вагончика, завернула за него и, обнаружив сразу два проулка, оробела: тут легко заблудиться. Что ни вагончик, то вывеска: «Душевая», «Продуктовый магазин», «Вагон-клуб», «Промтоварный магазин». Часто отворяющиеся двери вагонов-магазинов манили узнать, чем торгуют, но мысль: вдруг-то вынудят ночевать в «вагоне-гостинице» — портила настроение. Ей вспомнились разговоры о пожарах в тайге, о двух спаленных хуторах, и она стала думать, чем же эти вагоны лучше щитосборных домов. Воздух гудел от назойливых мух. Прошмыгнув в боковой проход, Даша совсем потерялась, но, к радости своей, заметила у вагона-магазина высокую фигуру Семена Васильевича, окликнула его:

— Семен Васильевич, как же физинструктор угадал про рацпредложение Стрелецкого?

Семен взмахнул руками, словно дирижер, потом указал на небо:

— Мутант! — сказал жизнерадостно. — А песок хороший! Пашка удачливый... пес... Самолюбивый, а тебя послушал, пригляделся к холму... Впрочем, если дурака назвать мудрецом, он станет изрекать истины. Верно? Если труса объявить героем, то он потребует себе награды...

— Завидуете, — поморщилась Даша.

— Он мою идею ценою в миллиард загубил, а свои пять тысяч не упустит... Иди пообедай, а потом я тебя отправлю тихохонько подальше от диктатора... Смекаешь? Никакой Митрофанов не разгадает...

Глава 6

ВСЯ ЖИЗНЬ В ТОМ МИГЕ...

Миг —

Что зерно.

Вся жизнь в том миге.

В глазах печального свеченья

Легко, как по раскрытой книге,

Прочел я тайну обреченья.

Василий Федоров

Семен Васильевич настроил Дашу на озорство и дерзость: ей захотелось проявить независимость и своеволие. Слободу механизаторов она покинула тайком, в семь вечера, не повидавшись с Митрофановым. Было еще светло. Она сидела в кабине громоздкого самосвала с небритым водителем; пока выезжали из вагонного городка, пригibasась пониже, чтобы ненароком ее не заметили инженеры из свиты Стрелецкого.

Рассеянно глядя перед собой в ветровое стекло, Даша думала о том миллионе, который валялся под ногами и который так легко и просто обнаружил Павел Николаевич. Вот бы ей получить миллион! Она бы стала иным человеком! Совсем, совсем изменилась бы! Появилась бы уверенность в себе! Миллион можно и не тратить, не разбазаривать на одежду или на кооперативную квартиру, но держать как средство самоутверждения.

Как жаль, что все это лишь фантазия, мечта о сказочном мире. И Зот сказочную задачу поставил: открыть в себе сверхинтеллект и знать о других истину. «А если испытать эти сверхвозможности на шофере?» — мелькнула лукавая мысль, и Даша внимательно посмотрела на заштитинившегося по щекам и подбородку субъекта, который вел машину по грейдерной дороге и рассыпался перед пассажиркой в комплиментах. «Чего

это он раскудахтался? Вот узнаю сейчас его тайный замысел!» — решила она.

— Все люди говорят одно, а думают другое, — весело сказала Даша и покосилась на водителя.

— Да, конечно, но я не такой! — хохотнул он. — Не слышали обо мне? Я — Ухватов, маяк! Люблю откровенности, особенно с приятными дамами.

— Дождешься от вас откровенности, — со смешком отозвалась Даша.

— А чем интересуешься? — Он подмигнул ей развязно, резко крутанул руль на повороте; тотчас перешел на подобострастный тон: — Семен Васильевич упросил доставить вас в целости, а я с полным удовольствием и за сверхурочные ни гроша не требую.

Наглое и плутоватое лицо под козырьком кепи настораживало Дашу: что-то тайное держал на уме этот немолодой уже мужчина. Ее охватило неодолимое желание каким-нибудь хитрым приемом спровоцировать человека проявить свою сущность.

— Сложная вы личность, — с льстивым уважением произнесла она.

— А кто сейчас простак-то? — самодовольно прищурил он глаз. — Просите что угодно — исполню. Красотища впереди какая! Хотите, остановлю машину — любуйтесь!

Впереди за поредевшим лесом просвечивала сквозь деревья панорама города Искера: каменные постройки на длинном холме, зубчатые стены, остов колокольни и луковичные главки церквей. Водитель уже притормозил машину, выскочил из кабины, показывая жестом на цилиндрические, конусообразные и четырехгранные башни кремля, отливавшие медью в лучах заходящего солнца; внизу, в долине, под горкой как бы разбросаны в беспорядке деревянные кубики домов. Даша слышала о бывшей губернской столице, ныне рядовом захолустье.

— Я вас не просила останавливать машину, — сказала она строго.

— Извините, недолет! — Шофер бойко впрыгнул в кабину, дал газу, и машина, подпрыгивая теперь уже на колдобистой дороге, помчалась, дребезжа и громыхая. — А вы-то зачем в лес едете?

— Да так, по заданию, — уклонилась она от ответа.

— Недолет, — кивнул водитель. И вдруг доверительно заговорил о том, что жалуются бетонщицы на скуку, да и продукты им завозят несвоевременно. А вот ему, Ухватову, тут правится, потому что у него в областном центре кооперативная квартира, а на юге, в Крыму, — отцова дача, так что ему и жаловаться не на что. Он даже может дать пассажирке денег, если она хочет, или рад принять ее гостьей в своем доме.

— Это как понимать? — удивилась Даша. — Знаю я одного человека, который разгадывает мысли на расстоянии, вообще, своим третьим глазом всех насквозь видит. Он бы ваш умысел распознал, а мне ваше приглашение — загадка.

— Прокурор, что ли, ваш знакомый? Или следовательно?

— Экстрасенс! — с гордостью ответила она.

— Ой! Недолет...

— Какой недолет? — не поняла Даша.

— Это так, для себя. — Водитель въехал на понтонный мост, вывел машину на противоположный берег. Миновали лесную стройплощадку с тремя пятиэтажными домами, юркнули мимо сгрудившихся вагончиков в темный коридор густого сосняка.

Дорога шла под уклон, лес становился гуще, сосны сбегались к обочинам, закрывали кронами небо. Шофер включил фары, и сразу как бы стало темно. Неожиданно шофер остановил машину. Перегрелся мотор, якобы из радиатора вытекла вода, и Ухватов, узкогрудый и долговязый, пошел в кусты с ведром искать бо-

лото с водой. Вернувшись, объяснил, что до Шестаковки еще километров пятьдесят, а машина забарахлила, предложил Даше вернуться.

Не загорались лампочки на приборной доске, и Даша стала светить — чиркала спичками; пригодился коробок, который дома тщательно завернула в обрывок клеенки.

— Ну и как же этот следовательно... или экстрасенс угадывает мысли человека? — копаясь в моторе, спросил шофер. — Где у него глаз-то?

— А так, ему сразу понятно, что машина не ломается, а водитель притворяется, — в топ ему сказала она.

— Перелет, — согласился он.

— Вы зря меня опасаетесь, я обычная женщина и не охотница до чужих тайн.

— Недолет. — Он стоял у капота, ухмылялся. — Вы не простая, вы хитрая женщина, по глазам вижу. Девки небось жалобу написали?

— Это вас не касается, — резко сказала Даша. — Может, поедем?

— Меня все касается. — Он неохотно влез в кабину, что-то дергал, колотил кулаком по приборной доске. Сказал, что в песке потерял ключ зажигания; Даша, опасаясь приставаний Ухватава, ползала по кабине, потом возле машины по песку, ощупывала землю, надеясь ухватить злополучный ключ в кромешной темноте. Уже не спорила с шофером, а только ругала себя, что затеяла с ним глупый разговор. Все люди, конечно, вруны, и не так-то просто разгадать их тайные замыслы. Лучше было бы ей остаться в искерской гостинице: ничего бы худого там с нею не случилось.

Даша рассказала шоферу про Зота Митрофанова, про то, как он спрогнозировал главному инженеру холм песка, как главный использовал песок для строительства; мимоходом упомянула, что девчата написали жалобу в обком комсомола, и ее, Дашу, послали разоб-

раться в обстановке, да вот не догадалась она узнать мнение Зота, кто и как и чем их будоражит.

— В точку, — согласился шофер. — В цель попала. Правду говоришь.

— А раньше не верил?

— Меня прощупывала, — многозначительно объяснил он. — Ладно, поехали! Мне третий глаз ни к чему...

Тотчас кончились поиски ключа зажигания; Ухватов сразу деловито заменил его перочинным ножом, включил мотор, и довольно скоро они добрались до черных силуэтов строений.

Шофер подвел Дашу к вагончику и забарабанил по его обшивке кулаком:

— Ревизора принимайте!

За окошком сонно вскрикнули, зажегся свет, звякнула за дверью щеколда, со ступенек спрыгнула в темнень девушка. Даша шагнула навстречу, чутьем угадывая, что это Галина Жукова. Шагая за ней, ударила локтем об угол железной печки в тамбуре, и в этот миг, пока ее мысли еще не переключились на новую обстановку и были всецело как бы привязаны к оставшемуся возле вагона шоферу, Даша мысленно представила себе Ухвата, подумала, что у него в поселке, должно быть, есть жена и дети; и чем смелее она представляла себе его жизнь, тем глубже внедрялся в нее не только образ шофера, но и его судьба, в какой-то миг она, Даша, сама как бы стала Ухатовым, имеющим жену, двух дочек, квартиру в Ягодной и в Красногорске, получающим из Крыма, от отца бочонки со сброженным компотом. В одно мгновение ей открылась вся жизнь шофера, наклонности его характера. Она как бы увидела, что в этот самый миг Ухватов бережно опускает на землю деревянный бочонок с вишневым компотом. Ей не нужны были ни расспросы, ни показания свидетелей, она точно знала вместимость бочонка, какого сорта вишня, кто купит плоды и какие заплатит день-

ги. Видела и себя со стороны: вот уже она сама прикладывается к солдатской алюминиевой кружке и вдыхает запах приятного компота...

«Может, во мне открылся сверхинтеллект?» — с суеверным страхом подумала Даша, входя в озаренную электрическим светом комнату с полками в два яруса. С верхней полки из-под одеяла тарашилось знакомое заспанное лицо Кати Дрыгиной, могучей женщины с жидкими кудряшками. Даша чувствовала себя раздвоенной: одна Даша, настоящая, натуральная, живая, усталая, хотела кувыркнуться на свободную полку либо подкатиться к кому-либо из девчат под бочок и уснуть крепко-накрепко. Но озарение еще не минуло, и другая Даша предчувствовала, что сейчас случится в комнате столпотворение, соберутся девчата и ей не спать до утра. Первой Даше было страшно, а вторая осознавала, что ничего страшного не произойдет. Она видела, как Ухватов отворяет двери и входит в вагончик...

Увидев наглую физиономию Ухvatова, Катя Дрыгина восторженно гаркнула, подмигнула шоферу, а тот, хитро ухмыляясь, жестом показал, мол, полный порядок, панибратски потрепал Дашу по плечу, смеясь, сообщил девушкам, что «эта дамочка» боялась его, как разбойника, выводывала какие-то секреты, хотя он, Ухватов, открыт и прост, как правда, никаких тайн не возит, ест и пьет под любой сосной или в кабине самосвала...

В вагончик вошли три знакомые Даше девушки, они обнимали ее, наперебой расспрашивали о всякой ерунде: о кроватях в комнатах общежития, о куклах и плюшевых собачках на подушках и подоконниках — не украл ли кто, о комсоре Корзухине, о парнях, на которых имели виды. Она, воспитательница в двух корпусах — мужском и женском, — любима среди невест и женихов. Узнавала не всех: пришли и незнакомые ей девушки, им тоже не терпелось послушать ее, будто

прибыла она из самой Москвы в качестве лектора или артистки. Вот если бы открыться сейчас и объявить всем, что она, Даша, тайным интеллектом вычислила, что Ухватов — спекулянт, что они все незаконно и позорно пользуются его услугами... Но на это у Даши не хватало смелости.

— Постойте, девки! — встряхнула Галина светлыми волосенками. — Воспитательница с голоду захирет! — И, надев на маленький облупленный носик большие очки в толстой оправе, отрезала от буханки ломоть хлеба, поставила на столик алюминиевую солдатскую кружку с чаем. Даша порылась в сумке, достала взятые в дорогу бутерброды. Взгляд ее упал на Ухватова. «Сейчас мне подадут то, что он привез», — подумалось Даше. И точно: ей протянули еще одну алюминиевую кружку.

— Компот вишневый, — лстиво подмигнул Ухватов.

«Сейчас начнет шантажировать, скажет, что я шпионка, приехала изучать жалобы», — шепнула вторая Даша своему двойнику. И тот в самом деле произнес:

— Подружка прикатила изучать доносы, а помогать ей будет телепат-физкультурник.

Даша поперхнулась куском и отхлебнула из кружки глоток густой жидкости, бьющей в ноздри дурным запахом вишни.

— Какие доносы? Кто жаловался? — озверело оглянулась вокруг Дрыгина. — Я вам покажу!

— Тихо! — осадил всех Жукова. — Раз воспитательницу прислали — значит, так надо. Ее комсорг командировал. Верно, Дашенька?

— Пусть Корзухин сам едет!

— Комаров кровью кормим, лучше в доноры записаться!

— Правильно, девочки, женихов в городе растеряете, — посмеивался шофер. — Опыщавеее на концентратах, подурнеее, вы же не травоядные.

От дверей, распахивая девушек, пробивался лысый, с задубленной кожей мужик.

— Вот двести моделей и модификаций. Вся моя жизнь! — Он протянул Даше альбом: по белым снежным холмам мчались фантастической формы сани спропеллером.

— Помогите мне, я конструктор аэросаней! Лично с Туполевым знаком... Никто не интересуется... Вникните в мое положение... — Голос у хозяина альбома четкий, как у диктора, трагически-густой.

— Пошел, пошел отсюда! — щупленькая Галка, воинственно сверкая золотым зубом, загородила Дашу от сегоднего конструктора. — Идите, пишите куда-нибудь, только здесь не мешайтесь...

Вглядываясь в настороженные лица девушек, чувствуя злые взгляды за спиной, слыша приглушенный ехидный шепоток, Даша заговорила громко, как на митинге:

— Вас сменит новая комсомольская бригада! Завтра прибудет физинструктор, мы устроим соревнование по плаванию.

— Его-то и бойтесь! — перебил Ухватов. — У него есть третий глаз.

— Я попрошу его погадать на ладонке, ха-ха! — хохотнула Катерина Дрыгина. — На каком месте у него глаз?

— Он разгадает нашу жизнь по звездам! — поддержала шутку другая.

— Он не астролог, он по веселым глазам спец, — подхватила третья.

— Он чревоурачитель...

— Чушь, это умный парень...

— А я тоже хорошо гадаю, — заявила Дрыгина. — Если спину ломит, значит, погода переменится, будет дождь с грозой, вот помяните мое слово утром!

«Сказать или не сказать им всем в лицо, что Ухватов спекулянт?»

Даша настраивала себя на обличительную речь, по тут Галина, тесня передних девушек, нырнула головой к футляру с баяном, прижатому к косяку двери, высвободила инструмент и всучила Даше.

— Даша — душа наша, развесели. Девки, — простору!

Даша видела, как девчата пили из кружек дурманящий компот, как утирались, кто ладонью, кто рукавом, пересмеивались, переглядывались, как самодовольный Ухватов предостерегающе грозил кому-то пальцем, кивал в сторону Даши, мол, она представляет опасность, и объяснял, что компота из вишен на голубичном соку за сотни километров в округе не сыщешь. Выпив сироп, девушки жевали ягоды и выплевывали косточки в ладони.

Сдержанные покашливания, будто кто-то приготовился петь, поторапливали Дашу. Она привычно пробежала пальцами по белым и черным пуговицам-клавишам — вагон замер. Босыми ногами на холодном полу она ощущала сырость. Болезненно ныло колено, ударенное о подножку вагона. Даша заиграла. Мелодия звучала несильно. В малюсенькой каморке — половина вагона! — нельзя давать волю голосам. Первые же звуки баяна как бы пригасили яркий свет в комнате. Инструмент для маленькой Дашиной фигурки великоват; уронила на него голову, занавесилась челочкой, и слезы потекли по щекам. «Чего раскисла? Я воспитывать их послала!» — подбадривала себя, вкладывая в мелодию текущую из сердца тоску о семье и уюте. И надрывные переборы баяна расслышали во всех вагончиках: затопали каблуки в тамбуре. Дашу подхватили на руки, держа на весу, обули в чьи-то огромные бахилы. Она же слышала голос шофера:

— Кати сюда, дуреха! Да не проговоришься, что компот домашний... А я поехал...

«Ну конечно, это спекулянт! Но я не сыщик...» —

остужала себя, подавляя интерес к тому, что творится вокруг.

— Несите сюда баянистку! — скомандовали из мрака.

«Чем их развеселить?» Бравурные мелодии будто ускользали из-под пальцев, заиграла «Дан приказ ему на запад...».

Звезды с любопытством вглядывались в темень лесной вырубки, в котел из сплетенных человеческих тел, сгрудившихся молодых судеб, в центре которых покачивалась с баяном Даша. Одна мелодия сменяла другую.

...Совсем рассвело. Уже лежѧ в постели на полке, опять вспоминала шофера, и он показался Даше веселым, озорным и заботливым.

— Часто он приторговывает? — спросила устало Галину.

— А ты не бери в голову, — шепотом ответила та.

«Как хорошо жить в нереальности», — успела подумѧ Даша и провалилась в сон.

Глава 7

СЕАНС СВЯЗИ

*Пророк — про Рок, меж тем как
прогнозист —
про испещренный формулами лист...
Борис Слуцкий*

Пучок света щекотал веки, Даша зарылась головой под подушку, но стало душно. Опершись на локоть, отпихнула оконную зашелку, дернула скобу и приподняла верхнюю створку окна. Солнца нет, часы показывают два часа пополудни. Вот так поспала! В спертom воздухе отсека запах горячих, разметававшихся во сне молодых девичьих тел. И они спят! Славно вчера попели.

Даже не вчера — сегодня утром... Хватала ртом свежий, настоящий хвоей аромат; вместе со струями воздуха в щель устремились полчища комаров. Захлопнула фрамугу, оглянулась: комары уже рассредоточились, парили над спящими девушками.

Накинув на плечи халат, неслышно подобралась к Кате, цапнула комара за рубиновое брюшко, которое лопнуло и окрасило пальцы. Схватила другого разбойника, на лету поймала еще одного; снимала одного за другим за крылышки с плеч, с одеял, с рубашек девчат.

Покончив с безумными тварями, полезла в постель, но сна ни в одном глазу. В голове пазойливо запрыгала мелодия: «С комариком плясала... Рубить буду комара... Покатилась голова на зеленые луга». Вспомнился Зот. Стало обидно, что он, настроив ее против Павла Николаевича, сам куда-то исчез, не поможет занять девчат спортивными играми. Ей одной придется разбираться с жалобой. Может, он о ней, Даше, и вовсе забыл?

Покинула полку, взяла мыло и полотенце, осторожно приоткрыла дверь, выбралась в тамбур. На проветриваемой площадке у крыльца комаров меньше. Огляделась. Белеет тесом опалубка на берегу реки. Оттуда доносится гул моторов: идет работа. Ага, догадалась Даша, если одна смена отдыхает, вторая занята. Взгляд запрыгнул на кончик стрелы автокрана, поднимавшей груз, скакнул на взлохмаченный, испаханый ножом бульдозера и истоптанный колесами самосвала берег, коснулся отраженной в воде ветки ивы, переместился на полянку, где на веревке, натянутой между сосен, пестрели выстиранные комбинации, комбинезоны, платьишки.

— Привет, разведчица! — окликнул Дашу задорный девичий голос. Оглянулась: обтянутая белым халатом фигуристая повариха разглядывала воспитательницу. — Жалобщиков пошла выискивать? Меня звать Женя, будем знакомы. Хочешь, научу варить жратву без мя-

са? — Ее дебелое лицо было недобрым и настороженным.

— Не болтай лишнего. — Подошла стройная девушка в красном платье, русые косы ее спускались по спине до талии. — Ванда, — протянула она руку Даше и опять обратилась к поварихе: — Иди, у тебя оладьи горят. Помечтай там о Кваше...

Даше не хотелось вникать в их перепалку. Она пошла по берегу, удаляясь от шума пневматических молотков, от рокота моторов. День стоял пасмурный, тяжелые клочковатые тучи, цепляясь за верхушки сосен и кедров, лениво переваливались над речкой, ползли над хутором мостостроителей. Но дождя не было.

За упылыми кустами тальника Даше открылась премилая палестинка, поросшая цветущей осокой, за высокими колосками которой ей почудилось нечто необычное. Любопытство взяло верх, и, разгребая траву, она выбралась на край поляны. Там в невообразимой позе — вверх ногами — стоял мужчина в плавках. Скрестив руки на груди, прижав ступню к ступне, он стоял на голове так уверенно, словно был пронзен невидимым стержнем, вбитым одним концом в землю; Даша смекнула: это мог быть только Зот Митрофанов; обрадованная, она заспешила к нему по мокрой траве.

— Ах, вот как стоят на пути знания! — приветливо пошутила она. — Но что за вид?!

— Поза сиршасана, — отрешенно и не сразу ответил Зот.

— Ты куда исчез? — В голосе Даши прозвучал искренний упрек. — Меня тут загрызть готовы, считают шпионкой, мне нужна твоя помощь. Если ты все знаешь, то скажи, кто жалобу написал? Я быстренько разберусь и буду свободна.

Мускулистое тело физинструктора оставалось неподвижным. Даша обошла молчащего Зота вокруг: спину его, живот и ноги густо облепили комары, одни уже отяжелели — рубиновые брюшки их чуть не лопались,

другие методично буравили хоботками бледную кожу физинструктора, но Зот словно не ощущал их присутствия. Выждав какое-то время, он монотонно и бесстрастно напомнил Даше, что позволил ей убедиться в справедливости своего предвидения событий: Павел Николаевич обнаружил-таки холм песка.

— Хочешь ли ты следовать путем знания, или тебе приятнее оставаться на тропе незнания? — спросил он в заключение.

Даша с обидой передернула было плечами, но тут же успокоилась, расправила оборочки по мокрому подолу халатика и ответила добродушно:

— Все хотят знания. Кому охота быть слепым и глухим?!

— Если бы все, что говорят люди, было истиной, то не нужна была бы наука, но если бы и наука говорила только истины, то она давно бы изжила себя, — изрек Зот. — Редко кто осмеливается идти по пути знания...

Даша покорно кивнула. После некоторой паузы Зот снова заговорил. Он объяснил, что путь знания начинается для человека с прогнозирования срока своей жизни, изучения линии судьбы, которая ведет к конечной точке, и корректировки движения к ней. Только предвидя все ожидаемые события, затруднения, стрессы, болезни и несчастья, человек способен, сконцентрировав в себе энергию, вырваться из плена неблагоприятных событий.

— Я должна знать будущие несчастья? — с испугом уточнила Даша. — Нет, нет! Я не смогу тогда спокойно жить! Когда придут болезни, тогда и буду их лечить.

— Вынужден предупредить тебя, что твоя любовь к Павлу Николаевичу кончится тем, что ты превратишься в ворону, а он — в робота, — не меняя позы и не глядя на Дашу, бесстрастно напомнил Зот.

— Что мне делать? — Даша озадаченно покусывала травинку.

— Смотреть в свою совесть. Займись зарядкой.

Есть более восьмидесяти тысяч поз — все они для дисциплинирования функций организма. Человек, заблудившись в тайге, лихорадочно ищет дорогу, мечется, выбивается из сил и гибнет от изнеможения и страха. Таки в жизни: незнание, ужас, низменные инстинкты, ревность, зависть, фантастические желания принуждают людей ежедневно лукавить. Онй постепенно загоняют себя в ловушки стрессов, становятся игрушкой обстоятельств, и когда спохватываются, то уже не могут изменить себя.

— Чего ты хочешь? Чтобы я голышом встала вверх ногами и меня грызли комары? — В сердцах Даша отшвырнула травинку. — Ухватов, хитрец, привез бочонок компоту забродившего, но он еще пожалеет! — запальчиво пообещала Даша и вдруг опять ощутила, что злость словно бы испаряется и на нее нисходит умиротворение. — Зотушка, любезный, покажи какой-нибудь фокус, позабавь меня, — неожиданно попросила она голосом капризной девочки.

Митрофанов медленно отнял от груди руку и затем резким движением выбросил ее в сторону березы. На глазах Даши ствол дерева треснул, стал переламываться, и береза с шумом, словно бы опрокинутая бурей, упала на поляну, ударившись кроной оземь. Даша ахнула, подбежала к высокому пню, ощупала острые лучи излома, оглянулась на Зота: тот стоял неподвижно, сложив руки на груди, не меняя позы.

— Ты сломал березу! — ужаснулась она.

Паузу нарушали звенящие комары.

— Береза была повалена бурей, — наконец произнес Зот равнодушным голосом. — Ты живешь в нереальности, в воображаемом мире и не умеешь отличить истину от фантазии. Слова камуфлируют истину. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но еще лучше один раз воспринять истину сверхинтеллектom, чем доверять своим чувствам.

Даше захотелось обидеться на Зота, но огорчения

она не ощутила. Тогда, поправив волосы, она снова попросила:

— Исполни два моих желания, нет, лучше три, как в сказке, и я поверю в твои прогнозы.

— Алчешь слепоты?

— Не поучай, мне надоело, — беспечно рассмеялась Даша. — Исполни! Согласен?

— Твои желания мне известны, — ответил Зот. — Ты просишь того, что само собою случится.

— Но я хочу, чтобы у поварихи Жени на кухне было мясо! — запальчиво объяснила Даша. — Разве такое ты можешь?

— Завтра, во второй половине дня, мясо будет, — услышала Даша в ответ.

— Назови, кто написал жалобу...

— Послезавтра тебе скажут его имя.

Даша закусил губу в нерешительности.

— И еще, мое личное... Можно, чтобы я загадала, но тебе не говорила, а ты бы исполнил?

— Твою просьбу я знаю, — равнодушно сказал Зот. — Она осуществится и не требует никаких усилий с моей стороны.

— Нет! — рассердилась Даша. — Ты не знаешь моих желаний! Скажи сейчас же, о чем я думала?

— Ты ждешь Павла Николаевича. И он придет на Шестаковку. Если тебе хочется знать, чем он занимается в настоящее время, ты можешь посмотреть на него во сне. — Голос Зота звучал гипнотизирующе, проникновенно. — Можешь посмотреть во сне... Запомнила? А сейчас иди к речке, искупайся. Я уеду в поселок Ягодный с группой девчат, вернусь, и мы продолжим беседу...

Даша спустилась к реке. Ополаскиваясь парной водой, размышляла о Зоте. В общечитии она не замечала его склонности к странным рассуждениям и необычным фокусам. «Он прозорливец? — спрашивала она себя и

отвечала: — Просто ревнивец! Потому и улавливает мое отношение к Павлу».

Возвращаясь от реки, воспитательница не переставала удивляться хозяйственности девчат: на грядках росли лук, петрушка, укроп, пестрели сиреневато-белыми соцветиями ряды картофельных кустов. Обходя огород, вернулась на взгорок, с которого открывался живописный вид на тайгу, затененную тучами, на заречные луга и берег с двумя десятками вагончиков. Не сразу определила, в котором спала, — все одинаковые, стандартные, коричневые. Странное существо в исподнем ковыляло между вагончиками и несло ее баян. Присмотрелась — да это же Дрыгина.

— Ой, Катерина! — обрадовалась Даша. — А я тебя не сразу узнала.

Та всучила ей инструмент и властно скомандовала:

— Приехала, так не прячься, играй нам нежнее!

Но в тот же миг баян из рук Даши вырвала невесть откуда взявшаяся высокая девушка с длинными косами. Ее тонкая фигура в красном платье, чистое лицо с белым пушком над верхней губой и ясные глаза были привлекательны. Обхватив баян, девушка присела, выставив голое гладкое колено, опершись другим на кочку, заиграла. В режущих слух сочетаниях звуков угадывалось начало полонеза Огинского.

Захлопали двери вагончиков, где-то обрадованно завизжали. Размахивая полотенцами, девушки — вторая смена! — бежали с криками к реке. Удивительную власть имела над ними музыка! Некоторые мимоходом хлопали Катю по спине, кое-кто на секунду задерживался у столпившейся группы вокруг баяна, другие бултыхались в воду с шутливо-истощными воплями. Русокосая Ванда долго не отпускала Дашу, заставляла играть пьесы, вальсы, арии из опер. Когда-то она тоже окончила музыкальное училище, но поехала в тайгу по комсомольской путевке вместе с Женей-поварихой, ста-

ла бетонщицей, руки ее загрубели, и баян не слушался пальцев.

Так до самой ночи, за баяном и в разговорах, прошел у Даши день. Ложась спать в том же вагончике и на ту же полку, где уже спала, она вспомнила Зота и подумала про себя: «Хочется увидеть Павла... Какой сон мне приснится? Наврал небось Зот с три короба, а я верю...»

Всю ночь Даше снился удивительный сон...

Она долго блуждала по узорчатому паркету просторных комнат, освещенных сияющими люстрами, с зеркалами в простенках узких высоких окон, с картинами, портретами, множеством часов, скульптур и наконец вышла в огромный зал, заполненный артистами, циркачами, танцорами. В центре зала стояли два трона, на большом восседал Павел Николаевич. Ей надлежало занять трон поменьше. Толпа с ликованием расступилась. Ее охватил страх, в груди похолодело, но она пошла. Танцовщики, делая антраша, взлетали вокруг нее в воздух и ловко поколачивали одной ногой о другую. Она шла медленно и вдруг глянула в окно: там маячила фигура оборванца с посохом. Он знаками подзывал Дашу. Ей не хотелось прерывать церемонию — это было так некстати — подмывало крикнуть кому-нибудь из циркачей, чтобы прогнали бродягу, но нищий в лохмотьях упорно звал, блаженно ухмыляясь, у него были белые брови и волосы и розовое лицо Зота. Зал замер. Охваченная стыдом, возмущением и состраданием к несчастному, Даша бегом устремилась к окну. Зал ахнул... К счастью, нашла дверь, и Даша выскочила в сад.

«Откуда ты взялся?» — выражая интонацией жалость к оборванцу, заговорила Даша. Она убеждала нищего покинуть территорию замка на время, пока совершается очень важный для нее и Павла Николаевича обряд. «Тебе надо научиться прогнозировать будущее, заглядывать в завтрашний день», — ответил обо-

рванец. «Но не сейчас же!» — возразила Даша и сжала кулачки в отчаянье и возмущении. Нищий звал ее на берег реки, по ней должен проплыть катер, на котором находится Стрелецкий со свитой и ревизором. «Хочу быть рядом с Павлом! Хочу к нему!» — зашепила Даша, но Зот невидимым силовым полем удерживал ее. «Я открою тебе сверхинтеллект, — обещал он вежливо, — это третий глаз. Ты сама станешь, как бы третьим глазом, будешь видеть все, что делается на катере». — «Я не хочу быть третьим глазом, не хочу шпионить, хочу быть просто рядом с Павлом». — «Не торопись. Там скучно, ты не поймешь его забот». — «Мне все понятно, когда я с ним, все интересно. Хочу к нему!» Даша порывалась убежать, но невидимые сети, словно паутина муху, охватили ее со всех сторон, запутали и цепко удерживали возле какой-то березы.

«Зот, я равнодушна к тебе, — она размахивала руками, надеясь разорвать невидимые сети. — Я не хочу подражать тебе, не желаю созерцать свой пуп... Отпусти!»

Зот, ухмыляясь, показывал ей березовый посох, самый кончик его, и говорил: «Можно быть аскетом и видеть третьим глазом, но есть аскеты, которые не умеют открыть совесть. Можно быть аскетом и видеть только свое информационное поле, хотя этот глаз способен видеть поля других людей, каждого в отдельности или целых народов... Можно служить цели, быть деятельным, учитывая показания третьего глаза». — «А где мой третий глаз?» — спохватилась Даша. «Занимайся зарядкой, чтобы он открылся, — монотонно ответил Митрофанов. — У каждого из нас двадцать четыре часа желаний, две дюжины функций, и мы только тем и занимаемся, что обслуживаем их: пробудился утром — делай зарядку, умывайся, готовь завтрак и беги на работу... Бесконечный круговорот минут, суток, лет. Либо погоня за своими страстями: в нас много внутренних тайных сил. Жадность — сила, любовь — сила, жажда

моды — сила... Ум лишь обслуживает эти силы, объединенные в армию страстей. Наша речь тоже служанка этой армии, мы беспрестанно болтаем, чтобы скрыть от других свои желания и намерения».

«Чего ты хочешь от меня, оборванец?» — возмутилась Даша, понимая и отчаиваясь, что Павел Николаевич не станет ждать ее так долго, уедет на катере. Она рванулась, но сильнее запуталась, раздирала пальцами нити, но они крепче связывали ее.

«Зачем тебе бежать по пути незнания? — улыбался Зот. — Ты станешь вороной! А Павел Николаевич превратится в робота! Запомнила? Есть тысячи поз, чтобы научиться руководить своими инстинктами, освоить их, укроти в себе безрассудство, порывы, ложь, хитрости, воровские склонности, бесконтрольное желание, эмоции, алчность».

«Умолкни! Исчезни! Сойду с ума!» Даша сопротивлялась, пинаясь ногами, вцепляясь зубами в сеть, которая спутала ей руки.

«Через центр твоего мозга пробегают все информационные волны мира, ты, как радиоприемник, воспринимаешь их. Ты будешь выбирать нужную волну, сама назначать момент, который тебе захочется знать, и события откроются тебе. Этим сверхинтеллектом ты будешь настраиваться на волны любой системы, видеть прошлое, настоящее и будущее. События свершаются неумолимо, они неотвратимы, но и ты получишь над ними власть. Ты будешь знать, когда наступит твоя минута».

«Блаженство — это забыть себя для него, стать частью его. Когда наступит эта минута? Хочу знать! Я принимаю твое предложение, Зот! И что было бы, если бы я не поехала на самосвале с Ухватовым?..»

«Что не случилось — не могло произойти, а что произошло — было неотвратимо», — ответил Зот.

«Чему быть — того не миновать, — согласилась Даша, но еще раз рванула зубами невидимую сеть и толь-

ко больно обожгла нитками губы. — Путь познания, предвиденья, без выбора вариантов — какая скука!..»

«У совести выбор невелик, но будет, — пообещал Зот. — Жизнь — процессы, в ней нет статики, каждую секунду в клетках организма совершаются сложнейшие операции. Ты не вольна управлять сокращениями сердечной мышцы, но при тренировках научишься ускорять или замедлять пульс сердца. Разве этого мало?»

«Зот, открой мне третий глаз! Скорее! Я хочу видеть Павла, его улыбку! Задыхаюсь без него! Где он? Что с ним? Ему грозит беда? Кто на катере? Он придет на Шестаковский мост? Зот, открой мне третий глаз!»

И вдруг Даша увидела катер, плывущий по водной глади, она ощутила себя легкой, свободной, бесплотной, как солнечный зайчик. Невесомость Даша восприняла без удивления, восторженно, мысленно перескочила с берега на палубу, огляделась: слева по борту плыла песчаная коса, справа — крутой обрыв и ветла, склонившая ветви к воде. Мысль увидела разбегающиеся усы волн от носа катера, озабоченная поисками Павла, быстрехонько пробежала мимо рубки и оказалась рядом с мужчиной в кожанке, у которого были пышные усы и седенькая бородка. Возле седоусого стоял Павел Николаевич. Радостная Мысль скакнула Стрелецкому на плечо, ласково потерлась о тщательно выбритый подбородок, скользнула по лицу, уловила запах французского одеколона и, успокоенная, заглянула в любимые глаза, прямо в суженные зрачки.

Человек в кожанке, Тихон Ефимович, опершись на крашенные перила, в этот момент любовался новыми видами: силуэтами судовых мачт, кранов...

Мысль Даши приложила невидимую ладонь ко лбу Павла Николаевича и поняла, что у того жар. Мысль могла осмотреть организм Павла до самых потаенных глубин, пообщаться с подобными себе — его мыслями, рассмотреть затаенные намерения. Встревоженная, она спустилась на грудь Павла, под рубашку, прислуша-

лась к биению сердца: бой был напряженный, но ритмичный — Стрелецкий просто волновался. Несколько успокоенная Мысль отвлеклась на появление Виктории Филипповны.

Кутаясь в мохеровый голубой палантин, брошенный поверх плаща, Гончева шепотом приказывала мотористу вести катер к Шестаковскому мосту не прямо по руслу реки, а через протоки, мимо живописных островков, и если гость — проверяющий из министерства — пожелает, то причалить к одному из них, чтобы на островке сварить уху из карасей и попеть песни.

Настороженная Мысль перепрыгнула с груди Павла Николаевича на плечо московского гостя Тихона Ефимовича Фокина, посмотрела ему в глаза.

— Два хуторочка, значит, сгорели? — держась за полосу ограждения, Фокин обернулся к Павлу Николаевичу. — Почему не отдали дело в прокуратуру?

— Невыгодно, Тихон Ефимович, — честно признался Павел. — Дома-то щитосборные, старые, привезены еще с Абакана — Тайшета. Сами до всех тайн доберемся. Мы предложили идею, реализация которой сулит выгоду в миллиард рублей... А щитосборные домики — мелочь...

«О чем думает проверяющий?» — обеспокоенная Мысль Даши проскочила к нему в ухо, проникла в мозг, пробежала там по лабиринту и обнаружила, что приезжий размышлял о странном физинструкторе, который был ему известен:

— Верно, будто идея изменения проекта строительства дороги принадлежит Митрофанову?

— Есть такой слух, — донеслось до Мысли. Это ответил Стрелецкий.

Мысль Даши выскользнула из глаза Тихона Ефимовича и, притихнув на груди Павла, наблюдала, как приезжий покачивает головой, дергает себя за седую бородку.

— А что, разве другие, кроме физинструктора, не

подают ценные рацпредложения? — заинтересовался Фокин.

Павел, волнуясь, рассказал, как было с обнаружением холма песка, который согласно проекту считался очень мокрым и негодным для забучивания выемки бо-лота, и вот одна женщина, Ивушкина, услышала от Митрофанова о «золотом холме», и он, Павел, сообразил, какая колоссальная выгода — пустить холм в дело...

Благодарная, что Павел помнил детали, Мысль Даши тут же поклялась себе безжалостно казнить себя, если когда-либо, хоть в самом малом, подведет его.

— Зот имеет какой-то особый логический аппарат, — подала голос Виктория Филипповна, — он якобы общается с информационными полями...

— Конечно, общается, — хотела закричать Мысль Даши, но, лишённая плоти, не имея языка и голоса, не смогла объявить об этом во всеуслышание. Она, способная узнавать все, вдруг осознала свою беспомощность и непригодность для других.

Катер бойко выскочил на середину реки, устьем вливавшейся у высокой кремлевской стены в еще более полноводную реку, и помчался по широкой глади в сторону ниспадающего из прореза туч света; берега с обеих сторон едва угадывались в седоватом мороке, тучи над серыми волнами медленно шевелились. Мерно покачивались бакены с правой стороны, навстречу плыл красавец теплоход, в иллюминаторы глазели любопытствующие, палуба пустовала. Ветер пробирал до костей, и Павел Николаевич предложил Виктории Филипповне спуститься в каюту.

— Только вместе с Тихоном Ефимовичем, — ласковой интонацией Виктория Филипповна и как бы звала Фокина в каюту, и как бы что-то обещала...

Мысль Даши смекнула: Гончева лукавит. Имея полную свободу перемещения, возможность незамеченной внедряться в мозг, в нервную систему и даже в инстинкты, впервые в жизни получившая такую независи-

мую силу, она перепрыгнула на палаатин начальницы и не сразу узнала одежду Виктории Филипповны: удлиненное платье цвета маренго плотно облегало фигуру, ткань с люрексом струилась под плащом, колыхалась, блестела... Мысль осмотрела тонкое белье, ощупала другие элементы туалета, удостоверилась, что начальница строительно-монтажного поезда одета вовсе не для поездки по реке в тайгу...

Виктория Филипповна кокетливо пожимала плечами, шевелила выщипанными и подведенными бровями, беглой улыбкой одаривала проверяющего из министерства. Мысль Даши обследовала волны пушистых кудрей, обрамлявших напудренное лицо Гончевой и ниспадавших на плечи, принялась к благоуханию духов, критически осмотрела ярко на помаженный рот и тщательно вычищенные пастой зубы, переместившись в мозг Гончевой, обнаружила там сгусток лукавых замыслов, несколько вариантов: на случай, если она понравится пожилому человеку, очарует его и тот проявит к ней интимный интерес; на случай, если ей не удастся пробудить в нем чувство, а также самый худший вариант, если Тихон Ефимович рассердится на попытку обольстить его... «А ты не так проста, как кажется!» — удивленная Мысль Даши выбралась на тонкий, аккуратный нос начальницы и увидела, что Фокин строго смотрит на Павла Николаевича.

— Меня интересуют два предмета: первый — Шестаковский мост. Зачем он вам понадобился? И второе — ваши сомнения по существу проекта строительства всей дороги.

— Ну, вы допрашивайте Павла Николаевича, а я пойду, — притворно жалобно проговорила Виктория Филипповна, покидая палубу, и спустилась по железным ступеням вниз, в каюту.

Мысль Даши метнулась к Павлу, встревоженная тем, что он остается в опасности, один на один с проверяющим. Не зная, как помочь, взволнованная, она на-

пряженно наблюдала, как Фокин добывает из кармана брюк костяную табакерку, из нагрудного кармана — резную с кривым мундштуком трубку и набивает ее, утрамбовывая табак сухим желтоватым пальцем.

Мысль Даши лихорадочно неслась вместе с речью Павла Николаевича к ушам Тихона Ефимовича и стремительно возвращалась назад, она устами Павла объясняла проверяющему, что в северной тайге вести строительство в три очереди неэкономично, что деление трассы дороги на три части имело бы смысл, если бы дорога шла по густонаселенному южному району области, где много городов и поселков, а в захолуственном Искере пока нет промышленности, отрезок дороги из Красногорска в Искер не даст никакой выгоды. В семидесяти километрах за Искером — леспромхозы, продлить рельсы за Искер — и, пожалуйста, вози оттуда древесину, бери доходы. Вот в чем выгода от Шестаковского непланового моста!

— Но ведь принято решение построить за пятилетие первую очередь! — возразил Фокин.

«Писали люди. Они ошиблись», — пыталась опередить голос Павла Николаевича Мысль Даши.

— Сейчас, с согласия замминистра, мехколонны штурмуют Еланское болото, путеукладчик пойдет форсировать последний участок до станции Искерской новым методом — по непрофильной насыпи. Если эксперимент удастся, то за зиму можно проложить рельсы от Искерской дальше леспромхозов, до самых Нефтяных Юрт, за пятьсот километров! Это колоссально выгодно...

«А проект для кого существует?» — недовольно подумал Фокин. «Тяжелый тип», — с досадой поморщился Павел, и Мысль Даши согласилась с ним.

Мысль заметила, что из люка выглянула голова Заварухина, он морщил лоб, скалил зубы, двигал челюстями — всей мимикой объясняя Павлу Николаевичу, что «кушать подано», что ревизора надобно уже спускать

в каюту, к столу. Павел заслонил собою Заварухина от взгляда Тихона Ефимовича, сжал у себя за спиной кулак и показал его Семену, мол, «не мельтеши», убирайся вниз. Мысль Даши не сразу поняла, почему обиженный хлебосол не спрятался в люке, а с грохотом упал вниз, шумом озадачив проверяющего из министерства.

Стрелецкий попытался разговором отвлечь внимание Фокина от сдержанной ругани Семена, который, стараясь не скрипеть сапогами, вновь подымался по металлических ступенькам лестницы и, кажется, подслушивал беседу Павла с Фокиным.

— Где же ваш мост? — нетерпеливо вглядывался Фокин в даль речной глади. Места проплывали безлюдные, то заболоченные, то лесистые.

— За островом.

Мысль Даши знала, что Павел, попросту говоря, катает проверяющего по реке, надеясь, что тот согласится выйти на одном из островов, выпьет чего-нибудь, захмелеет и простит Стрелецкого за самовольство в строительстве Шестаковского моста; а Виктория Филипповна содействует Стрелецкому, имея далеко идущий замысел...

Угадывая затруднительное положение Стрелецкого, Гончева снова вышла на палубу, уже без плаща, радушно улыбалась Фокину, жадно вдыхая запах табачного дыма. С самого утра, разыгрывая тонкую натуру, слабое существо, она не выкурила ни одной сигареты и очень страдала от этого. Как бы случайно она слегка тронула гостя за локоть:

— Не пора ли сделать привал? Ущицу сварить?

— А рыбу кто наловил? — забеспокоился Фокин, догадываясь, к чему все клонится.

— Тихон Ефимович, если вы любите рыбачить, то вам будут и удочка, и удобный бережок, и рыбку поймаете, какую захочется. — Гончева умело воссоздавала хрипловатым прокуренным голосом нежное воркование.

Мысль Даши нерешительно топталась на клубочках дыма, выпыхиваемых из трубки Фокина, ее подмывало надоумить проверяющего, что Гончева — плутовка, но одновременно она опасалась навредить Павлу.

— Так-таки любую рыбину? — искристым взором Фокин уставился на Викторину. Он прошелся по палубе и увидел в открытом люке рыжую голову Заварухина: тот затаился, не глядя вверх, слушал беседу.

— Аа-а! Вот он, шпион! — Фокин ткнул пальцем в люк, пушистые усы его сердито подпрыгнули. — Давай-ка, братец, вылазь!

— Я не шпион, — виновато вскинулся Семен, выпрастывая из люка свое тело в потертом пиджаке и в мятых брюках. — Я автор идеи ценою в миллиард! С Шестаковским мостом — не моя затея!

— Сенечка, Сенечка! — поспешно устремила к Заварухину Гончева. — Как тебе не стыдно подслушивать! — И тут же повернулась к Фокину, стала проникновенно объяснять, что Семен Васильевич человек талантливый, хотя и якшается с физинструктором Зотом Митрофановым...

Мысль Даши совершенно запуталась среди круговорота чужих мыслей и хитрых слов, она уже не знала, кто искренен, а кто лукавит; у всех были вроде бы добрые замыслы, благие намерения, хотя все говорили не то, что думают...

— Так как же, Тихон Ефимович, вы хотите... поймать большую рыбину? — Виктория дразнила гостя обворожительной улыбкой; ветер рвал на ней платье, мерцающая ткань облепила бедра, она изящно придерживала рукой трепещущий подол, тело ее передергивало мелкой дрожью. — Или с вами уши не сварить? — В глазах веселые бесенята.

— Сварим, как-нибудь сварим, — уклончиво отвечал Фокин, смущаясь и протягивая Гончевой руку, помогая ей спуститься в люк; она осторожно оперлась о нее и шутиливо пригрозила:

— Совсем заморозили. Отогреть будете!..

— Всенепременно. Вы меня взяли в плен, очаровательная женщина. Полная виктория с вашей стороны, — галантно бурчал Фокин, спускаясь по металлическим ступеням в полумрак каюты.

Через иллюминатор виднелись волны, разбегавшиеся от бортов. Освещенное плафоном помещение таило по углам загадки. Гончева взяла гитару, забренчала по струнам одним пальцем, стала крутить колки, но, заметив, как искривилась бровь Павла, отложила инструмент, ловко повязала стан фартуком.

Мысль Даши заглянула в темный отсек и увидела там ящики. Она заметалась между мыслями Павла Николаевича, Гончевой, Семена Заварухина, ей захотелось узнать, что думает Фокин, и, совершенно растерявшись, она стала звать Зота...

«Сеанс связи закончен, — сказал Зот. — Теперь ты знаешь, что видит третий глаз. Ты согласна идти по пути знания? Не хочешь стать вороной?» Она искала физиинструктора и не находила его.

Глава 8

ВООЧИЮ, А НЕ ТРЕТЬИМ ГЛАЗОМ

*Лесной чертог блистает, как лампада.
Кумиры стройные стоят, как колоннада.
И стол накрыт, и музыка гремит,
И за столом лесной народ сидит.*

Николай Заболоцкий

Пробудилась Даша на полке — ни дворца, ни кате-
дра... Выглянула в окно: на поляне — автомашина; из
кузова прыгнули несколько девчат, оставшиеся наверху
откинули задний борт машины, там Катя Дрыгина де-
ловито тащила за рога лохматого барана к краю ку-
зова. «Стра-а-ашно!» — казалось, жаловался баран.

Под смех и визг девчат Катя столкнула зверя на поляну.

Даша спустилась с полки, вышла из вагончика.

— Сюда, Ивушкина! — Жукова залихватски махала Даше рукой. — Шашлык привезли, сабантуй будет!

«Мясо... Зот... Хитро подстроил...» — пронеслось в голове. Хотелось взять баян, играть что-нибудь лирическое, чтобы продлить сон, иллюзию о встрече с Павлом, о московском госте, но действительность гасила возвышенное настроение: девчата на поляне галдели, окружив барана. Потряхивая жиденькими кудряшками, бригадир ухватила шерстистую животину за рожки, дергала их, крутила, как руль велосипеда.

— Тащи его к костру! — подстегивали Жукову возбужденные голоса.

— Откуда товар?

— Частник продал! — отмахнулась Галина. — Рыскали по хуторам, как волки, наконец в Хрюкине купили.

Умываясь речной водой, думала: «Надо бы предупредить Галину, что начальство может нагрять». Возвращаясь к вагончику, видела, как Галина по-детски заливается смехом, закидывает ногу на спину барану. Он, почувствовав копытами островок травы, уже не шаркался, тянулся мордочкой к жирным листочкам. Даша сорвала пучок травы и сунула барану в зубы, потом вынула из кармана гребень и, выламывая зубья, принялась расчесывать густой бараний бок. Существо тыкалось сопливым носом в грудь, пачкало Даше халат и бляело, словно силилось что-то высказать. Девушки дергали барана за уши, играли с хвостом, гладили спину, разнимали пряди и восхищались, какая чистая и густая шерсть.

— Хороша шуба! Стопроцентный мохер! Остричь!

— Шампур ему в бок!

— Не шампур, а вертело!

Женя-повариха отбояривалась от девушек, требовав-

ших шашлык, толковывала: мясо еще живое, не вымочено в уксусе, а время предобеденное. Ее не слушали, каждая считала себя причастной к поварскому искусству.

Повариха принесла длинный кухонный нож, протянула его пожилому шоферу, наблюдавшему сцену. Угрюмый, гладкий, в клетчатой рубашке мужчина поспешил и, чертыхнувшись, с рыбьим проворством заскочил в кабину; тотчас рванул машину с места и уехал. Его провожали возгласами негодования и прибаутками.

— Зови мастера! — Дрыгина повернула худенькую Ванду лицом в сторону деревянной избы, а сама, обняв барана, сюсюкала: — Сопливчик ты мой, славненько тобою закусим...

— Живей! — досадливо прикрикнула повариха, заметив, что Ванда не торопится к мастеру.

Наблюдая за суетой, Даша не верила, что девушки сами зарежут барана. «Если они это сделают, я поверю в слова Зота, что процессы в жизни совершаются неумолимо, чего бы о них ни думали. Тайные силы управляют каждым из нас, а ум только обслуживает желания по достижению скрытых намерений». Из рассказов Галины и Кати, из мимолетных жалоб на таежную скуку других девушек она составила себе картину повседневных хлопот бетонщиц и задумалась над причиной, почему девушки послали письмо в обком комсомола и почему они взяли в руки нож...

Прораб, который руководит строительством Шестаковского моста, не заботится о провианте для бригады: она для него не родная, а приданная подрядчиком. В апреле Павел Николаевич дал команду Виктории Гончевой нанимать мостостроителей для возведения незаконного моста на неплановом участке трассы; начальник мостоотряда приехал в контору к Гончевой торговаться: постройте в тайге вагонный хутор, баню, пекарню, иначе, мол, не пошлем туда рабочих. У Гончевой не было ни свободных плотников, ни пиломатериалов,

почесала она затылок, да с армейской категоричностью предложила: «Хотите — дам вам бригаду бетонщиц?» На том и сговорились. Мостостроители обошлись без бани, пекарни, завезли на хутор свои вагончики, а Гончева послала на Шестаковку на весь летний сезон бригаду бетонщиц. Оказались девушки растворного узла чужачками: сварщики, монтажники, шоферы, бетоноукладчики мостоотряда — кадровые рабочие — каждую субботу уезжают в Искер, там у них семьи, а девчата сидят в тайге безвылазно, да еще мяса в столовой нет. Вот и бузят. «Гончева мыслит масштабно, а девушки для нее что семечки...» — рассудила воспитательница.

Ванда, посланная за мастером, вернулась, виновато изображая знаками, что усатый рисует новые аэросани. Катя Дрыгина мотала кудлатой головой, щекоча барану брюхо:

— Ярочку бы ему нецелованную, он бы ухаживал, —

приговаривала и вдруг, глядя на Дашу, закричала: — Вот наедемся мяса и жаловаться на судьбу не станем! — Обхватила барана за шею и поволокла к сосне. Гурьба девчат качнулась следом.

— Не трошь! — Даша, выронив гребень, вцепилась в баранью шерсть. — Не дам, кровожадина! — Было дико представить, что Катя зарежет барана, в груди похолодело, словно Даша проглотила льдинку.

Баран беззаботно вращал хвостом, тарасил довер-

чивые глаза. Склонившись, дрожа от возбуждения, Даша левой рукой обняла барана за спину и снова угощала его былинками. Дрыгина брезгливо плюнула под ноги и отошла. Взбешенная повариха подскочила к Даше, вышибла у нее из рук пучок травы:

— Цыц, чистоплюйка! Налопалась в городе мяса, за нами подглядывать приехала! — Нож блеснул у нее в руке. Даша отпрянула, а Женя треснула барана по узловатым рожкам.

— Дай-ка мне! — вышла вперед голубоглазая в красном платье Ванда, закинула за плечо русую косу и выхватила у поварихи нож. Улыбка ломаной линией трепетала на ее мягких губах.

Женя сняла с себя белый халат, бросила его Ванде, та поймала халат на лету. Длинные у Ванды пальцы, на одном — массивный перстень, на запястье правой руки — витой серебряный браслет с камешком бирюзы. Театрально обвила одной рукой шею барана, другой расстегнула бляшку пояса-ремешка, быстро набросила его на рога животному и ярко улыбнулась публике. Ее хладнокровное умелое обращение с бараном укротило шумливую взволнованную толпу. Девушки молча следили, как Ванда тащит за рога упирающегося зверя, покрикивает и некрасиво пинает его носком туфли в пузо, держа нож под мышкой. Все замерли вокруг...

Головокружение и дурнота заставили Дашу зажмуриться, она закрыла ладонью глаза. Когда открыла их, Женя уже проколола задние ноги животного, укрепляла в дырках палку-распорку, привязывала к ней веревку. Конец веревки зацепили за сук сосны. «Ой, что делается, что делается», — Даша едва не упала в обморок.

Засучив рукава кофты, Дрыгина играла топором, мастерила из чурбаков и досок скамейку. Галина Жукова, маленькая, похожая на муравья, тащила на спине из столовой алюминиевый столик. И опять заныло внут-

ри Даши беспокойство: нагрянут руководители, а тут что творится!

Тушу разрубали топором на куски, вывернутую мездрой наружу баранью шубу обсыпали солью и растянули на березовых кольях у картофельной полосы. Казалось, инцидент закончен; но от пережитых впечатлений с Дашей случилась истерика, она отошла к вагону и рыдала возле дверей, не в силах унять всхлипов. Над ней посмеивались, и никто не утешал.

— Заводи баян! — прикрикнула Галина, выглядывая из-под очередного стола, который опять несла на спине.

Даша послушно выволокла из вагона баян, прижалась к его полированному корпусу щекой и заиграла. Задумчивая мелодия оскорбила пробегающую Галину.

— Не дури, Дарья! — пригрозила кулачком. — У нас не бараньи похороны, а пир! Жалоб не будет!

Уже смеркалось, а Даша все сидела на чурбаке возле пылающего костра, растерянная и подавленная. Огонь плясал на дровах, то высоко подпрыгивая, будто отпугивал сумрак, то приседая на обугленных головешках, уменьшаясь до синеватых всплесков. У стола Катя стригла ножницами над фанерной дощечкой стрелки лука. В сером плаще-пыльнике к Даше подошла Ванда, ладони ее воткнуты в рукава, как в муфту. Подмигнула, зашептала:

— Чего куксишься, третий глаз, барана пожалел?.. — Поджав ноги, она села прямо на песок, ткнулась головой в баян.

Инструмент мешал Даше по-дружески прижаться головой к ее плечу, она благодарно погладила Ванду по щеке.

* * *

Пахло дымом, жареным мясом и вытопленной из сосновых дров смолой. Волосы Галины и Кати украшены ромашками, у воротника Дрыгиной алела звездочка

лесной гвоздики. Даша тоже принарядилась, наигрывала на баяне повеселей. Девчата сидели за столами недалеко от костра и слушали музыку, разрушавшую застойную таежную скуку; настроенные на лирический лад, они негромко говорили о любви. Дашино предположение, что на берегу могут появиться руководители строительства, девушки восприняли с восторгом. Ванда предлагала задержать начало праздника, но рассудительная Галина дала команду разливать вино по стаканам: все проголодались.

Застолья с громкими тостами не получилось, девушки, остерегаясь пьянеть, молча ели каждая свою порцию мяса. Катя, выйдя из-за стола, дымилась сигаретой, по-мужски сплевывая слюну. Затапав один окурок, запалила вторую сигарету.

— Что-нибудь для ног! — Поглаживала свои выпирающие из брюк бедра да попутно прихлопывала липнущих комаров. — Плясовую! Где мужики? Чего не едут, так твои планки!

Ее одернули. Шлепая себя то по заду, то по груди, Катя заорала громко, чтобы у костра все слышали:

— Не манило б вас, девки, на то, о чем я бранюсь...

На круг вышла нарядная Женя. Тотчас к ней шустрым зайчиком подскочила Галина, забежала вокруг, завивая подол платица, подпрыгивая, как на углях, которые жгли ей пятки. Вошла в круг и Катя, ухнула, резко присела, едва не шлепнув тяжелым задом оземь, и, распрямившись, опять закричала осатанело:

— С плачем жить али с песней помереть! — Затапала одной ногой, поворачиваясь вокруг себя, всплескивая ладонями. — Где мужики? Не унывайте, девки! В берлогу к мишкам пойдем! Это мне карты нагадали!

Сабантуй был в полном разгаре. Музыка вовлекла в круг всех, даже самых скучающих девчат. Женя, разводя руками, подергивая плечами, плавно кружилась

в центре площадки. С нижнего регистра клавиатуры пальцы Даши пробегали к верхнему.

— Женьке не подыгрывай! — рывкнула ей в ухо Ванда.

Сжимая и разжимая мехи, осязая подушечками пальцев пуговки и кнопки, Даша отрицательно мотнула головой: «Барана так вместе резали, а плясать нельзя?..»

— Женька, не дрови, пузо растрясешь! — ехидно выкрикнула Ванда и зло зашипела Даше в ухо: — Замри, трезвенница!

Даша продолжала играть. Женя, почувствовав недоброе, покинула круг, а Ванда, надувшись, отошла к столу, где доедала кусочки мяса. Но эта ссора подруг не могла омрачить всеобщего веселья.

— Здравия желаем, молодежь! — гаркнул кто-то из-за Дашиной спины.

Баян в руках воспитательницы крикнул и смолк. Не оглядываясь, она догадалась, что сзади нее Гончева, а рядом с нею, по-видимому, Павел Николаевич.

Мужчины будто подкрались со стороны автокрана и трактора к тесному кругу, внутри которого остановились удивленные плясуны. Павел все в том же костюме и в свежей, голубого цвета сорочке. Даша обрадовалась ему, ей захотелось, чтобы он заметил ее, хотелось рассказать, что она всю ночь видела его во сне, расспросить, похож ли ее сон на правду. Рядом с Павлом Даша увидела седоусого незнакомца в кожанке... Это значило, что сон частично сбылся и лучше не подступать к Стрелецкому с вопросами. Гончева в накинутом на плечи плаще уctивым жестом показывала мужчинам на жаровню. Хмурый Семен Васильевич глядел из-за спины Стрелецкого через голову Виктории Филипповны, будто выискивал кого-то. «Уж не меня ли?» Даша кивнула ему, сжатый в ее руках баян опять крикнул: в нем заело клапан. Катя, из-под ног

которой уплыла музыка, еще топала по песку, как заведенная, вопила:

Знаю, миленький обманет,
Все равно его люблю,
Дети нам не по карману
И любовь не по рублю.

— Тише ты! — зашикали на нее. — И без того у тебя трое пацанов...

Предательски блестел стакан на скамье, жаловались поникшие букеты иван-чая, лезли в глаза пятна от пролитого компота, огрызки хлеба, обьедки шашлыка. Ласков был Павел Николаевич с Дашей в купе вагона, а теперь не простит ей такого приема. «Начнут критиковать на собраниях». Сжалась в комочек, пытаясь спрятаться за корпусом баяна. Павел брезгливо поморщился, уперся взглядом в Дашу. Она еще пуще съежилась, словно ее уличили в чем-то неприличном. Шелест плаща, отброшенного на песок, и гибкая, высокая, с лебяжьей шеей Ванда в красном платье заслонила баянистку.

— Ух, красавица! — ухнул мужской бас.

Ванда шагнула вперед, плавно раскидывая, будто для объятий, руки, хлебосольной хозяйкой заговорила нараспев:

— Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим! Очень рады вам, товарищи руководители!

— За стол их! — зашумели девчата, по знаку Ванды окружая мужчин и Гончеву хороводной цепочкой.

— Консервов им тухлых! — созоровала неумная Катерина и заготовала над своей проделкой. — А жалобу мы не писали!

— Мы всем довольны! — отрапортовала Галина Жукова.

Виктория Филипповна стремительно отделилась от группы руководителей, прошла к столу и, резко выбросив руку вверх, издала восхищенный возглас:

— Ого! Да тут не консервы, а шашлыки едят!

Ей подали стакан, более чем наполовину наполненный темной жидкостью. Гончева с усмешкой оглядела всех и неторопливо, с убедительной радостью, с каким-то особенным смаком, передавая приятные ощущения и запрокинутой головой, и мимикой, и трепетом тела, выпила жидкость и широким ликующим жестом обозначила, до чего сладко ей угощение девушек. Даша недоумевала: верить ли? Ведь это не компот! Да еще частный, привезенный Ухватовым ради наживы...

Незнакомец заговорил негромко, и сияющая Виктория Филипповна сразу нахмурилась, резко прикрикнула на девочек, чтобы утихли.

— Да, да, пусть и рабочие послушают наш разговор, — донеслось до Даши.

— У нас есть идея, которая объединила людей, — громко произнес Павел. — Мы взялись за этот маленький мост, потому что он решает задачу выхода дороги зимой к леспромхозам, а быть может, даже к самому Голубому озеру, к Нефтяным Юртам...

— А вот вы, — выступила из толпы Катя Дрыгина и приблизилась к незнакомому гостю, — вы можете отгадать мою загадку?

Гурьба девчат замерла, кое у кого губы надулись, готовые прыснуть смехом. Не дожидаясь ответа от Фокина, Дрыгина топнула и грудным альтом запела:

Ой, цветочки на лугах
Заметет метелица,
Два быка на берегах
Ни мычат, ни телятся. Ух-ух!

Гончева смекнула: речь о береговых устоях моста, которые возводятся ни шатко ни валко, и поежилась: жалобы девчат сейчас не ко времени; она оглянулась на моториста катера, затихшего позади руководителей; подмигнула ему — он тотчас бросил ей гитару. Виктория одной рукой на лету поймала инструмент за гриф, дру-

гой подхватила соскользнувший плащ, и девушки восхищенно ахнули при виде ее платья. Гончева переждала, пока наступит достойная тишина, когда слышен писк комара, и ослепительно улыбнулась Катерине. Любила Гончева частушки, знала их великое множество, могла и сама вгорячах сочинить озорной куплет и, выбрав момент, стремительно врезаться в частушечную перепалку. Ударила по струнам, запела хриповато и задорно:

Ой, девчата, слышу мык —
Отелился в поле бык!..

Дружный хохот сотряс берег.

— Шуточки надо мной подшучиваете? — рявкнула Дрыгина оскорбленно, глаза ее сверкнули злобой. — И пускай быки не растут! — Катя с вызовом махнула в сторону реки.

Поднялся шум, ничего не разобрать.

— Дайте нам бригадный наряд, мы тех быков возьмем за рога и живо выведем на берег! — перекрывая гвалт, скандалила Дрыгина. — Надоело в тайге! Лучше в две смены работать!

— Сколько же вы хотите заработать в месяц? — обрattился к ней Фокин, морщинки лучились у него под глазами.

— По тысяче на сестру! — дерзко тряхнула кудельными волосами Катерина. — Согласны без выходных!

— Без выходных — нарушение законодательства... — отрицательно потряс бородкой Тихон Ефимович.

Семен сзади навалился на Павла, нервно зашептал, требуя, чтобы тот вмешался в разговор:

— Платить надо! Платить! — все слышали его шепот.

— Я согласен с молодежью, — подал негромкий бас Павел. — Маленький Шестаковский мост — своего рода ворота в лесной край, к лесным богатствам. Сейчас на участке решается судьба лесодобычи и будущее всего нефтяного края. Отрезок пути в семьдесят кило-

метров станет убедительной наглядной моделью возможности на десятилетие ускорить освоение богатства Сибири.

— Ура! Ура! — Выкрики девчат заглушали голос главного инженера.

— Лихой вы человек. — Обескураженный Тихон Ефимович разглаживал усы.

Круг девушек сломался, все разговаривали громко, перебивая друг друга. Над ухом Даши прошелестел шепоток Семена:

— Вот это ссора! Пашка-то — не марионетка. Смел, смел...

Держа гитару за гриф, Гончева взмахнула ею, сбила шум толпы.

— Девоньки, сестрички! — обратилась громко к молодежи. — Сегодня у нас торжество. Дозвольте мне исполнить старинный романс о вашей речке и о вашем мостике!

Все затихли, и она запела:

Течет речка по песочку,
Через речку мостик.
Через мост бежит дорожка
К сударушке в гости...

Звук ее голоса был спокоен, волнуя и сладостен, как тайна женщины, значителен, как доброжелательная похвала начальницы. Ей хлопали дружно, густо, а она, переждав рукоплескания, вдруг зычно гаркнула:

— Слушай мою команду! Привет товарищу Фокину!

— Привет! Привет! — нестройно отозвалась гурьба.

— Отставить! Еще разок! Дружнее: привет товарищу Фокину!

— При-вет! — скандировала молодежь.

— Привет товарищам Стрелецкому и Заварухину!

— При-вет! — отозвался хор.

— Спасибо вам за героический труд! — Сделала рукой заключительный жест. — Ура!

— Ур-пра-а!..

Кивнув довольной Катерине, Виктория Филипповна вошла в группу руководителей, спряталась за спину Павла Николаевича. А девушки лезли к нему с вопросами. Одни просили покатать на катере, другие предлагали выпить на брудершафт, кто-то хвалился коллективизмом, Женя-повариха что-то выкрикивала о мясе, Галина Жукова бранила цементную пыль растворного узла, которая забивает легкие...

— А я — баянистка! — Ванда выхватила из рук Даши баян, торопливо накинула ремень на плечо, судорожно шупала пальцами пуговки на планке. Локти топорщились, она сильно прижимала баян к животу, дергала его, рвала мехи; от излишних движений, суетливого сотрясения инструмент жалобно хрюкал.

— Селедкина, не фигурируй! — съязвила Женя.

Ванда никого не слушала, приставала к Павлу:

— Секретаршей бы к вам, в приемную! — щедро растягивала мехи баяна, повторяя все ошибки в обращении с инструментом, от которых предостерегают учителя. — Не подхожу?

— Мне нравится Ивушкина, — обернулся Стрелецкий к Даше и подмигнул ей. — Вон малышка присмирела...

— Мною брезгуете? — Тень скользнула по лицу Ванды, презрительно оглянувшись на Дашу, девушка фыркнула и отошла от Павла.

Он сделал шаг в сторону Даши, но гурьба не оставляла его, тормошила, ташила куда-то.

Ванда бочком подсела к Семену Васильевичу, наигрывая на баяне; под ее музыку Катя Дрыгина, запрокинув веснушчатый нос в небо, надрывно запела.

Даша ужаснулась: «Концерт, называется, приготовила...» Резко тронула Ванду за локоть, но та гневно отбросила Дашину руку, мстительно сверкнула суженными глазами.

Павел с Фокиным и Гончевой разомкнули круг де-

вухек. Отталкивая ладонями стаканы с компотом, они пятались. Ванда перестала играть, но Катя и без музыки выкрикивала частушки, дробила каблуками.

— Неужто москвич приехал увольнять Стрелецкого? — спросила Дашу подошедшая Женя. — Дома-то Зот Митрофанов поджигает.

— Ну да! — опешила Даша. — Кто тебе сказал?

— Точно! Третьим глазом видела! — Женя юркнула в толпу.

Гурьба колыхнулась следом за Павлом. Даша отстала от всех: ей показалось, будто кто-то неуверенно позвал ее. Уж не Зот ли? Она оглянулась, но не увидела его. Очень хотелось пойти к катеру, куда ушел Павел, объяснить ему, что он ей бесконечно дорог, но между ними стоит не только Дашин муж, но и Зот с его пронизательностью, предсказаниями и предупреждениями; Зот — олицетворенное общественное мнение, тайный укор, он все видит, обо всем догадывается наперед, не обременяя себя риском, и потому молча препятствует Дашиному сближению с Павлом...

Над рекою разносился звон гитарных струн. Даша не пошла к берегу. Вечерний туман затушевывал фигуры на катере, но среди толпы угадывалась импульсивная Ванда, ее надрывный голос выделялся среди других голосов. Вспыхнул, будто острым ножом полоснул сумрак, луч прожектора, свет ощупал прибрежные кусты, повернулся и ослепил Дашу. Она торопливо спряталась за ствол дерева, подумала с сожалением, что, может, больше никогда не будет случая встретиться ей с Павлом Николаевичем в непринужденной обстановке. Быть бы сейчас возле катера, подать Стрелецкому какой-нибудь знак, чтобы он сам искал встречи с нею... Но чей-то голос опять окликнул Дашу. Она оглянулась — никого, гнусавили одни комары, кусали голые икры ног.

Расплескивая воду, катер тарахтел у берега. Еще можно поспеть переброситься словечком с Павлом... Но

там — глазастые девчата, там — фальшивый наигрыш баяна, а где-то рядом, за спиной, — предсказатель. И даже если Зота нет, она теперь понимает, как он угадывает будущее... Он говорит от имени ее мужа, от имени общественного мнения, а это всякий дурак может... Я полюбила Павла... Что со мною будет?.. Что будет? Ничего не будет, если никто не узнает, но будет беда, если сообщат мужу. Так-то предугадывать может всякий дурак... А может, Зот и есть этот самый... дурак... Праведник! Высказывает самые обыденные суждения с видом знатока, а все думают, будто он прорицатель и маг...

Глава 9

ОШИБКА

*Ошибки разные бывают.
Есть роковые.*

*Я видал,
Как роковые убивают
Их совершивших — наповал.
Яков Козловский*

Утром Даша не пробудилась, а словно очнулась: с вечера как коснулась щекой подушки, так и провалилась в черноту без сновидений. В вагончике пусто, тихо, постели заправлены. Пригляделась: на противоположной полке открытая книга, она так лежала и вчера днем. Не надо быть следователем, чтобы догадаться: никто тут не ночевал. Впрочем... Выскользнула из согретого гнездышка, пощупала постель под одеялом на соседней полке, уловила остатки тепла; под подушку небрежно сунута пижама... Галка Жукова ушла, кажется, недавно.

Оделась, вышла на воздух. Серое утро. У моста, где вчера причаливал катер, темнела длинная баржа. По су-

горку двигались фигуры в штормовках; урчали два самосвала. Хромой мастер в брезентовом дождевике ковылял по трапу с баржи на берег, издали делал Даше знаки. Она пошла к реке, размышляя, где Зот, почему не появляется на Шестаковке. В косматой туче, тяжёлым брюхом зацепившейся за верхушки деревьев, сверкнуло, затрещало, и Дашу обдало холодными брызгами. Сосны и кедры притихли. Колени размыты: ночью прошёл сильный дождь.

— Двести двенадцать моделей азросаней! — Мастер вытащил из-за пазухи знакомый Даше альбом, когда она подошла к нему. — Быстролетные сани на севере во как нужны! Армия бы их использовала! Охотники, рыбаки, почтальоны, диспетчеры и разные инспекторы... — Он дышал Даше в лицо отвратительным прокурённым запахом и, загораживая рукавом страницы от пролетающих дождинок, тыкал заскорузлым пальцем в разноцветные рисунки разнообразных саней на трёх, четырёх и даже пяти лыжах с прозрачными куполами кабин.

— Вам бы лучше к товарищу Стрелецкому обратиться. — Даша с сочувствием всматривалась в слезящиеся глаза старика.

— Хэ, комсомол! — печально ответил мастер. — Всем предлагаю. Никто не берет... Где у вас совесть?

Проводив сутулую его фигуру взглядом, Даша двинулась к стреле автокрана, который вздымал с баржи груженные поддоны. Серый свитер и розовая косынка Галины Жуковой маячили возле штабеля мешков, а рядом с бригадиром — молодец в болоньевой курточке.

— Зот! — проваливаясь сапожками в грязь, обрадованная Даша побежала к нему; было приятно, что он все-таки нашёлся, и обидно, что раньше как бы прятался от нее. Замедлила шаги, разглядывая его: непокрытая голова, бесцветная борода — все милое и знакомое. Ох, белый медведь, даже не оборачивается на ее зов!

— Бессовестные девки! — Голос у Галины жалобно-

злой. — Надулись компоту, ушли в мехколонну на танцы, а тут цемент привезли, продукты надо разгружать...

Мехколонна — вагонная слобода южнее Шестаковки, ее Даша проезжала на самосвале, это километрах в пятнадцати-двадцати.

— Ухватов виноват, продукты питания, почту привозит когда придется. — Даша принялась помогать Галине укрывать штабель мешков брезентовым пологом.

Зоту она скороговоркой сказала, что видела во сне плывущий катер, Гончеву, проверяющего из министерства. Умолчала о Павле.

— Ты не вполне откровенна, — мягко уличил ее Зот, он сгружал мешки с поддона, укладывал их штабелем. — Теперь ты убедилась, что люди живут слепо, хитростями, а низший разум обслуживает их инстинкты? Только открыв совесть, можно избавиться от иллюзорного самообмана и управлять своими страстями. Как учат пальцы безошибочно находить клавиши, так тренируют ум прекращать работу в любой момент, чтобы не тратить мозговую энергию на ненужные размышления. Научившись останавливать ход мыслей, приобретешь опыт слушать мысли других людей, улавливать идеи и просто все голоса природы, голос собственного организма.

— Зот Михайлович, чего ты ерундой мозги пудришь! — прервала его Галина. — Помоги вон мастеру внедрить азросани. — Она показала рукой на хромого, ковылявшего по берегу.

— Процессы в жизни совершаются по законам, — возразил Зот, — а регулируют их только те, кто знает эти процессы и законы.

— Господь бог, что ли? — остолбенела Галина. — Ты лучше скажи, где Дрыгина и Селедкина?

Вспомнив вчерашнюю ссору с Вандой, Даша ощутила неприятное беспокойство.

— Сами знаете, на танцах. Скоро придут, — сказал Зот.

— На работу опаздывают! Как их отвадить. — Галина поправила на носу очки.

Зот рассмеялся, дав понять, что походя такие ответы не вручают и, помахав рукой, удалился в сторону самосвалов, подъехавших к опалубке моста...

Галина что-то гневно выкрикнула, Даша оглянулась и увидела красное платье между стволами сосен. С Вандой шла к вагончикам и Катя в голубой кофте и оранжевых брюках.

— Ой, вы же простудитесь! — бежала им навстречу от вагона-столовой повариха Женя, на ходу она сбросила бушлат и протягивала его... Катерине. Галина тоже поспешила к ним, закричала нехорошим голосом:

— Гуляки сопливые! Курицы мокрые! — И застучала тропу к вагончикам. — Где были?

В котловане мужчины в спецовках деловито орудовали штыковыми лопатами, заполняя бадью глиной; девушки в телогрейках, в куртках, с марлевыми повязками на лицах таскали из сарая в другой тачками цемент, устилавший деревянную дорожку серой лентой, пачкавший одежду и сапоги. Все они приехали рано утром из Искера. Ковш-лягуша, заполненный цементом, взлетал по отполированным стальным ползьям к крутящейся чугунной бочке, высыпая в зев пыльную струю; из горла смесителя в кузов самосвала лилось вязкое тесто бетона. Рабочие, прислушиваясь к нарастающему скандалу, замедляли движения.

— Где была? — допрашивала Галина Дрыгину.

— Грибы собирала. — Синие, сузившиеся губы Катерины растянулись в ухмылке.

— Врешь! — подпрыгнула возмущенная Жукова. — Шастаете, а мы переживаем, может, вас медведи задрали!

В сарае растворного узла перестал скрипеть барабан бетономешалки, вышли четыре девушки, сбросив с лиц повязки, улыбались, наблюдая за Галиной.

«Неужели Зот прав: все происходящее неотврати-

мо...» Даша разглядывала Ванду: пушистые прежде локоны и кудрявая челка ее развились, прилипли ко лбу, косы повисли мокрыми веревками. Ванда дрожала от озноба, ежилась под болоньевой курткой, которую кто-то накинул на нее; на ноге, выше колена, капроновый чулок разорван, в зияющей дыре посиневшая кожа в гусиных пупырышках. Мокрая кофта на выпяченной груди Дрыгиной вздрагивает.

— Чо цепляешься! — закричала Катя, отбивая взмахом руку Жуковой, тесня бригадира грудью и животом.

— Стыд потеряла! — Низенькая, в шароварах и сапожках Галина оттолкнула идущую на нее Дрыгину. — Отчислим тебя!

Лихо приклеив пятерню к своим ярко-оранжевым брюкам, Катя громко захохотала:

— Проверь, все при мне!

Галка стояла как колышек, вбитый в землю, обростала единомышленницами — из сарая, из вагончиков к ней подходили и подходили. Чувствуя за собой надежную стену, она свирепела:

— Ты — козел! Все стадо в кусты манишь!

— Не зевай, пастух! — Дрыгина примеривалась, как бы обойти сгрудившихся на тропе и не вляпаться в глину.

— Мать троих детей! Чем забавляешься? Девчат к мужикам таскаешь! — фальцетил на всю стройплощадку Жукова.

— Ходят по ночам, простужаются, а потом жалобы в обком пишут... — неожиданно для себя сказала ядовито Даша.

А почему сказала? Может, из-за ревности? Вчера Ванда искала дружбы с Павлом... Или из-за того, что она стравливала ее с поварихой? А может, так выплеснулась бессильная злоба на Ухватова? Как бы там ни было, а фраза воспитательницы уязвила самолюбие Ванды, она резко оглянулась на Ивушкину, шмыгнула носом и, вскинув голову, визгливо отпарировала:

— Выискалась ворона ученая! Раскаркалась! А с Павлом Николаевичем не я в купе миловалась, хотя и незамужняя.

Даше оплеуха показалась оглушительной. Особенно обидно было, что обозвали ее вороной. Почему Зот не предупредил о предстоящей ссоре с Вандой? От кого Ванда узнала про эпизод в купе?..

Девушки с любопытством и лукавством смотрели на растерявшуюся воспитательницу. Находчивая Жукова замахала руками: пошли-пошли, работать пора!

«Уеду, сегодня же уеду!» — решила Даша, но ощутила упорное желание прежде как-то наказать всех за коллективную пьянку. Что бы такое придумать?.. Это Зот виноват, во всем его винила Даша. Предсказатель! Не приставал бы со своими угадываниями, она бы, может, на Стрелецкого и внимания не обратила. Какая радость ей, что угаданы и сбылись желания? Ну, съели девчата барана, увидела она Павла во сне... Что толку? Кстати, третье желание Зот не исполнил. Не выяснилось пока, кто жалобу сочинил. Кто склочник? Может, Ванда? Даже захотелось, чтобы это было именно так, она решила попросить Зота подтвердить ее догадку.

Побрела в вагон-столовую.

Глава 10

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЕБЯ

*Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет — я играю,
И правила игры я к людям применяю.
Михаил Лермонтов*

В раздаточном окне, как на экране, кокетливая париха гипнотизирует взглядом двух мужчин-монтажников. А Женя еще похихикивает, поводит плечом, как бы поправляет съехавшую бретельку. На Дашу — ноль

внимания, молча налила ей в тарелку коричневатого грибного супу, в другую навалила горкой макарон, а в третью — пухлых поджаренных оладьев. Молчание Жени кажется зловещим. Отойдя к крайнему столику, Даша села, вяло жевала оладьи, наблюдала за Катей, которая вихрем ворвалась в столовую, шумная, неунывающая, получив нагруженные тарелки, заняла место за столом с мужчинами. Даша поразилась ее зверскому аппетиту. Ест Катя по-мужски, жадно кусает ломоть хлеба. Опорожнила миску с супом, тарелку с кашей, швырнула пустую посуду поварихе. Даша вытянула шею, не веря глазам, ужаснулась: Женя опять наворотила ей кучу каши, и Катя снова орудовала ложкой.

— Кто не работает, тот не ест, — рассмеялась она с полным ртом. — Я все умею, да еще не хватает.

Даша отвернулась. «Кто трепанул, что Павел был в моем купе?» Задумалась и не заметила, как подошла и склонилась к ее уху бригадир. Галина шепотом настраивала Дашу против поварихи, втолковывала: эта подружка Кваши продиктовала письмо в обком комсомола, а писала Ванда.

«Ванда! Так и знала... — Даша удивилась своему мстительному удовлетворению. — А ведь это не по совету...»

— Женю Сергей Афанасьевич переводит в городское кафе, — торопливо шептала Галина, — а Ванда завидует. Вот и ссорятся подружки.

И добавила, мол, не стоит обижаться на девчат, лучше бы понять их и простить; в мехколонну они больше не пойдут. Есть в тайге богатый хутор, там овцы: Галина нацелилась купить парочку барашков, и бригада продержится целый месяц!

Заговорщический тон, ласковость Галки обрадовали Дашу, хотя и Жукову пойми попробуй: то с криком кидается на Ванду, корит ее, то сама же обороняет. Да вон с Катей уже перебросилась улыбкой.

На крыльце столовой Даша столкнулась с Вандой:

запахнутая в серый большой ватник, похожий на солдатский бушлат, шла завтракать да пережидала, пока выметется из вагона-столовой воспитательница. По сжатым губам и по надменной осанке видно — дуется. На тропинке Дашу догнала могучая, как медведица, Дрыгина, с сытым ревом сгребла ее сильными ручищами в охапку, дурашливо подбросила, аж голова у Даши закружилась. Опустив воспитательницу на землю, Катя заискивающе чмокнула ее в щеку, в шею.

— Ну что ты, Катерина! — задохнулась Даша от ее яростного восторга.

— Не позорь нас в городе! Все знаем про твоего дролечку Стрелецкого! — добродушно погрозила мозолистым пальцем, улыбкой утопив веснушчатый нос в толстых щеках, и посулила: — Айкнешь — и мы, ха-ха-ха!.. У нас тоже второе зрение, мы все видим...

— Катерина, ты спятила! — испугалась и смутилась Даша.

— Нечего скрытничать! — Дрыгина крепко ухватила Дашу за плечи. — Говори: могут твоего Стрелецкого уволить?

— Мне-то откуда знать! — в досаде, двигая плечами, выпрастывалась Даша из ручиш Катерины. — На линии хутора горят, а кто поджигает, неизвестно...

— Не финти! — озлилась Дрыгина. — Знаем, ты жалобщиков ищешь, ухватовским вином интересуешься. А то мы не видим? Чо попусту тарабанить, лучше бы хорошему человеку помогла. — В тоне Кати просительные нотки, она оглянулась по сторонам и продолжала: — Запоминай: три дня назад укрывала я в вагончике Костю Ильюхина, его дружки побили. Ильюхин приехал на стройку из леспромхоза, работает как машина, за месяц столько лесу повалил — пять норм вышло. А тутощние лесоповальщики — парни ленивые, завистники и драчуны, одной нормы не выполняют.

— Чем же ему помочь? — спросила Даша в растерянности. — Где он, Ильюхин-то?

— Гы! Ха! — развела Катерина руками. — Отлежался, плюнул на стройку, назад в леспромхоз подался. А парень лихой, в работе забористый. — Катя игриво повела бровью, подмигнула Даше серым глазом: — Тебя Павел Николаевич как обнимет, ты ему в этот момент и обрисуй, мол, дефицитный мужик Ильяхин.

Дашу от стыда окатило жаром, в мозгу сверкнула догадка: не музыкой завоевала доверие девчат, расположила их тем, что неожиданно прослыла пассией главного инженера стройки, вот и выются, ластятся Галка и Катя... Что творится на белом свете! «Это от пьянки мозги у них с креном», — решила она.

Возле сарая воспитательницу нагнала Галина.

— Помоги нарисовать сатирическую «молнию» против спекулянта Ухвата, — попросила Даша.

— Какой же он спекулянт! — удивилась Галина. — Мы сами заказываем ему фрукты привозить, ну чего-нибудь... ОРС ничего не посылает!

— А почему компот в бочонке? Это же домашний! — с подозрительностью сказала Даша. — Государственные продукты вам по завышенной цене продает.

— С юга ему отец посылает, — вспомнила Галина.

— Ну это и есть спекуляция! — обрадовалась Даша.

— Не поймут нас, — с сомнением покачала головой Галина. — Рэм Ухватов мужик веселый, общительный, он девчатам разный дефицит достает...

В вагончике Даша аккуратно расправила на крохотном столике рулон бумаги, достала из сумки карандаши, кисти и краски, принялась малевать большеносое небритое лицо. Галка, неодобрительно цокая, наблюдала из-за спины воспитательницы. Даша вкладывала в свое художество всю злость, какая у нее скопилась: ссоры, хмельная ревность, поход девчат в мехколонну — все это от подлого прощелыги Рэма Ухвата! На ватмане возникла злобная — так прежде рисовали кулаков — голова, длинная шея, паучьи лапы вместо рук и

ног, паучий живот. Галина выскользнула из вагончика. А Даша уже изображала развешанную между сосен паучью сеть, в которую бабочками летели со всех сторон девушки-бетонщицы: Катя, Ванда, Галка узнают свои мордашки на ее рисунке.

Тут в вагончик опять влетела разгоряченная бригадир.

— Стенгазета отменяется! — Резко дернула лист ватмана. — После твоей мазни Ухватова засудят! А что плохого он сделал? Тут ведь нет клуба...

Даша едва удержала ватман на столе, карандаши и краски рассыпались по полу. Галка вторым взмахом руки небрежно смахнула со столика оставшиеся кисти и флакон краски.

— Ты уедешь, а мне с девочками не только жить, но и работать каждый день!

— Спекуляцию поощряешь? — Раздраженная Даша собрала с полу карандаши, кисти и стала демонстративно подрисовывать длинные пальцы на карикатуре, они загребали сторублевые купюры. — Сама повешу «молнию». Я обязана. Это мой долг! Понимаешь?

— Твое дело... Позоришь нас перед нами же...

Повесив стенгазету на стенку тесового сарая, убедившись, что рабочие ее читают, Даша пошла искать Митрофанова. Она застала его в пустой прорабской, Зот сидел за деревянным столом словно бы в ожидании. Она возбужденно рассказала ему о своих решительных действиях и потребовала, чтобы он сейчас же нашел для нее какой-нибудь транспорт и отправил ее в Красногорск.

— О последствиях, кои ожидаются от твоей стенгазеты, ты не догадываешься? — с едва заметной усмешкой спросил Зот.

— Пожалуюсь на тебя Корзухину! — вспылила она. — Чего ты вечно пугаешь?

Он монотонно объяснял ей, что машины отправляются в мехколонну и на базу мостоотряда. Если возвра-

щаться в областной центр, то нужно искать попутную до Искера, а уж оттуда поездом или теплоходом добираться до Красногорска. Но лучше подождать до утра...

Дашу взорвало, она наговорила дерзостей. Ничуть не обидевшись, Зот предложил идти по тайге до Бродникова, что в двадцати километрах; поселок на берегу реки, там причаливают быстроходные «Ракеты». Если на судно сесть вечером, то ночью можно быть в Красногорске.

Даша задумалась. Потом без видимой связи спросила:

— Ты поджигал дома в Лебяжьем?

Его белесые ресницы не дрогнули.

— Если поджигал ты, я с бандитом через тайгу не пойду! — Даша отступила к двери.

— Дело не в этом, — холодно возразил Зот, не вставая из-за стола. — Ты действуешь слепо: стремишься к сказкам, чудесам, к эффекту и таинственному, а в конце концов угодишь в любовницы к Стрелецкому. Поступая вопреки себе, предупреждаю: последствия будут тяжелы для тебя.

— Кто дал тебе право?! — закричала Даша. — У нас ничего не было! Все будто сговорились, так и подталкивают меня к Павлу. Как ты не понимаешь: сплетни только обозлят меня и сблизят нас!

Зот выждал, пока Даша открычится, и опять монотонно продолжал: ему превосходно известны линия судьбы Стрелецкого, все перипетии, вызванные изменением проекта, а также результаты строительства магистрали Красногорск — Искер — Нефтяные Юрты. Его, Зота, судьба случайно перекрещивается с Дашиной судьбой, и он, Митрофанов, только в силу своих особых возможностей решается на эксперимент. Ему пришлось на ум трансформировать линию судьбы — свою и Дашину, хотя это безумие: самые смелые экстрасенсы не могут резко корректировать людские судьбы. Но Зот отваживается на невозможное и просит Дашу всеми сила-

ми противостоять своей любви к Павлу Николаевичу, быть может, это предупредит эксцессы и отведет линию ее судьбы в другое русло.

— Ты как Мефистофель, так и жаждешь моей души, — рассмеялась Даша, толкнула дверь из прорабской и вышла на воздух, на вырубку, где открывалась панорама строящегося моста. Зот последовал за нею.

Словно бы какая пружина раскручивалась — Зот говорил, говорил. Он втолковывал, что можно жить, как высокоинтеллектуальные люди, имея представление об информационных волнах, которые пронизывают нас, открывая реальные горизонты жизни. А можно вести звериную жизнь: идти на поводу двадцати четырех желаний, все двадцать четыре часа подчиняя ум решению обыденных задач: можно гоняться за иллюзорными красками картин, соблазняться речами мужчин, радоваться модным платьям, победам над соперницами, погружаться в море музыкальной фантазии, захлебываться в похвалах и наградных листах, работать, не зная конечной цели, и прятаться от надвигающихся событий, боясь быть раздавленной ими...

— Мы связаны с природой невидимой пуповиной, которая управляет нами. Но природа дала нам третий глаз, позволяющий видеть перспективы, обходить ямы и несчастья, — улыбнулся Зот. — Наша совесть...

— Ты уморишь кого угодно, у меня голова идет кругом, — сказала Даша. — Твой третий глаз видит меня рядом с тобой в тайге или Бродниково отменяется?

Они прошли мимо дощатой стены сарая, к удивлению Даши, стенгазеты там уже не было. Даша зашла в вагончик. Галина достала из своего чемодана шаровары, предлагая надеть их для защиты от комаров. Даша с Жуковой присели перед дорогой. Троекратно расцеловав Ивушкину, Галина вывела ее на поляну, где воспитательницу поджидала Катя, она тоже чмокала Дашу в губы, даже прослезилась, совсем как родственница на проводах невесты в дом жениха.

Когда физинструктор и воспитательница оказались в полутемном коридоре леса, когда они оглянулись и увидели сзади себя, в просвете, маленькую собачонку и машущих на прощание девчат, Даше стало грустно. Она вдруг почувствовала, что вроде бы в чем-то виновата перед бригадой Галины Жуковой.

Держа наперевес футляр с баяном и Дашину сумку, Зот молча обходил большие лужи, заболоченные участки, по-рысьи прыгал с кочки на кочку, с валежины на валежину. Остановился у горелого торфяника, на котором пышно цвел лиловый иван-чай. Не говоря ни слова, углубился в заросли сосняка, где кирпично-красные стволы источали тонкий запах смолы.

— Зо-от! — ласково, нараспев окликнула Даша спутника. — Как дела? Все говорил, говорил и вдруг смолк, словно запал пропал.

— Хотел бы, чтоб у тебя открылся третий глаз, хоть на часок, — сказал он тихо. — Хотел бы беседовать с твоим разумом, но ты игнорируешь свой сверхинтеллект. Понимаешь меня?

— Уж я во сне такого насмотрелась третьим глазом! — хмыкнула Даша. — С чего ты взял, что меня интересует Стрелецкий?

— Об этом свидетельствует информация, которая исходит от тебя и от Павла...

— Ты действительно вообразил себя радиоприемником? — Она тряхнула головой, как бы освобождаясь от наваждения, которое он напускал. — Полагаешь, я стану жить по твоей подсказке?

Зот остановился; поставил на траву футляр с баяном и сумку. Потом поднял глаза к осколку неба, которое было видно между деревьями, вытянул вверх руки, медленно загребая ими воздух, вдруг свечкой взлетел вверх метра на три; затем с выдохом воздуха «оп-па» спрыгнул на землю. Выкинув вверх руку, он спросил Дашу:

— Есть солнце?

Она удивленно глянула на низкие кучевые облака, которые и являлись небом, они бежали над вершинами сосен. Зот очертил руками круг, и в этот же миг на Дашу хлынули ослепительные лучи от палящего оранжевого солнечного диска. Закрывшись машинально ладошками, она радостно засмеялась.

— Но солнца-то нет, — сказал Зот. И Даша недоуменно разглядывала корявые стволы сосен, темные кроны их и плотные тучи над ними. Солнца действительно не было.

— Есть или нет солнце? — опять обратился Зот к Даше; она даже не успела ответить ему, ее вновь обдало знойным жаром, захотелось сбросить джемпер. Зажмурившись, ждала, когда лучи погаснут, но они слепили и слепили ее.

— Что это? Гипноз? — потеряла она виски.

— Поток солнечных лучей тоже информация, которая поступает в твой мозг через третий глаз, — ответил Зот. — Учись ценить красоту лучей, собирай натуральную информацию, она исходит и от ромашки, и от зверобоя... Вкушай голос филина...

И Даша замерла: на суку сидел желтоглазый мохноногий филин.

— Как же теперь ты погасишь солнце? — ехидно спросила Даша, отогревшись в его жарких лучах, и удивилась быстроте, с какой солнце пропало: над деревьями нависла лавина черных туч.

— Я отваживаюсь на недопустимые эксперименты, — проговорил Зот, — хотя не фокусник, не артист, не колдун и не маг. Я учу тебя не верить ни страшному, ни таинственному, не стремиться к чудесам и волшебству, так же как к эгоистичному и корыстному. Вера в чудеса порождает суеверия, схоластику. Прошу, зову тебя открыть твой третий глаз, чтобы видеть мир таким, какой он на самом деле.

Человек не то, что он о себе думает, ибо он думает поспешно, под давлением обстоятельств или голода,

жажды плоти, плача детей, ненависти врага или разнообразных приказов инстинктов. Он может быть очень творческим, если узнает свою линию...

— Но если судьба уже свершилась в будущем, как ты раньше говорил, и мы только повторяем изгибы ее своим поведением, то ты обманываешь меня и обманываешься сам, — возразила Даша.

— Как космический корабль, выведенный на орбиту, подчиняется инерционной силе, так человек мчится по заданной орбите, подчиняясь траектории, заданной ему от рождения до смерти... Но если он научится владеть своими инстинктами, он способен скорректировать траекторию жизни... по совести...

Человек может работать, как лошадь, как вол, как раб, но он способен исполнять то же дело, как властелин, творчески, легко и свободно. Все дело в том, знает ли он свою траекторию жизни или не знает, то есть знает ли он свои потенциальные способности. Мнительность, неврастеническая боязнь судьбы, иступленная настойчивость в получении недостижимых похвал или наград, боязнь смерти или боли, смятение перед необходимостью — это все от незнания своей траектории жизни... И люди боятся знать ее, ибо тогда, им кажется, будет скучно жить, ибо они будут только сверять свой полет по жизни с точкой, в которую они в конечном счете обязательно угодят. Что же лучше — быть рабом неведения или быть всезнающим и мчаться навстречу цели спокойно, иногда лишь координируя свои действия? Мы — дети природы, она управляет нами. И когда мы действуем не для себя, но бескорыстно, для других, для своих детей или во имя своего народа, то мы, пусть политики или просто бетонщики, служим и своему благу.

— И чего же ты хочешь от меня, Зот? — Даша медленно двинулась по протоптанной в траве тропинке. — Чтобы я оставалась верна своему мужу? Но я и так ему верна...

— В информационном поле ты ему уже не верна, — сказал Зот, шагая следом за Дашей.

В зарослях они наткнулись на захламленную поваленными деревьями яругу со звенящим колокольчиками ручьем. Деревянный мостик был разрушен, торчали гнилые столбики, поперек овражка лежала жидкая березовая жердиночка.

— Смелей, не трусь, — приветливо сказал Зот, — вот мостик для тебя...

Глазам Даши предстал деревянный из выгнутых досок мостик с перилами; она без колебаний шагнула на скрипучие полосы и спокойно перешла на другой берег, оглянувшись, удивилась: никакого мостика нет, лежит все та же жидкая жердиночка, а Зот стоит на другом берегу и улыбается. Она спустилась к ручью, оперлась руками о землю, ткнулась лицом в воду, желая удостовериться, что вода — не оптический обман. Она трогала руками траву, песок — все было настоящее: трава прохладная, песок влажный, зачерпнутая пригоршней вода, как ртуть, выскальзывала меж пальцев.

— Зачем ты гипнотизируешь меня, если проповедуешь, что я должна руководствоваться реальными информационными полями?

Он перешел по жердинке на другой берег, к Даше.

— Я показываю тебе, что очень легко очутиться в плену миражей и попасть в яму ошибок и неприятностей... Тебе кажется, что девушки Шестаковского моста не догадываются, о чем вы переглядывались с Павлом, ты вообразила, будто бы я или Семен Васильевич не знаем, что было в купе вагона, ты любишь самообман... Но все твои мысли выются в воздухе, как пчелиный рой, возбуждают информационные поля, которые воспринимаются окружающими.

— И ты знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросила она настороженно.

Губы Зота были сомкнуты, но Даша внутри себя услышала его голос: «Ты решаешься на безумие — хо-

чешь принадлежать Стрелецкому, хочешь иметь от него ребенка... Сейчас, в этот момент, ты видишь третьим глазом свою дорогу... как лунной ночью по тропинке сворачиваешь за угол, во двор, там Павел, он обнимает тебя... Смотри же! Ты ведешь его по лестничному маршу в свою квартиру... Еще есть момент... Может, ты остановишь его? Нет,пустила!..»

«Зот, как ты мне надоел! Нищий зануда! Мне по душе блеск, роскошь, раскованность. Я мечтаю о пышных платьях, изысканном обществе, я надеюсь, Павел Николаевич выведет меня в такое общество, где...»

— ...Где ты будешь в центре внимания, — добавил Зот вслух.

— Зот! Ты угадал мою мысль! — Со смешанным чувством восхищения и ужаса Даша смотрела на него.

Зот горько усмехнулся. И было чему. Понимать мысли собеседника для него не составляло труда, но чистосердечное обнажение намерений людей, втайне вынашиваемых ими и тщательно скрываемых от других или даже от самих себя, всегда порождало неприязнь к нему, являлось причиной разрыва дружбы, разлада с родственниками.

...Было ему семь лет. Мать отправила его погостить к родной тетке, бездетной крестьянке. Та радушно приняла мальчика. Желая расположить его к себе, понравиться ему, в первое же утро надела лучшее шелковое платье, взбила густые рыжие волосы, выставила на стол самые вкусные угощения. А маленькому Зоту хотелось домой, к маме, где все родное, привычное. Незнакомая обстановка пугала его, обостряла восприятие. Когда тетушка, улыбаясь, наклонялась к нему, он, в страхе глядя на ее горбатый нос в рыжих веснушках и предчувствуя, что этот большой нос вот-вот клюнет его в щеку, отодвигался в угол, поднимал плечики, смотрел волчком и, наконец, сказал, что тетушка уродина, прическа ей не к лицу, платье топорщится, а прыщавые щеки

надо напудрить. С огорчением посмотрела на него пожилая женщина и заплакала:

— Глупенькое дитя! От своей понятливости и простодушия много горя узнаешь... Самой ведомо, что не вышла лицом, потому и замуж не взяли...

И пошла тетушка на село искать лошадь и подводу. В тот же день маленький Зот вернулся к матери в родную деревню.

Овладеть наукой деликатности оказалось для него делом нелегким. Он оставался верен своей совести, но старался заглянуть в глубь самого себя, чтобы понять других.

Будучи уже подростком, Зот случайно оказался свидетелем кражи: из магазина выходили воры. Угрожая ему ножом, бандиты взяли с него клятву молчания... Он погрузился в раздумья, больше года ничего никому об этом не рассказывал, не находя ответа на вопросы, как остаться честным. Есть ли истина?

Много лет спустя, став учителем поселковой школы, он поставил опрометчивый эксперимент, после которого его уволили с работы. Не посоветовавшись с педагогами, не поставив в известность ни директора, ни завуча, Зот решил испытать пятиклассников на честность. Преднамеренно он забыл на столе кошелек с деньгами и всю неделю не напоминал детям о пропаже, а когда признался, что спровоцировал их, ему рассказали, что двух совестливых девочек, которые собирались было рассказать учителю, кто украл деньги, одноклассники побили. А потом эти девочки вместе с обидчиками проели ворованные деньги на конфетах.

Снова Зот вглядывался в себя, размышлял, и стало для него проясняться, почему дети искусные дипломаты и хитрецы, почему смело лгут, услуживают тому, кого не любят, поступаются совестью ради временной выгоды. Он понял, что нельзя ставить эксперименты на детях, провоцировать их на антисовестливые поступки, тем более если провокации устраивают авторитетные для

них люди. Дети приспосабливаются к условиям жизни, идут на самообман, не хотят знать истины, не хотят жить по истине. И однажды Зота осенило! Однажды, уединяясь на обдуваемом ветром берегу речки, сосредоточась на своей жизни, он вспомнил свою мать, идущую с ведрами к колодцу, своего молодого, в кожанке, улыбающегося отца и сидящего на крылечке дедушку... В какой-то миг в мозгу промелькнуло столько картин его детства, что их невозможно было бы описать за много дней... Как же это получается? Что такое мысль и почему информация, которой она пользуется, может порхать в мозгу в прошлое и в будущее, не считаясь с расстояниями?

Эволюция миллионы лет творила генотип отца и матери, размышлял Зот, а когда-то был генотип Адама и Евы, по всей вероятности, своим видом не отличавшихся от питекантропа... Значит, генотип совершенствовался природой. С момента зачатия генотип реализуется в организм, который в науке принято называть фенотипом; а воспитание организма в обществе создает социотип, и человек осознает себя личностью. Как певец долгими упражнениями усовершенствует свои голосовые связки, так и он, Зот, может усовершенствовать все свои органы, весь свой организм, выявить в себе способность исследователя или художника, изобретателя или певца... «Кто же мне мешает?» — спросил сам себя Зот. «Насмешки других людей, — ответил он сам себе. — Я могу выявить в себе сверх-Я, но для этого необходимо самосовершенствоваться...» Жизнь поощряет совершенствование приборов для глаза, аппаратов для слуха, она создает индустрию развлечения и развращения своих органов... Люди вдыхают никотин, гоняются за зрелищами, за ошоуренной музыкой, радуются, что удалось кого-то обмануть или получить такое количество денег, которое им вовсе не нужно...

Гляди на глянцевые листочки травы, на радугу брызг — и ты получишь органами чувств обильную ин-

формацию. Но ты, Зот, когда-то получил от отца и матери генотип, то есть код своего организма, и это свидетельствует, что ты есть произведение эволюции, в тебе, в твоём генотипе-фенотипе, сконцентрирована информация миллионов лет прошлого. Выходит, надо научиться брать эту информацию из самого себя. Ну и бери! Кто тебе мешает?

О! Мешает многое... Мои органы чувств обманывают меня. Они несовершенны. Я вижу, что солнце всходит и заходит, но на самом деле это Земля вращается вокруг своей оси. И таких иллюзорных сведений очень много в моей голове. Мои уши воспринимают атмосферные волны, а мне кажется, что я слышу звуки. Мои глаза воспринимают квантовые волны, а мне думается, что я вижу свет и цвет... Рецепторы языка улавливают молекулы, а я привык считать, что это вкус... Картина, которая возникает в моем сознании, дана мне моими несовершенными органами. Как же их усовершенствовать? Летучая мышь или пчела имеют другие аппараты восприятия, выходит, что они видят окружающий мир иначе.

Я иду на поводу своих привычек, которые приобрел с детства, я действую слепо, глухо и глупо, гоняюсь за иллюзорными целями, тогда как вокруг существует истинная информация, она в каждом листочке, в каждой клеточке моего организма. Эволюция дала мне не только органы чувств, но и аппарат мышления, он перерабатывает информацию, полученную органами чувств. Но эта информация неточна, а если она перекодирована на модели языка, то становится совсем грубой... Мы слишком доверяемся письменности, тогда как письменная информация наиболее приблизительна, а то и просто ложна.

Мой аппарат мышления позволяет оперировать бессловесной информацией, заглядывать дальше, чем обычные представления; рациональное, логическое рассуждение дает более верную картину, но и оно не

позволяет построить адекватную модель мира, ибо рационализм пользуется неточной информацией моих органов...

Что же делать? Обратиться к изначальному кладезю знания — к генотипу... В нем, в вечном и очень стойком Коде моего организма, имеется связь с панинформацией, сам Код хранит и досознательно реагирует на всю информацию природы, следовательно, в нем имеется сверхинтеллект... Об этом сверхинтеллекте твердят все выдающиеся мыслители с глубочайшей древности... Истинную информацию они осознавали в себе в момент прозрения... Краткий миг озарения стоит многих лет логических рассуждений и всей жизни тяжкого поиска... Как же подключить свой интеллект к панинформации? Сверхинтеллектуальное познание не отменяет ни эмпирического, ни рационального, но лишь обогащает истинными знаниями.

И тогда Зот догадался, что внезапные прыжки мысли бывают в моменты сосредоточения. Этому следует научить мозг. Значит, в нас имеется особое, второе зрение, как бы особый глаз, который воспринимает истинную информацию в ее чистом виде... Затруднения с открытием второго зрения велики, ибо требуется не только укротить произвол своих страстей, дисциплинировать работу мозга, органов и организма в целом, но не поддаваться на давление обстоятельств, на приказы глупых или дурных людей, сопротивляться невежеству...

А где критерий того, что хорошо и что плохо? Кто может сказать, что он держит в руках истину? Все могут! Истина в нас! Она заложена в наш эмбрион с генетическим кодом! Она — Норма нашего развития во чреве матери... Разве не досаждают родители, если ребенок родился недоношенным? Разве не переживают воспитатели и врачи, если видят, что дитя болеет или долго не может научиться говорить? Разве не содрогаются все, видя неполноценных, с наследственными пороками, с самыми разными отклонениями от Нормы?

Не будь в нас Нормы, мы бы не ведали, где верх и где низ, не отличали умного от глупого, совестливого от негодяя... Не имей мы в себе Нормы, мы бы не стояли в очереди, а ломились к цели, подобно диким зверям, давя и кусая друг друга. И пусть кто-то смеется над нашей Нормой, изловчается обойти всех, ухватить свой кусок счастья раньше других, вырвать себе чин или звание, лгать и тайно насмехаться над Нормой, которая правит нами, мы-то знаем, а потòму и верим, что лишь следование Норме откроет нам истину... путь к истине...

Имея в себе Норму, я понимаю, в чем лучше ее, а в чем хуже. И если буду самосовершенствоваться, то, значит, стремлюсь к идеалу, надеюсь стать лучше Нормы во всем...

Так странно размышлял Зот Митрофанов...

...Они небыстро шли среди замшелых кедров, сосняка и густого подлеска. Попадались грибы, белые и подосиновики, а также брусничник. Даша иногда задерживалась, чтобы поугощаться ягодами, мимоходом замечая Зоту, что все-таки прекрасно жить, не зная своего будущего. Ну что были бы за радости, если бы жизнь была повторением заранее известного кинофильма? Это же ужасно, если знать наперед, что пойдешь по лесу и будешь именно на этом месте собирать ягоды... Повторять в точности ранее сыгранные сцены... А Зот тихо объяснял, что для каждого человека такое и невозможно, все имеют совесть, да не всякий ею пользуется, предпочитая купаться в миражах или собирать грибы и ягоды там, куда подведут...

Дашу это ничуть не обидело. Да, ей предпочтительнее шагать по хорошо протоптанной дорожке, а не запинаться за кочки или поваленные деревья.

— Но кто-то же мысленно должен заглядывать в будущее! — улыбался ей Митрофанов.

— Ученые! — весело сказала она.

— А если и ученые не пользуются совестью? — задал ей вопрос физинструктор. И он заговорил с Дашей

о колокольне Ивана Великого, что находится в Московском Кремле, она изображена на сторублевом банковском билете... Построена колокольня в честь знаменитого византийского мыслителя Иоана Лествичника, учившего включать в себе совесть и видеть будущее...

— Ой, Зот, почему тебя тянет к древности? — бросающая в рот ягоды брусники, смеялась Даша. — Кто этот Лествичник? Монах, что ли?

— Мендель тоже монах. — Зот наблюдал за тем, как Даша ползает по пружинящему мху, разнимает мокрые прядки и быстро собирает ягоды, то бросает их в целлофановый пакет, то себе в рот. — Он основал генетику. Но открытию генетиками факта шифровки генетической информации в молекулах нуклеиновых кислот предшествовали тысячи лет поиска... То, что генетики называют теперь «кодом», «алгоритмом», «программой», раньше называли другими именами: «дух», «логос», «псюхе», «космический разум»... В 1959 году ученые увидели в микроскопы двадцать три пары хромосом...

А индийские и другие древние мыслители знали о двадцати трех функциях организма человека за сотни лет до нашей эры. Об этом свидетельствует учение санхьи... Не только мозг человека собирает информацию и перерабатывает ее, но и эмбрион человека уже функционирует как система. Мы говорим «душа», а ее нет. Есть мозг и его функции. Есть организм человека и его функции... Есть мышление верхнее и есть подсознание, глубинное, честное, по совести...

— А зачем мне все это знать? — беззаботно смотрела на Зота Даша.

— Наше подсознание — это разум-1, а мышление — разум-2. Только через совесть можно проникнуть к всеобщему знанию, которое находится в разуме-1... Понимаешь?

— Ты опять про третий глаз? — удивилась Даша. — Если с помощью своей совести можешь все видеть, то давай клады искать!

Обрадовавшись мысли, она напомнила ему о лозоискателях, которые ходят по лесам и полям или по деревням городищам с палочками, ищут подземные, спрятанные когда-то сокровища. Да этих людей даже возят на лодках по озерам, морям, они указывают археологам на залитые водой фундаменты зданий, на подземные коммуникации. Вот бы Зот объединился с Дашиным мужем — геологом!

— В угрозыск можно устроиться, — в тон ей, но тихим голосом прибавил Митрофанов.

— Воров ловить? — быстро и обрадованно глянула на Зота и с удивлением обнаружила, что он усмехается. — А чего ты улыбаешься? По закону денег зарабатывать — это стыд? Государству бы польза, людям выгода, а тебя вознаградят... Чего в тайге прозябать? Вот меня сопровождаешь... — Она развела руками. — Ничем я тебя не могу отблагодарить... Ну можешь ты клады третьим глазом искать? Можешь? Месторождения полезных ископаемых? А? За это очень хорошо платят, премии дают...

Она с блеском в глазах ждала ответа, но услышала почти полусшепот:

— Никогда не соглашусь я на соблазны, я свободен. Совесть твердит мне: надо знать свою судьбу наперед и жить по совести. А радости жизни повелевают быть непредсказуемым... Что лучше? Знать или не знать? Следовать путем знания или шагать в темноте?

— Да ты и сейчас лакей! — запальчиво сказала Да-

ша и закусила губу, не слишком ли грубо выразилась, но его ее оскорбление не затронуло.

От возмущения, что Зот, обладая скрытым даром, равным неслыханному богатству, отказывается пустить его в дело, Дашу передернуло. Безумец! Дурак! Да вон Павел Николаевич как обрадовался найденному в тайге песчаному холму для дороги! Богатство! Никто же не стесняется брать законом предусмотренное вознаграждение! Чистоган... А на деньги можно купить мебель, кооперативную квартиру, детей вырастить, питаться прилично и ездить в отпуск не в поселок к матери, а на юг или в другую страну.

На предложение Зота остановиться у сосны и перекусить Даша фыркнула и потребовала ускорить шаг. Быстрее бы уж попасть в Бродниково. А Зот смиренно говорил, мол, можно съесть одну картофелину и быть сытым, надо только лучше пережевывать пищу: люди слишком много едят. А Даше не хотелось его слушать.

Всю дорогу до Бродникова — а тут уже наезженная автомашинная колея — Зот вежливо занимал Дашу, уверял, что после ссоры легко успокоиться, если глядеть на воду или в огонь, просил положить ему пальцы на пульс, чтобы считать удары, показывая умение сокращать число их. Впереди были разливы лугов, за ними огромное полотнище созревающей пшеницы, слева, возле озера, островок со щетиной ивняка. Дорога, виляя, бежала мимо левады в обсаженный рядами тополей поселок с антеннами на крышах.

Зот посмеивался над Дашей, напрасно она отвергает прогнозы. Лучше знать свои поступки и приключения наперед, чем оказываться перед неожиданностью. Нельзя предотвратить войны, не научившись регулировать рождаемость... Нельзя предотвратить свои будущие поступки, не умея укротить свои сиюминутные страсти... А Даша возражала: приятные события пусть идут к нам невзначай, а плохие — с предупреждением, чтобы мы их могли встречать после подготовки.

Все религии, говорил Зот, с их обрядами и тайнами одинаковы в том, что признают вечную справедливость, только в каждой религии называют ее по-разному: «христос», «аллах», «яхве», «эринии». Дедушка Пахом Никанорович, будучи верующим, редко посещает храм и часто богохульствует. И так многие люди... Самые бессовестные не могут обойтись без того, чтобы вспомнить о ней. Ее называют и «нормой», и «императивом», и «точкой отсчета»... Благоговение же, которое испытывает Зот, только к информационному полю, к абсолютной истине, которая протекает волнами через третий глаз; он отвергает всякое суеверие и ханжество. Он призывает и Дашу не сотворить себе кумира, но узнать свой грядущий путь, ту тропинку, которая уже бежит впереди нее и ведет к цели...

— Мужу я не изменю с Павлом Николаевичем! — твердо и зло сказала Даша. — Ты доволен? Не превратишь меня в ворону?

Ей показалось, что Зот засмеялся, что он читает ее мысли и воспроизводит их вслух. В ее сознании промелькнул образ мужа, который бродит сейчас где-то по Приполярному Уралу. Третье лето уже бродит. Улетает из дому в мае, а возвращается в город с осенними мухами, в октябре. А как он там живет? С кем дружит? Чужой человек... Опять полезут осенью в дом ватаги бородатых и нетрезвых его приятелей, не различая ни ночи, ни дня, будут бесцеремонно бивакировать в квартире, бузить, спорить о каком-то силурийском периоде, девонской системе или семилукском горизонте. От непонятных названий Даше смешно: будто толкуют по-русски, а смысл улетучивается. Уснет бродяга на полу, поги в сапогах разбрасывает по квартире, орет в бреду: «Ты сам стегоцефал!»

«Неужели муж узнает о том, что я имеею в сердце?» — болезненно прозвенело в сознании Даши.

Выйдя на высокий берег с широким простором реки и лугов другого, низменного берега, Зот и Даша присо-

единились к толпе пассажиров, ожидающих «Ракету». Внизу, на дебаркадере, кто-то закричал, что судно приближается. И скоро вдали замаячило белокрылой чайкой стремительное судно, оно пришвартовалось к борту дебаркадера. Матросы уже стояли на палубе, они быстро закрепили чалки, спустили трап, по которому люди торопливо побежали на палубу.

Уже стоя на палубе, держась за поручень, Даша помахала Зоту, оставшемуся на берегу, не зная, что и думать о нем.

Глава 11

ПОГОНЯ

Единственный способ, которым я могу убедить вас что-либо сделать, — это предложить вам то, чего вы сами хотите...

Чего же вы хотите? Не столь уж многого. Почти все нормальные взрослые люди хотят:

1. Здоровья и безопасности. 2. Пищи. 3. Сна. 4. Денег и того, что на них приобретается. 5. Уверенности в своем будущем. 6. Сексуального удовлетворения. 7. Благополучия своих детей. 8. Чувства своей значительности...

Дейл Карнеги

Приезд проверяющего Тихона Ефимовича Фокина ускорил и без того стремительный ритм жизни Стрелецкого, тем не менее Павел не успевал решить за день все проблемы и задерживался в управлении по вечерам.

Два дня назад поселок и базу на станции Примыкания покинула механизированная колонна, передислоцированная далеко на север, на один из будущих разъездов железной дороги. Во избежание скандала при Фокине Корзухину настрого приказали самолично проследить,

чтобы оставленную слободу не спалили — туда даже назначили сторожа. Самоуверенный комсорг пообещал Стрелецкому выяснить наконец, кто и зачем поджигает покидаемые строителями поселки. В девятом часу вечера он влетел в кабинет Павла. Целый день Вадим мотался на «газике», устал, воротничок его белой сорочки потемнел на сгибе у шеи.

— Ничего не выяснил... — Он плюхнулся на стул.

Корзухин ебивчиво рассказал, как была организована отправка людей из слободы. Он лично наблюдал: женщины перед посадкой в автобусы заботливо запирали двери домов, сараев, закрывали на засовы ворота, будто собирались вернуться назад; с болью расставаясь с садами и огородами, они плакали у заборов...

— Лучше переселять людей осенью, чтобы они хоть картошку выкопали, — высказал мнение Корзухин.

— На новое место людей надо определять до распутицы и холодов, — возразил Стрелецкий. — Что со слободой?

— Целехонька! Дома заселены пестрым людом... А горсовет не берет поселок на свой баланс.

— А ты где был? — не сдержался Павел.

— Горсовет ездил... — оправдывался Вадим. — Сегодня, к концу дня, когда примчался на «газике» в слободу, все дома были захвачены. Горожане поналетели, будто скворцы, расселились с ребятишками. Окна стеклят, ворота чинят, доски к заборам приколачивают...

— Нам эти временки не нужны, — облегченно вздохнул Павел.

— Погодите! Тут дилемма или, как ее, проблема! Приехал я из горсовета, а меня поселенцы окружают, забирают в плен. — Вадим изобразил руками кольцо. — Только что без винтовок. Из машины да под рученьки, как на расправу, ведут к котельной. А мне известно, что оборудование котельной демонтировано. Поселенцы в крик: почему, мол, такое, разве мы не совет-

ские! Если ты бывший хозяин слободы, почему нет тепла в домах, нет радио, электричества? Школа пуста, магазин закрыт, почтальона нет, маршрутный автобус не ходит... Такой пейзаж!

— Пейзаж не наш: поселок временный, жилье старое, лачуги... Тебя просили сберечь слободу от пожара, передать горсовету. Вот и все. Мы его обслуживать не станем, у нас другие задачи: мы строим железную дорогу.

— Но ведь котельную мы раскулачили, — возразил Вадим. — Горсовет в разбитом наличии не возьмет! Другие хутора, может, мы сжигали?

— Нет, их сжигать мы не собирались. Более того, надо все-таки выявить хулиганов...

— Вернулась из командировки воспитательница Ивушкина. Я с нею беседовал...

Подробно передав содержание разговора с Дашей, Вадим заключил:

— Зота Митрофанова поджигателем не считаю. И воспитательница так же думает. А вот его теория о третьем глазе странноватая. — Корзухин хмыкнул...

...Вадим ушел. В опустелом управлении стояла тишина, только слышался голос дежурной радистки, да где-то раздавались шаги вахтера. В окно веяло приятной вечерней прохладой. Пора домой.

На крыльце Павел вдохнул прохладу полной грудью. Небесный купол утыкан мерцающими звездами, над домами зависла апельсиновая долька луны. Павел сошел с крыльца, ощупал сухую, шершавую кору тополя, растущего под окнами его кабинета, постоял, прислушался: за корпусами общежития звенела гитара, беспечно смеялись девушки. Неторопливо пересек площадь, размышляя, что положение главного инженера отдаляет его от людей, сковывает... Домой идти не хотелось: жена с дочкой возвратятся через неделю... В гости пойти к кому-нибудь? Представил Соню и плюнул себе под ноги. Завернул за угол дома, чтобы пройти к своему

подъезду, но грудной женский голос привлек внимание — вроде бы знакомый... Сквозь листву кустов увидел на скамейке, освещенной фонарем, Дашу и широкозадую толстуху — коменданта общежития. Силуэт Даши картинно прописывался, она жестикулировала, объясняя что-то про вязанье.

Закурил и побрел по колдобистой дороге в другую сторону, вспоминая, как его критиковали на сессии горсовета за то, что не может замостить эту дорогу. А денег на проулок возле управления нет, потому что все деньги целевого назначения — для строительства железной дороги, а не городских проездов. «Не дам, ни рубля не дам!» — мысленно ответил депутатам и подумал: «А вот если заставят, то придется идти на нарушение...»

В голову пришло: посоветоваться по этому делу с Фокиным. Тихон Ефимович с утра занимает стол в кабинете начальника управления, а Павел вынужден сидеть за столом в старом своем кабинете, хотя и считается исполняющим обязанности начальника стройки. Осторожный и забывчивый Фокин поминутно черкает что-то в толстой тетради, требует от служащих документы. Сегодня пригрозил Павлу: «Если наверху не изменят решения, не дадут санкции на то, чтобы вкладывать средства во вторую очередь магистрали, то за Шестаковский мостик придется отвечать...» Впрочем, министерство и обком партии об этом мостике уже знают и хорошо понимают, что дорогу строят к Нефтяным Юртам, что Искер — промежуточная станция, но... без приказа свыше маневрировать средствами все-таки невозможно.

В облисполкоме Фокин беседовал с председателем, не скрыв от него самочинной мальчишеской прогулки Стрелецкого на катере по реке, попытки угостить его, Фокина, ухой из карасей... О чем там еще был разговор, Павлу неизвестно.

От выпавшей на траву росы отсырели носки на лоджках. За кустами под берегом реки перекликались

гудками катера. Павел шел и шел по тропинке пустыря, удаляясь от здания управления. На противоположном берегу еще гудела работа: ворочался тяжелый невидимый маховик, скрежетала лебедка. Где-то вскрикивал, вплетая торопливый голос в шум пробегающих одиночных грузовиков по автостраде, дергач. А в деревянно-каменных квартирах города, загородивших темными тенями горизонт, уже гасли огни.

И вдруг Павлу почудилось, что сзади него по тропинке кто-то идет. Можно было дожждаться и поздороваться, но не хотелось ночной встречи и ненужного разговора. Он сошел с тропинки и остановился за высоким кустом. Потрескивая, гудели над головой провода, поднятые решетчатыми рогатинами металлических опор. Поправив очки, чтобы уличные фонари не ослепляли, взгляделся в пространство пустыря и заметил, что по тропинке одна за другой движутся две тени. Он узнал гуляющих: впереди шла маленькая Даша, а следом высокий физинструктор. Затаившись, Павел вслушался в голоса. Ничего не поняв, почувствовал, что все его существо взбудоражилось, что Даша никогда не будет принадлежать ему и он упустил ее, как и Сонечку... Он был ослеплен ревностью, гневом, яростью против физинструктора, перехватившего у него эту прелестную и свободную от семьи женщину...

Замерев, Павел переждал, пока двое удалятся за куст и уйдут подальше, но не хотел упускать их совсем, осторожно сделал шаг из-за куста, чтобы не сломать веточку и не зашуршать травой; присел, вглядываясь. Игривый, насмешливый тон Дашиных вопросов волновал Павла, хотя он не понял ничего из ее слов. Глаза привыкли к темноте, и он отчетливее увидел, что гуляющие приблизились к берегу и уселись там на ствол дерева или на скамейку; они сидели рядом, но не обнимались — это было видно по их головам, которые высвечивались. Безотчетное, преступное желание, безоглядное любопытство толкали Павла приблизиться к уди-

пившимся собеседникам и послушать, о чем они толкуют. «А возможно, Зот все-таки и поджигает хутора», — напомнил себе Павел и осторожно двинулся в сторону берега; ему удалось неслышно подойти шагов за двадцать к сидящим и, укрывшись за кустом, остановиться, прислушаться.

То, что до него донеслось, не было беседой или любовной игрой. Это был удивительный монолог физио-структора. Зот говорил о том, что человек — клубок страстей, желаний, что несуразное, противоречивое существо подчиняется то одной своей прихоти, то другой. Тут Павел, услышав слова о третьем глазе, чуть не расхохотался. Есть, оказывается, приготовление организма к открытию третьего глаза, это долгий путь тренировок для пробуждения себя, потому что обычные люди живут, как во сне.

— Ой, Зот, тебя наслушаешься, так и ночь не будешь спать, — донесся до Павла голос Даши. — Что же, по-твоему, мы все друг друга обманываем?

— Из профессиональной необходимости люди при-выкают скрывать что-либо, умалчивать; не желая обидеть или желая польстить, говорят комплименты... Приучившись к обману, навязывают ложь другим. Притворство очень трудно преодолеть. Если ты сегодня ночью не увидишься с Павлом Стрелецким, то ты впервые в жизни переступишь диктат судьбы!..

— Не болтай, Зот! — крикнула Даша.

Павлу показалось, что эти двое знают о его присутствии и сейчас будут его высмеивать, но Даша заговорила о том, что лучше бы Зот открывал золотые клады и дал бы немножко денег и ей.

— Погоня за деньгами, нарядами, развлечениями не открывает, а закрывает третий глаз, — объяснил Зот.

— Понятно, — согласилась Даша, но тут же и упрекнула: — Павел Николаевич дело делает, а ты только рассуждаешь.

Язвительный смех Даши порадовал Стрелецкого, ему

стало казаться, что ни Зот, ни его спутница его не заметили, но он понял, что возненавидел физинструктора, который представляет для него опасность, скрытно соперничает с ним, как умеет, завлекает Дашу в свои сети словес.

К удовольствию Стрелецкого, тени у ствола дерева зашевелились, двинулись в глубь пустыря; обида так сильно задела Павла, что ему расхотелось подслушивать чужой разговор. «Ах ты, птицегадатель!» — зло ругал он Зота, с завистью провожая взглядом тающие во мраке тени. Но тоже шагнул на тропинку и двинулся следом.

Даша что-то возражала, даже возмущенно выкрикивала, но ее протестующие слова забивались скрипом лебедки с противоположного берега реки, шумом проезжающих по мосту автомашин и шуршанием травы. Разговор можно было все-таки расслышать, если к ушам приставить ладони и настроить их как локаторы.

Павел понимал, что Даша издевается над Зотом, и это несколько остужало злобу против физинструктора. Но вот до Стрелецкого донеслось:

— Я точно знаю, что предназначено сегодня тебе судьбою, однако вопреки предопределению надеюсь, что ты поступишь иначе и будешь спать в квартире одна...

— Как тебе не стыдно, Зот! — возмущенно выкрикнула Даша. — Неужели ты полагаешь, что, расставшись с тобой, я позову еще кого-то... Твой третий глаз слеп, его вообще нет, это твоя больная фантазия!

Применив прием футболиста, Павел сделал несколько широких, быстрых и бесшумных прыжков по звенящей траве, чтобы догнать уходящих от него собеседников и не обнаружить себя.

Ухо его вычленило из обрывков фраз свою фамилию, по какому-то поводу упомянутую, и это опять подстегнуло его подозрение: «Физинструктор заметил меня в кустах!» Павел теперь уже преследовал их, как охотник преследует зверя. Воспитательница заливалась

язвительным смехом, коростель в траве вторил ей монотонными воплями.

— Каждое дерево — оркестр, каждый человек — биоизлучатель волн. Настройся, и ты услышишь волны, исходящие от того, кого ты хочешь слышать... Забудь слова, слушая информативные волны... Ты — приемник...

— Не хочу, Зот...

«Он домогается от нее чего-то». Павел ничего уже не слышал, ревность терзала его, напрягала его мускулы. Хотелось грубо окликнуть их и, приказом отняв, увести Дашу от беспардонного болтуна. «Они обнимаются?» Азарт охотника не только подталкивал его вперед, но и помогал оставаться благоразумным. Митрофанов был спортсменом, таким, с которым Павлу при соблюдении правил, конечно, не сладить. Оставаясь на почтительной дистанции, Павел шел, стараясь не шуметь галькой, поругивая гадателя-ведуна, досадовал на бездельника, гуляющего беззаботно по берегу с красивой женщиной.

«У меня нет столько времени на ухаживания», — думал он, высматривая уходящих из-за верхушек полынй.

И вдруг незнакомый внутренний голос спросил Павла: «Зачем тебе эта погоня?» — «Что за глупость! — возмущенно ответил себе Павел. — Я не привык отступать!» И тогда внутренний голос заговорил напряженно, он говорил без слов, мысли мчались стремительно, и смысл их был таков: «Зачем тебе Даша? Замужняя женщина!» — «Мною управляет сокровенная формула, которой я подчинил свою жизнь: власть, удача, любовь!» — «Эта формула доставляет тебе радость?» — «Мое самолюбие вознаграждалось взлетом рук на собраниях: мне отдавали голоса, меня признавали комсомольским вожакom факультета, института, Сеня Заварухин всегда был в тени, а я искал власти, удача сама шла в руки...» — «Но о Даше ты ничего не знаешь; тебя гонит бессознательное упрямство: вообразил себя

влюбленным подростком и действуешь глупо, вопреки рассудку. Оставь Дашу!»

Тут мысли прервались. Павел поспешил за теньями Зота и Даши, подбадривая себя, шел, пригибаясь за кустами. Он уже начал уставать, сказывалась работа без физических нагрузок — футбол бросил четыре года назад. Покалывало в области сердца. Пошаливает... К сорока годам брюхо, поди, вздуется пузырем, коленок своих не увидишь и пожалеешь, что упустил Дашу...

Он гнался из-за злости на Зота. Да и на Дашу тоже: предпочла ему, Павлу, вислоухого физинструктора! Может, она такого поведения? После коварства Златогривки никому из женщин верить нельзя. Разве что Гончевой...

Перешагнув невысокое прясло, провалился в мякоть взрыхленного картофельного надела. Сбегая с пригорка к берегу, осмотрелся. Укрытый туманом, дыша сыростью реки, пробрался в кустарник. Мост маячил тяжелым пролетом, выводя шоссе из города к железнодорожной ветке на том берегу, по нему прогромыхивали нечастые в такое время грузовики. Тени гуляющих выявились у воды, недалеко от бетонного устоя моста.

«Целуются они или нет?» — подавлял в себя недоброе, болезненное любопытство. Затаился в кустах, вслушиваясь во всплески волн и скрип коростеля. Словно из эфира на особой волне ухо выловило бойкую речь. «Не целуются!» — облегченно вздохнул. А о чем беседуют, не различить. Митрофанов подымался вверх по склону, за ним — Даша. Следом из-за ветвей вышел и Павел, но оступился в яму, с шумом свалился с обрыва метра на два глубиной. «Заманят, как мамонта, в ловушку», — выругался, отрезвляясь. Брюки были мокрыми и вымазаны глиной. Отступиться от погони не мог, старался не терять из виду фигуры, поотстал от них.

А те гуляли, видимо, не впервые. Они пересекли пустырь вдоль автомагистрали, опять вышли на немощеную ухабистую дорогу, в проулок старого города. «Мне

с вами не по пути», — пошутил Павел над собою, но двинулся влево за угол дома, стараясь не стучать подошвами. Брюки до колен набрякли от росы. Пробежав возле темной, с неосвещенными окнами стены, приблизился к собеседникам настолько, что стал опять улавливать отдельные фразы. Силуэты уходящих нырнули под арку между двух домов, сомкнувшихся высокими стенами. И он заторопился, почти бегом обогнул корпус здания. Физинструктор держал женщину за руки. Долго держал. Рог месяца светил довольно ярко. При голубоватом освещении четко выпирала борода парня.

«Так, ясненько, любовь еще без поцелуев, и она боится выводить его на освещенную площадку двора». Треугольная фигура физкультурника удалялась; Павел шагнул наперерез Даше. Она пискнула от неожиданности, сразу узнала его. Он взял ее легонько за оба плеча, приблизил к себе и заглянул в затененные глаза. Подбородком ощутил влажность ее волос, руками — упрямство плеч. Сильнее прижал к груди и поцеловал в щеку, а потом еще в нос и в губы, куда уж получилось. Совсем маленькая, она едва доставала ему до подбородка.

— Не рада? — Снимая очки, мешающие целовать ее, наклонился и с нежностью прижал ее к себе. — Этот разговор не догадывался, что я шел за тобой?

— Вы как коршун с неба. — Попыталась освободить плечи, он не отпустил ее. — Зот как будто чувствовал...

Она оглядывалась:

— Выйдут соседи из подъезда и узнают меня с незнакомым мужчиной. Пойдем ко мне, — съезжилась, прижалась к его боку. Он огладил на ней платице, пропустил вперед, к дверям подъезда. По полуосвещенным ступеням поднялись на лестничную площадку третьего этажа — она первая, он за ней. Незвонко щелкнул ключ, отворилась скрипучая дверь.

— Голоден? — По-хозяйски нырнула в темноту.

Сиротливая, без абажура лампочка озарила комна-

ту — скромное жилище с разохшимся облупившимся полом, с огромным окном телевизора в переднем углу и дюралевыми лыжными палками на нем в виде усов антенны.

Он обнял Дашу посреди комнаты, возле большой лохматой медвежьей шкуры, разостланной под лампочкой; Даша вырвалась, принесла из спальни две сложенные треугольником крахмальные простыни... Она выскользнула из его рук, легко ориентируясь во мраке; принесла из спальни одеяло и подушку. Ему не нравилась ее суетливость. Когда опять вспыхнул свет, она была в халатике, и губы ее, мягкие, полуоткрытые, искали его губы, а он, к своему стыду, захотел спать и лениво отвечал на ее поцелуи, разморенно сквозь дремоту размышлял: к утру надо быть бодрым, сообразительным. Вяло шаркнул спичкой о коробок, прикурил.

Радости стоили ему унижений, беготни по мокрому пустырю, выслеживания, погони. Он зашвырнул мысленно себя в тайгу, к речке, где у прогоревшего костра неумело играла на баяне незатейливые мелодии русо-косая девушка. На полу лежали его наручные часы, показывали фосфоресцирующими стрелками второй час ночи. Скоро рассвет. Пора уходить.

— Останься! — горячий шепот проникал в ухо, удивляя его страстностью. «Привяжется — потом не избавиться», — подумал он устало и рассеянно.

Она доверчиво обвила ему шею, расправила взлохмаченные волосы маленькой пятерней.

— Люблю... — ответил на ее слова. — Зачем гуляешь с физкультурником? — Ему было стыдно признаться, что слышал всю бесконечную болтовню о третьем глазе и еще о чем-то вздорном.

— Буду гулять с тобой, — забилась к нему под руку, подобрала коленки к подбородку, комочком прикорнула.

— Он, что ли, поселки на линии поджигал?

Она растерялась, не зная, что ответить; Павел спох-

ватился, что переключился мыслями на служебные заботы, спросил с ревностью:

— Он к тебе в квартиру не напрашивался?

Она отрицательно покачала головой, защемила ему мочку уха двумя пальцами, шепнула:

— Советовал тебя остерегаться, страшал, что я превращусь в ворону, а ты — в робота.

Оба тихо хохотали над сказками физинструктора.

— Мракобес он! — Злость к Зоту еще не прошла.

— Да почему же? — опять засмеялась она уже громче, но сразу же округлила глаза, зажала себе рот ладошкой, продолжила уже быстрым шепотом: — Зот говорит, что сейчас мы получаем зарплату красногорскую, а формируем свои желания по парижским образцам. Наши потребности в разладе с наличностью, отсюда и невозможность освободить из плена каналы информационной связи... А если действовать как он, освободить себя от зарплаты, уменьшать ее с каждым днем, отдавать излишек в детдома, кому угодно, то легко избавиться от зависти, подобно ему, заниматься бессловесным предвидением своей судьбы и судеб каждого другого человека и даже всех народов... Главное — не мучиться беспрестанным поиском денег, почестей, власти, нарядов, роскоши, даже квартиры... Он обходится совершенно малыми средствами, говорит, что тратит на себя рублей десять или пятнадцать в месяц и еще намеревается сократить... Это же удивительно! У него стойкий иммунитет к потребительству, он удовлетворяет свои желания без посредства денег, за счет солнечной энергии... Ну просто как инопланетянин... Он говорит, что в каждом из нас имеется норма, а можно стать лучше ее...

— Лучше самого себя? — Павел покровительственно погладил мягкие Дашины волосы. — Зачем быть лучше себя?

— Ты не понимаешь... — хихикнула Даша. — Он го-

ворит, что раньше обижался на невежество, а потом смирился. — Догадавшись, что она выразилась двусмысленно, заговорила быстро: — Он уверяет, что у нас мало слов, чтобы объяснить всю видимую третьим глазом информацию, существующие понятия неточны, а есть многое, что и представить себе невозможно...

— Он в своем уме? Обо мне что-нибудь плел?

Разглаживая тонкими пальцами его ладонь, она опять покачала головой, улыбнулась:

— Твердил только, что ты рискуешь стать роботом, — и нежно коснулась губами его ладони.

— Ерунда какая-то! — Павел деланно зевнул: коготок ревности царапнул сердце. — Буду жить, любить, петь, плясать так, чтобы стены дрожали, чтобы чертям стало тошно! Да что мы все о нем...

Он привлек Дашу, поцеловал. Она не отстранялась. Когда он отпустил, тихо спросила:

— А если горе, то плакать, рыдать, рвать волосы? Большие страсти очень тяжелы... Я боюсь беды...

— Нельзя жить, оглядываясь на каждый куст, остерегаясь грядущего дня. Если я узнаю, что ждет меня впереди, я потеряю интерес к самой жизни. Зачем мне стойло и загон? Нет, я буду действовать сообразно обстановке...

— Ты отказываешься программировать будущее? Выбираешь борьбу с обстоятельствами?

Ее уловка уязвила Стрелецкого, было странно слышать от нее строгие логические доводы.

— Плюнь ты на этого голодного оборванца!

— Разве он голодный? Сытнее всякого обжоры и здоровее его, а съедает за обедом несколько ложек супу и крошечку хлеба. — Показала на кончике пальца, как мало хлеба берет в рот Митрофанов. — Одежда у него чистая.

— Влюбилась ты в него, что ли? — уже сердился Павел.

Она категорически мотнула головой, опять обвила рукой его шею.

— Он уверяет, что не в деньгах счастье, что каждый может стать лучше, чем есть, в каждом из нас имеется идеал, к которому мы тянемся, а радости жизни можно брать из себя все больше и больше, через третий глаз...

— Дался тебе этот глаз! — Павлу захотелось иметь где-нибудь квартиру, чтобы не бегать по пустырю, чтобы по первому намеку его утешали нежным говорком, мягким, дрожащим смехом... А завтра Фокин опять раненько закатится в кабинет, потребует документы, да и совещание пора готовить...

— Эй, ты слышишь? — теребила Даша его вихры. — Я люблю тебя и боюсь, ты бросишь меня... О нас уже сплетни.

— Какие сплетни? — перехватил рукой ее руку.

— Ванда на Шестаковке упрекала... Ты Ванду, верно, помнишь? Русокося... — Странное прозрение дает любящим интуиция.

Мохнатые брови его шевельнулись, он выпростал босые ноги и ощутил ими облезлый, обшарпанный пол, встал, складки набежали на лоб, разрезали щеки у носа.

— Мне сладко с тобой, да пора уходить...

Потянулся к мокрым, грязным брюкам, осознавая, что делает что-то не то. Уловив его замешательство, она легонько подтолкнула его к двери ванной, сунула в руку кусок душистого мыла и юркнула от него, чтобы через минуту бросить ему махровое полотенце. Когда после горячего душа он опять вышел в комнату, она очищала со штанги его брюк сгустки глины, вытряхивала песок из манжет, а потом натянула веревку на балконе и развесила на ней брюки и сорочку. «Задерживает-таки меня до утра», — спрятался под одеяло и вытянулся на расправленной простыне.

— Чего девчата на мосту скандалили? — сонно спросил он.

Она промолчала. Скажи о поварихе или о Ванде, а он их, девушек-то, за ушко да на солнышко. И опозорится воспитательница общежития больше, чем Женя и Ванда. С Жени какой спрос? Захотела — поехала в тайгу, не понравилось — вернулась в город. Да у нее свой покровитель. Нашла в Павле покровителя и Даша, только сумеет ли удержать его возле себя? Он властный начальник, еще разгневается, напустит на нее мстительную комендантшу, да и скучно небось ему слушать ее бабские горести. Вихревой и могущественный — за несколько минут обнаружил ценный холм песка, а это, считай, целый магазин товаров — большой семье на весь век хватит.

Он спал, а она, стоя у дивана, разглядывала его с нежностью, и казался он вулканом, который затаился до поры. Лучше ничем не перечить его силе, не испытывать его лишней откровенностью. Казалось, характер Павла уже в сегодняшней охоте за нею на пустыре вполне обнаружился. «Паша любит меня. Мужа все лето не будет в городе, а когда осенью он ввалится в квартиру, я с ним разведусь». Ей не было ясно, как Павел поступит со своей семьей — с женой и дочерью. Не оставит же он их ради Даши... Объяснять себе все до мелочей, как это делает Зот, она не могла и не хотела. Если бы можно было просто с ним посоветоваться, он бы что-нибудь подсказал. Но зачем? Верила, что до старости не наскучит любить Павла; понимала: их связь для его карьеры опасна, левой любви ему не простят... Была готова годами беречь их совместную тайну, чтобы, встречаясь с ним в фойе, в толпе, на многолюдном совещании, могла получить от него какой-нибудь знак внимания: движение брови, мимолетную улыбку, означающую, что он помнит о ней, любит... Павел ввергал ее в какой-то опасный и захватывающе романтический период жизни.

Глава 12

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО

*Гадай, пожалуйста. Вот руки.
Судьбу неясную зови.
Смотри, как линия разлуки
Проходит
К линии
Любви.*

Анатолий Жигулин

Предчувствие неизбежности значительных или мелких событий появляется, как невесть откуда повеявший сквознячок в жаркий день, как толчок для логического осмысления, оформления ощущения в мысль; если нам не хочется свершения печальных событий, мы гоним от себя неприятное ощущение, но оно время от времени возвращается. Когда же наступает час неизбежного будущего, мы еще упираемся, будто возражаем кому-то: не может быть; только чуткие натуры сразу признают себе: «Я так и знал...»

Нечто подобное было с Лукой Петровичем Ивушкиным. Он с самого начала имел неясное предчувствие, что его семейное счастье с Дашей непрочное, но гнал от себя неясное ожидание предстоящего несчастья. Будучи человеком действенным и, как говорится, земным, он не верил ни в сны, ни в телепатию, однако, когда с базы прилетел вертолет и повариха, раздавая вечером письма, на его вопросительный взгляд ответила на смешливым общепринятым утешением «вам пишут», его словно холодком окатило: внутренним чутьем он понял — это неясное, неприятное предстоящее, мысль о котором он гнал, произошло. Чтобы отвлечься, до поздней ночи крутил ручку приемника. Ночью измучился бессонницей. Утром, до завтрака, пошел в балок к радистке, запросил начальника экспедиции. Тот решил вылететь на базу с объяснением.

Вертолет возил рабочих, Ивушкину до обеда удалось на порожней «стрекозе» перевалить сопку. Мрачно встретил его в кабинете начальник, сухо поздоровался, услышав, что геолога мучают невеселые предчувствия относительно жены, оттопырил губу и рывкнул:

— Тебе сколько лет?

Не слушая ответа, багровея лицом, ударил кулаком по столу и заорал. Это же катастрофа, стихийное бедствие, если из отрядов по предчувствиям будут брать отгулы в середине полевого сезона! Да за такие предчувствия — под суд! Изгонять из геологии! Отличная погода, азарт полевой работы, а тут... Да, жены изменяют мужьям — басен на эту тему не переслушать, но геолог — это как моряк, уплыл и в море не бросит корабль, а скорее утонет вместе с ним! Иные мужья держат жен в экспедиции, кое-кто тащит их прямо в поле — поварихой, сезонницей-радишкой; есть жены-специалисты, физически выносливые, самостоятельные трудяги, они в поле ходят до поры, пока не заведутся детишки.

Ивушкин стоял перед начальником экспедиции мрачный, волосы ежиком, руки опущены; ярость начальника не сдвинула его с места.

— Тебе сон приснился, что ли? Галлюцинации были? — ядовито засмеялся начальник экспедиции. — Или кто пошутил? Анонимку подбросил? Говори же!

Геолог отвел взгляд в сторону, но из кабинета не уходил.

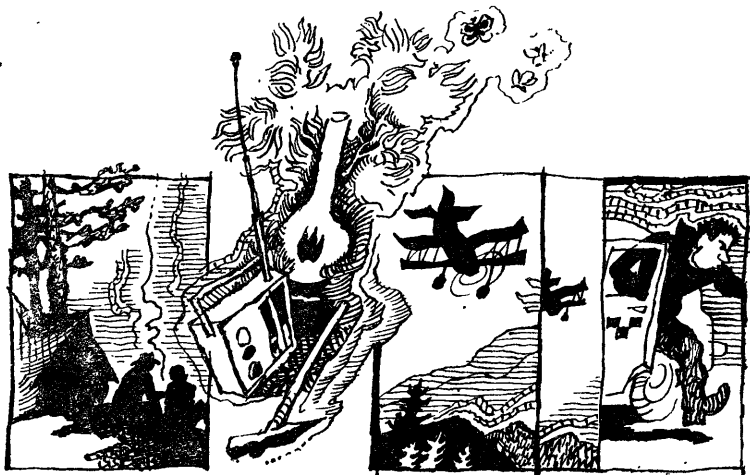
— Да мы его! — И начальник экспедиции сжал ладони, показывая, как будет выкручен и выброшен анонимщик или пересмешник.

Видя, что никакие аргументы и увещевания на геолога не действуют, что Ивушкин упрямо стоит возле стола, начальник экспедиции, сжимая и разжимая кулаки, сверкая злыми глазами, вышел из-за стола и, приблизившись к Луке Петровичу, заглянул ему в лицо: не свихнулся ли человек.

— Хрен с тобой, проваливай! И можешь не возвращаться! Прекрасно, что жены изменяют таким дуракам! — И отвернулся.

В тот же день самолетик, дребезжа, как жестяная банка, понес Ивушкина с базы экспедиции через тайгу. На аэродроме северного городка самолет заполнили пассажиры. Они расселись возле стенок, привязались ремнями. Молодую женщину в модном плаще, тяжело переносившую болтанку, пришлось уложить на пол, рядом с чьим-то рюкзаком, а козу, с перепугу испачкавшую пол, привязали к перекладине. За стеклом иллюминатора, глубоко внизу, под молочной толщей расстилался буроватый массив тайги, вдоль голубых полосок рек были разбросаны кубики домов, островки с буровыми вышками, тянулись ниточки дорог... Самолет дважды садился на зеленые лужайки аэродромов, снова разбегался и кидался к облакам.

После посадки в Искерском аэропорту рядом с Лукой пристроился на жестяном сиденье лохматый боро-

дач, поблескивая из зарослей волос лукавыми глазами, назвался Сергеем Квашой, предложил закурить.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, но тут на него заворчали пассажиры, и он, пригласив неумную жизнерадостность, посетовал на судьбу, мол, окончил геологический техникум, а работал в управлении строительства железной дороги. Лука при этих словах радостно встрепенулся, подивился тому, как тесен мир: в этом управлении его жена работает воспитательницей

общежития строительно-монтажного поезда. Кваша стал расхваливать Дашу за ум и красоту, рассказал о встрече с ней в командировке, где видел ее вместе с Митрофановым. Поддакивая спутнику, сидевшая рядом девушка хихикнула. В ее смешке Ивушкину почувствовался пошловатый намек, Луку снова обдало тошнотыватым предчувствием страшной неизбежности и значительных перемен, хотя причин к подозрениям не было. Две недели назад Лука с предыдущей почтой получил из дому два письма, листочки хранили запах Дашиных духов, она писала милые подробности о том, что скучает, о сыне Димке, о матери...

Записав номер телефона Кваши, Лука, как только самолет приземлился на бетонный аэродром, стремительно зашагал через поле, в темноту, которая оформилась липовой аллеей и вывела на освещенный пятачок автобусной остановки. Чувство беспокойства за Дашу усиливалось с каждой минутой. Лука страшился, сам не зная чего, точнее, в нем созрела невероятная мысль, которую он не мог выразить готовой фразой, но смысл ее заключался в том, что он может застать Дашу в квартире не одну...

Щедрая посула взбодрила таксиста, и вот Лука уже катит в одиночестве, на мягком сиденье. Три летних сезона не бывал он в городе, возвращался, когда снег сыпался на асфальт. Пригасив слепящие фары, мчатся встречные автомашины, в обгон летят красные огоньки — зады легковушек. Тротуары забиты гуляющими, у кинотеатра людно. Какие красавцы фланируют! К Даше может подвалить этакий фронт — не чета Ивушкину...

Выходя из такси возле своего дома, сунул шоферу лишнюю пятерку, задумался: идти ли в квартиру или предварительно позвонить из будки телефона-автомата. Нет! Точно вихрь понес его вперед, быстро избежал по лестничному маршу на второй этаж, радуясь, что никто не попался на глаза из знакомых, не оста-

новил его и не расспрашивает ни о чем; поднялся на третий этаж, надавил кулаком кнопку звонка. Никто за дверью не стукнул, не шевельнулся. Хотя бы собачонку завела! Затявкает зверюшка — там живут. Ударился плечом в запертую дверь, некрепкая доска из фибролита, отделяющая хозяина от его законного логова, дрогнула. Два-три таких толчка — и запоры выломаются или дверь выпадет в коридор квартиры. Добыл из бумажника ключи, вступил в темноту малюсенького коридорчика. Свет, вспыхнувший от нажима пальцем, бросил под ноги медвежью шкуру, которую Лука купил у старика в Саянах, когда четыре года назад был там на студенческой практике. Квартира приветствовала его торчащими над телевизором дюралевыми лыжными палками; поставил их вместо антенны, чтобы ловили волны... И пусть ловят! Если бы еще за женой наблюдали и передавали сигналы в горы... в палатку... Диван в углу, телефон на подставке в кухне — вещи предлагают себя: садись, смотри, звони. Не снимая плаща, свалился на диван. Где же Даша? Постучал сапогами об пол — краска отскакивает, лупится. Провел пальцем по ободку держателя настенной лампы — пыли нет.

А может, Даша в командировке?

На подставке для телефона — голубые корочки записной книжки. Кинулся перелистывать, пальцы затвердели, листочки им не даются: цифры, цифры, цифры... имена, фамилии, названия улиц... И все незнакомое Луке Петровичу; как он оторвался от города и от жизни Даши. Беспокойство не покидало его.

В спальней комнате заправлены ворсистыми одеялами две раскладушки: одна — жены, другая — его; летом постель Луки предназначалась сыну. Отбросил одеяло, простыня не смята, значит, сын ночует у бабушки. «Зачем же прилетел в свою квартиру? Почему не расспросил Серегу подробнее о жене?» Вернулся на диван, откинулся на спинку, воображение рисовало неве-

роятные сцены, которые происходили здесь с женой. Не позвонить ли Сергею Кваше по его телефону? Нет, нельзя, разболтает другим, сплетнями опутают Дашу.

Вскочил как хлыстом подстегнутый. В кухне осмотрел угол под раковиной, куда ставили зимой бутылки из-под пива: пусто. «Найти какую-нибудь улику!» — приказал себе и услышал тарахтенье холодильника. Распахнул дверцу, в морозилке — завернутый в целлофан кусок колбасы, на полочке в банке — масло. Ощупал рюмки в кухонном шкафу — чистые... Даша может с минуты на минуту явиться. Размышлял, какие следы остаются в квартире от побывавшего мужчины. Воображал сюжеты: жена на коленях у старца, и старец с мокрыми губами дрожащей рукой подносит спичку к папиросе.

Быстро прошел к балконной двери, повернул ручку, рванул скобу на себя, встал на колени, ощупал бетонную плиту: нет ли окурков? Ржавые балконные перила — аж желтовато-коричневые, сквозь них дули ветры, да и дожди смыли все остатки бумажных мундштуков или пепла. Постоял посреди комнаты под лампочкой. Беспокойство стучало в висках: ищи, ищи! А что искать-то? Забытую табакерку? Кисет? Ага! Обгоревшую спичку...

Осмотрел туалет, ванную, подоконники, книжную полочку, тщательно обследовал щели между половицами. Ползая по полу, просунул голову под диван и углядел на плинтусе что-то серое. Тронул пальцем — пепел? Кровь хлынула в лицо. Сердце учащенно заколотилось. Отодвинул диван, брезгливо тронул пальцем остатки мягкого вещества: пепел от сигареты! Спешно поставил диван на место, сел на него, разглядывая остатки сероватой пыли на подушечке пальца. «Не станет жена водить мужчину в дом. Это не пепел, а пыль». Усомнился и ужаснулся. Пыль или пепел? Да пепел же! Серый пепел! Свежий ли?

«Она в городе, а я в горах — так нельзя», — хоте-

лось бежать куда-то, и кого-то настигать, и треснуть кулаком в затылок, сшибить его с ног, пинать сапогом в лицо и в живот. Мышцы напряглись, весь организм жаждал разрядки. Вошел бы сейчас в дверь какой-нибудь франт или старикашка... А если погасить свет, затвориться на ключ и сидеть, как в скрадне, поджидать — войдут двое, послушать их разговоры, а потом выбраться из кладовки; очень удобно — в кладовке. Нажал выключатель. В темноте постоял с минуту, опять озарил комнату. Уж легче бросить геологию, чем снизойти до мерзкого караульщика.

Когда скрипнула дверь, незапертая и даже не плотно затворенная, он полулежал на диване. Даша вошла не сразу. Опасаясь воров, осторожно заглянула в комнату: муж был в плаще. Лука встал. В коротенькой юбочке, с обнаженной шеей, Даша очень хороша и соблазнительна для любого мужчины. Лука молча поцеловал ее в губы; она растерялась, не умела ни кинуться к мужу на грудь с беспечным воркованьем, ни одарить лукавым поцелуем или шуткой. Давние знакомые, позабывшие привычки друг друга. Он прикоснулся ладонью к ее спине, она ловко увернулась. Изящна, хрупка и легка в движениях, а он неповоротлив и тяжеловесен. Смуглое у нее лицо, с персиковым румянцем щек, губы не то улыбаются, не то подергиваются, взгляд настороженно-холодный. «Неужели начнет сейчас врать?» А она, в свою очередь, подумала: «Откуда он взялся?» — и машинально закрыла воротничком кофточки шею. «Что там такое?» — повнимательнее вглядывался он в ее шею с голубой жилкой. Опять натягивала ткань блузки на шею. Он осторожно коснулся рукой выреза блузы, еще раз, и злорада ударила ему в пятки, передалась всему телу, заметил, как в глазах ее полыхнул страх, откачнула голову назад.

— Что с тобой? — Не увидел на коже следов чужих поцелуев; силой привлёк ее на диван, чтобы разглядеть шею; Даша вырывалась, хватаясь руками за воздух.

— Посиди! — Потянул ее за юбочку, в тот же момент она выскользнула, дико глянула на него, судорожно засмеялась и убежала в кухню.

— Ужин готовлю.

Вошел в кухню. Наблюдал за движениями голых локтей, за тонкими пальцами, которые отыскивали где-то яички, сковороду, колбасу, все соединили с огнем газовой конфорки, и ужин уже пузырился, шипел и фыркал.

В ванной, ткнувшись в зеркальце, Лука не порадовался серости своего лица; да и волосы, как солома, стриженные под бобрик, торчали, расческа их не ровняла, лишь взъерошивала. Его облик жене нехорош. Выглянул в дверь, предупредил, что полез мыться. Разделся, стал обливаться обжигающей мускулы, успокаивающей водой. Выйдя из ванной, заметил: в скобе заткнуто махровое полотенце — постеснялась жена подать его в двери. М-да...

Даша уже переодета в темную простенькую кофточку с высоким воротом; пол в комнате и в коридоре освежен, сверкает от оставшейся влаги. «Замывает улики!» — молча осматривал жилище. Распаренный, с покрасневшими ушами, приблизился к кухонному столу. Жена прятала от него взгляд, чего-то стыдилась.

Кухня крохотная. Стены и низкий потолок давили. Дотронувшись пальцем до кончика своего носа, повертел головой:

— Фу, нерусским духом пахнет...

Она неопределенно пожала плечами.

— Табаком пахнет. — Смотрел на Дашу в упор.

Даша отвернулась, драила в раковине металлической мочалкой дюралевую кастрюлю, казалось, что скоблит ногтями — жуткий, скрыкающий, царапающий душу звук. Приехал — и никакого в семье праздника.

— Не куришь тут без меня? — откусил кончик огурца, подвернувшийся ему на тарелке, заехал вилкой в яичницу. — Гуляла?

Подняла голову: обветренная кожа на его лбу бе-

жалась гармошкой, злоба искривила губы, сейчас он мазнет ее наотмашь фалангой по подбородку — и она рухнет перед ним... Даша подобралась.

— Не молчи! Завела кого-то? — рывкнул он.

Ел соленые огурцы с яичницей, каменел лицом, чедюсти его ровно сжимались и разжимались, натягивали кожу скул; ел стоя, не присаживаясь на табурет, зло поглядывал на неподвижную, маленькую, приготовившуюся бежать жену.

— Кто мой заместитель? — Жуя, потрепал подбородок Даши шершавыми пальцами, отвернулся и сердито поторопил: — Давай, давай, говори... куплю хахалю. — Захлебнулся сухим, отрывистым смехом.

Выронила из рук кастрюлю — посудина звонко ударилась об пол, укатилась под стол, — захлестнула глаза руками, замерла. «Зот ему посигналил, на меня донес! Паша ушел утром, позавчера утром... У него жена приехала».

— Не люблю тебя, — закрылась ладонью, глянула на мужа сквозь пальцы, решительно шагнула из кухни в комнату с намерением бежать из квартиры: Павел не даст ее в обиду, он мудрее ее мужа, она свободная, самостоятельная женщина — сама кормит себя и заботится о ребенке; она не какая-нибудь там, она просто другого любит... Выскочить в коридорчик не успела; муж барсом прыгнул, опередил ее и, самодовольно хмыкнув, подхватил на обе руки. Смеялся каменным смехом.

— А с сыном как же? — Сел на диван рядом с ней. Могла бы закричать, но он не бьет ее, а гладит машинально по плечу наждачным бруском ладони.

— Сын — мой! — всхлипнула, закрылась локтем.

— Любовник на тебе женится? — хладнокровно произнес Лука.

«Он не любовник, он — любимый!» — хотелось защитить чистоту своего чувства к Павлу. «Женится ли он на мне?» — впервые спросила себя.

— Ты забросил дом, у тебя я как домработница. А он если и не женится, так хоть рядом, — пролепетала она.

— Рядом? — выцветшие ресницы моргали быстро. «Не сосед ли? Она не отпирается: у нее есть любовник! Интуиция меня не обманула! Красивый, самоуверенный, видимо, женатый хахаль навевается в эту квартиру!» Теперь предстояло навести луч света на эту темную любовь, осветить отношения жены с таинственным дружкой. Жена испугалась, что он вполне мог застать ее в квартире с любовником. Вот так так... Она все-таки изменяла ему, законному мужу, надсмехалась над его, Ивушкина, клятвой и над своими торжественными обязательствами, которые вслух произнесла перед свадьбой — быть верной до конца дней своих. А клятвы их были искренни, и они их впечатали в память, и свидетели — геологи и студенты — тоже не забыли еще того парадного дня и песенного задорного вечера с белым платьем, с фатой и с цветами. А теперь Лука Ивушкин уже обманут. Он волен избрать наказание для жены за ее клятвоотступничество, за сговор с другим мужчиной, за измену и за нарушение документа, помеченного гербовой государственной печатью, — за все он может расплатиться с нею. Возможность отомстить ей была столь оправдана и выбор мести столь разнообразен, что Лука смутился и растерялся. Побить — да шибко уж Даша хрупкая, пожурить — не удовлетворит его, да и ее не образумит. Как же быть? Она предала всех ее родственников. И мать и братьев своих. Родня у Луки малая — две тетки, да и перед ними стыдно. Сына оборачивает в безродного щенка-дворнягу, не помнящего отца.

Тихим, доверительным тоном он потребовал, чтобы Даша посвятила его в свои житейские заботы, в будущие планы, как она представляет себе свою безмужную судьбу и воспитание мальчонки, рассказала бы ему, какие виды у нее на милого ей.

— Он мой начальник, что-нибудь придумает, — вымолвила и спохватилась: «А может, Зот не назвал фамилию Павла?» Сидела в сознании заноза, которую воткнули девушки с речки Шестаковки, когда завидовали ей, Даше, что она нашла себе покровителя.

— Нача-альник? — Он даже вскочил с дивана, но шмякнулся рядом с Дашей, не отпуская ее. — Забавно, — притворно вздохнул, а в голове уже заработало само собой: «Начальник воспользовался отсутствием в семье мужа, принудил Дашу к утехам, обманул, подарил чем-то, да не из личного кармана!»

«Ах, я погублю Павла!» Она съежилась, боясь шелохнуться под увесистым рычагом, который был рукой мужа и накрепко запирал ее — не вырваться. Подперла подбородок маленькими кулачками, затравленным зверьком выглядывала на супруга. А он успокоился: «Не могла она мне изменить! Ее принудил своей властью начальник». Враг покусился на обычаи, на веру в закон, на всю геологию, которая не просуществовала бы без этой веры и неделю. Разбегутся из бригад, из отрядов, из партий, из экспедиций мужчины, если узнают, что в городах дозволено охотиться за их женами. Каждый захочет соблазнить чью-нибудь супругу.

Недобрая ухмылка передернула щеку Ивушкина, перекосила лоб, сдвинула набок нос. Не хватало в комнате воздуха. Отпустил Дашу. Приглаживая вихрастый, ершистый чубчик, поднялся с дивана и прошелся к балконной двери, распахнул ее, стал негромко объяснять жене, что думает о проступке ее совратителя. Не только говорил сам, чуть-чуть отвлекаясь из-за раздражающего брехания собак в глубине темного двора и нестройного хорового пения у соседей, но, расхаживая взад-вперед по комнате, запинаясь за шкуру, искусно выспрашивал жену, где и когда она впервые оказалась в интимном уголке с любовником, как доверилась ему, кто командировал ее в тайгу, что за соблазны сулил ей

начальник и какими красками обрисовывал будущее ее и сынишки. Она рассказала мужу почти все о первом своем разговоре с Павлом в купе вагона. А муж по-учительно разъяснил ей, что, ничего не обещая, любовник обманывал ее. Да какой он любовник? Прелюбодей! Любовник клялся бы и божился в своих чувствах, строил бы для любимой хоть какое-то уютное будущее, звезды бы в похвальбе с неба сбивал или дорогими подарками облегчал женщине ее участь. Когда любят, то берут на содержание. Даша возражала, что сам-то Лука не балует ее деньгами, а Павел (и она назвала имя) не успел еще это обсудить с нею, но он, когда вечером перехватил ее у провожавшего Митрофанова, был решительным. Ивушкин упрекал Павла, что у него жена, наверное, в отпуске; и Даша призадумалась: а не прав ли муж?

Препирались они несколько часов, уже давно и песни в доме затихли, и собаки смолкли; и тогда Лука попытался взять в толк: как же он обо всем догадался? Случай свел Луку и Серегу в самолете. Смешок девицы усилил подозрение Луки относительно жены... В сознании вспыхнула фамилия: «Митрофанов».

Колочее чувство ворочалось в нем, спина зудела, и мускулы наливались силой, сойтись бы с начальником Даши где-нибудь в темном переулке, сшибиться в рукопашной. Удобно позвонить ему по телефону вот сейчас, в глухую ночь, оскорбить, вызвать... Да остерегся: это не горы, лучше до поры орла не испугивать.

— А кто такой Митрофанов? — сузил глаза муж.

Даша задрожала; когда же Лука начал допытываться настойчивее, расплакалась:

— Это тот, который послал тебе сигнал, вызвал тебя. Но ты не верь ему, он гипнотизер, он может действовать по злему умыслу...

«Гипнотизер? Что за бред!..» Поглядел с тревогой на жену. Личико ее распухло, подушечки под глазами

вздулись — набедокурила, глупая, а теперь раскаивается. Лука вдруг почувствовал жалость к Даше. Забывая горький разговор, сочувствуя ее состоянию, когда она, оставшись в городе без защиты мужа, сама пошла в чужие ласкающие руки, он прощал ее в этот момент. Подхватив жену как законный хозяин, которому бесспорно принадлежит ее тело, не подавая голоса и не лаская, он понес ее в спальню.

Потом лежал на раскладушке раскаивающийся, а Даша плакала. Сон пересилил сомнения, и он не успел оправдаться. Когда же невзначай пробудился, то услышал всхлипывания: она все еще не спала.

На рассвете он просыпался и бормотал:

— Прости... я отомщу... ты не бойся...

Ей вспомнился шофер Ухватов, заштитинившийся лицом, похожий на большого паука, вспомнилась Галка Жукова, которая насканивала то на Ванду, то на Катю, отчитывала их за ночное путешествие к мужикам. Девушки жили весело и свободно, а Даша приехала и раскорючила их с шофером; и опять, как раньше, ей стало жутковато от всевиденья Зота третьим глазом. А может, кто-нибудь из девчат отомстил ей за стенгазету — написал ее мужу? Посылали же они анонимку в обком комсомола...

* * *

Проснулся Лука с ясной головой, с настойчивой мыслью, не забытой с ночи, — повидать любовника жены, потолковать с ним напрямик и завершить как-то оскорбительный инцидент. В освещенной лучами квартиры было тихо; его маленькая жена, истерзанная, бледненькая, но причесанная и одетая в пестрый халатик, ждала его в кухне. Он с тоской подумал о сынишке, к которому непременно поедет сегодня же, заберет его у тещи.

Сытый, в новом, отглаженном костюме, который достал из встроенного шкафа, в ярком до неприличия галстуке, он вышагивал по комнате, едва не касаясь макушкой лампочки. Диван ему был противен — предательская мебелина, принимавшая участие в любовном таинстве жены с проходимцем! Не менее раздражал импровизированный столик возле дивана — сложенные один на другой чемоданы, прикрытые скатертью. Ради семейного мира можно стерпеть не только это. Обратил взор выше, на мачту телевизионной антенны, и унесся далеко-далеко, через крышу, через сотрясаемые колесами кварталы, через наполненные густой жижей и тиной болота, через леса, через низины, горбатые горы к скалистому каньону с водопадом. Ребята уже разошлись по маршрутам, сейчас у костра одна повариха. В палатке, в сейфе, спрятан пистолет. Ключ от сейфа в кармане брюк. Пистолет он редко носил с собой, хотя по технике безопасности ему полагалось иметь оружие при себе. Вечером у костра ребята узнают, зачем он улетел в город, наверняка побалагурят о пистолете. Не такой Лука безумец, чтобы пускать в ход казенное оружие. Если бы не возвращаться в партию, задержаться до будущей весны, с женой сблизился бы прочно; только оставить его в городе трест не сможет, да и сам Лука не согласится. Смысл существования там, у водопада. Можно позавидовать полуголому очкарику, выбравшемуся на балкон. Это занятие для тщедушных. Ванна, кухня, завтрак — удобренная горшечная почва, в которую посажен горожанин. Пыль, духота, многолюдье. Утром — цех, вечером — телевизор. Поразвлекал голубыми всплесками свои глаза — и на боковую. Хуже крепостного права. Если и осталось место для вольницы, так в геологической партии. Там ежедневно в движении, ходишь по краю пропасти, остушился — лети в тартарары. Костей не соберут. Горы — природа, которая породила тебя, ты сам — ее былинка, она удерживает земным притяжением возле себя, пронизывает

мускулы гравитационными полями, управляет твоими движениями, угощая соками трав, влияющих не только на твое пищеварение, но и на интимные органы и потаенные мысли. А какие цветы на террасах! Какие лишайники на камнях! И воздух свежий, густой, незадымленный — никто ничем не болеет. Впрочем, хворых туда не завозят. И солнце круглосуточно дежурит над горизонтом; скоро морошка созреет, а вот гнуса там — ту-чи, хоть пушкой расстреливай.

Жена пробежала из спальни в кухню, не взглянув в его сторону. Она стыдится его. Пусть поболит у нее совесть. Пусть! Стихия, одетая в халат и в мягкие домашние тапочки, ишь — не смогла устоять перед напором наглого самца. Разводиться с нею Луке никак нельзя: останется один-одинешенек. Женясь, радовался, что попадет в большую Дашину родню: и братья, и дяди, и у дядей ребятишки. А у него мать и отец давно умерли. Он, Ивушкин, обязан понять и простить жену. Да он ее уже простил. Пусть моет посуду и помалкивает. Жена — олицетворение семейного спокойствия, хранительница очага, продолжательница рода. Ей из века в век вменялось быть при огороде, при печке и кормить детей. Бабы — народ умный, и музыку осваивают, и математические дебри, да и в геологии женщин немало. Но у Ивушкина род крестьянский, и у Даши мать хозяйственная. Почему бы Даше не воплотить в себе образцовую домовитость? Дети ей нужны? Будут! Просто пока они с Дашей деньгами еще не окрепли. Будь Лука рядом с женой, не дал бы ее никому в обиду, бросился бы на любого, жертвуя собой. А вот остаться рядом с Дашей, пожертвовать делом — нельзя. Рухнет вся громада сформированных идеалов, высокий образец смысла жизни, ради которого муштровал себя в школьных турпоходах, приносил клятву в студенческие годы. Рухнет — и он, Лука, станет обломком породы. Сколько же клятв уже дано? Сколько у него разных обязательств? И перед друзьями, и пе-

ред государством... Объединить бы в одну все клятвы — и перед супругой, и перед геологией. Забрать бы Дашу с собой — и конец драме. Жалко жене квартиру; у жены близко мать, своя служба. Нет, не уговорить ее. Да и не в уговоре дело, в требовании новой жертвы, уже от Даши. Года через три, быть может, Лука ударится в науку, одолеет кандидатскую диссертацию. Однако же мечта для него не слишком заманчивая. Открыть какое-нибудь месторождение — пожалуй, реальнее! Выслужиться до начальника отдела в экспедиции...

Размышляя, дошел он до здания управления строительства дороги.

...Поднялся по широкой лестнице на второй этаж с просторным фойе, с шелковыми гардинами на светлых окнах, отыскал распахнутую дверь в приемную с голубыми стенами, с двумя дверями, обитыми дерматином, со столом, за которым строчила на машинке этакая пампушка в цветном ситцевом платье. «Украсил себе вход девахой!» — раскочегаривал в себе гнев Лука. На двери по правую руку от входа табличка с надписью: «Стрелецкий П. Н.». Ивушкин поперхал в кулак, чтоб секретарша заметила его.

— По личному — во вторник с двух до пяти, — стрельнула трескучей очередью, не подымая на него взгляда.

— Мне срочно! — Грубовато изучал насмоленные краской ресницы девушки, которые возмущенно взметнулись.

— Ну, чего уставились?! Совещание у него! Улавливаете? — Брызнула голубизной глаз, не задержав ни единого пальчика.

Ох, пулеметчица! Окопалась, как на передовой. Отступил за двери, в глубь фойе, и, не теряя из виду табличку «Стрелецкий П. Н.», насторожился у подоконника: когда люди повалят из кабинета, ринется навстречу потоку. Будет ждать столько, сколько потребуется.

Глава 13

РОБОТ

*И, не зная,
Что такое робость,
Лень,
Тоска
И воспаленность век,
Робот начал,
Действуя как робот,
Делать все,
Что делал человек.*

Анатолий Передреев

Два окна кабинета начальника управления занавешены голубыми шторами, третье спасает от солнечных лучей листвою тополя, но в зале душно, жарко, лица у сидящих красные, распаренные, на лбах выступил пот. Председательствующий Фокин, накинув кожанку на спинку кресла, сидит в белоснежной сорочке с галстуком, широко расставив локти на столе, поворачивает седоватую голову то в одну сторону, то в другую, пощипывает бородку и шевелит пышными седыми усами.

— В чем соль заварухинского миллиарда? — обращается он к собравшимся. — Каждая добытая в Нефтяных Юртах тонна нефти в девять раз дороже, чем стоила бы она, если бы была железная дорога. Север в нынешнем году поставит стране около тридцати миллионов тонн... Расчеты Семена Васильевича правильны...

— Идея принадлежит Митрофанову, а не Заварухину! — вторгся с репликой Кваша; он во втором ряду, с краю, рубашка, вздернувшаяся на животе, как распашонка, растегнута, волосатые руки скрещены на волосатой груди.

Тихон Ефимович с лукавым огоньком в глазах повернулся в его сторону:

— Главное — не чья идея, а что важнее? План или выгода?

— Конечно, план! — разинул широко рот и загоготал Сергей Афанасьевич.

— А вы как считаете? — Выбросив вперед ладонь в сторону сидящей тоже во втором ряду Гончевой, Фокин ласково ей улыбнулся.

— Так точно — выгода! — вскочив со стула, задорно выкрикнула Виктория Филипповна, глядя на него преданно и восторженно, и резко села.

— Уже две точки зрения. — Фокин балансировал руками, мол, которая же из них верна, и, выждав минуту, пока утихла разноголосица, заговорил с усмешкой: — Есть старый анекдот о родителях, которые заспорили, кто нужнее для воспитания сына, а мудрый мальчик сказал: «И ты, папа, и ты, мама». Нам желательно обсудить, с какой скоростью мы можем перебросить через тайгу рельсы.

— Если меня спросите, то я скажу: плевать нам на этот миллиард! — громко выкрикнул Сергей Афанасьевич и засмеялся, замотал бородой, зыркая хитрыми глазами налево-направо. — Громадные доходы от предложения Митрофанова для нас — миор, как чужая баба... Я слышал, будто Зот говорил: вариант тупиковый, но имеется другой, хотя выгода будет поменьше.

— Вы встаньте, Сергей Афанасьевич! Произнесите речь толком! — сердито обернулся к нему из первого ряда в парусиновом пиджаке сухой, коротко подстриженный под бобрик Дудкин. — Бормочете невнятно, аудиторию не уважаете... — Он вскинул указательный палец вверх. — Традиции надо беречь! А то скоро станем лежа выступать на совещаниях...

Кваша тяжело оторвал от стула зад, выпятил объемистый живот, упер кулаки в бока, заговорил с усмешкой в голосе:

— Я говорю, богатый доход — не наш, для нас он как чужая жена. Приезжала в город на гастроли зна-

менитая артистка, красавица фигуристая; паялилась зазывно, но если за нею ухаживать, то понапрасну время и деньги тратить — удовольствия не получишь. Таких гастролсрок много! Я убежден, что дорогу можно быстро построить, но имеются космические препятствия. Вариантов очень много! Их тысячи. Одна красавица лучше другой!

Его поддержали:

— Надо с институтом посоветоваться!

Кваша оглянулся на реплику, помахал союзнику рукой, продолжал:

— Не выгоден бешеный миллиард ни министерству, ни нашему управлению. Докучает Стрелецкий с залетной артисткой. Ему премии хочется. Заварухину — то же самое... Какой проект написан, тот и надо исполнять. За пятилетку построим отрезок дороги до Искера, а там, глядишь, отмерят очередь. Куда спешить? Гоняться за актрисами? Сейчас Стрелецкий с Заварухиным предлагают бросить людей и технику на штурм болот, не обеспечивая себя базами. Какой тут план? Это неуважение к плану, к нашему закону. Увязем в трясине! По приказу Стрелецкого мы форсируем Еланское болото, ради чего? Он похвалился заместителем министра, а мы убиваемся в лесу...

Кваша плюхнулся на сиденье, довольный, колотил себя кулаком по коленке. «Смело!» — шептали ему из-за спины.

Фокин постучал кончиком карандаша по столу, призывая всех к тишине, лицо его стало строгим.

— Вас поняли, — прокомментировал Фокин выступление начальника мехколонны. — Слово Семену Васильевичу.

Заварухин вскочил в заднем ряду, у шкафа с сувенирами, потряс костлявой рукой в воздухе, указал ею туда, где сидел в передней части кабинета, справа от председательского места, Стрелецкий.

— У меня эта артистка вот где! — он энергично хлопал себя по длинной шее. — Этой идее даже названия нет. Это не рацпредложение, не изобретение, а стратегический расчет. Тут кивают на Митрофанова, дескать, он нам идеи дает... Это же чепуха! Он физинструктор, а не инженер и не ученый. И ни за какими он артистками не гоняется! — Семен великодушно ухмыльнулся. — А я предлагаю государству гигантскую выгоду, и надо мной уже несколько месяцев потешаются, как над шутком. Тут затеваются рассуждения о болотах, о трудностях. Да, смелая научная мысль сама по себе безнравственна, затруднительна для реализации, требует перегруппировки сил, от нее проще отречься. Старики и увальни боятся молодых актрис... Это понятно... Идея как ветер, и чем он могущественнее, тем сильнее буря, а штормовая качка слабых выбрасывает на берег или топит в пучине... Стрелецкий бросился в эту бурю, но он — неумелый капитан. Паруса наладить не может. Вот и прислали нам ревизора... На днях Стрелецкий поблажился перед заместителем министра штурмом одолеть до десятого августа Еланское болото, да у него кишка тонка. Тучи сгущаются, дожди в тайгу нагрянули. Промашка выходит с хвостовством. Так что не сотнями тракторов гатить болото, а сотнями мыслей. А если вам, товарищ Кваша, эти идеи дает физинструктор, то берите их у него! Какая вам разница, в чьей голове мысли растут? Работать способны лошади и трактор, а мы-то люди! Девиз научно-технической: смекалка, смекалка и смекалка! Только, извините, за смекалку-то придется платить денежки! А кто мне за докуку в миллиард рублей заплатит? Товарищ Стрелецкий? Беспомощен! С него за отсутствие смекалки я предлагаю удержать квартальную премию.

Смех рассыпался горохом, заскрипели стульями в кабинете, одни прикрывали улыбку ладонью, другие кашляли в кулак и качали головой.

Заварухин сел, утонул за спинами впереди сидящих,

звенел беспокойно стеклом сувенирного столика, шаркал ногами.

— Мнения вроде бы разделились, — шевеля пушистыми усами, бубняще прокомментировал Фокин. — Для одного миллиард — чужая актриса, для другого — любимая супруга. Замечу: делить доходы рановато, мы обсуждаем замысел, выгода лишь впереди. Кстати, что за мыслитель... э-э... какой-то физинструктор?

Сидящие притихли на мгновение, затем тишина разрядилась смехом.

— Шутник! — пожал плечами один.

— Юродивый! Не от мира сего...

Фокин поворачивал голову на реплики, пытаясь задержать чей-нибудь взгляд, поднять комментатора и выпросить, но все уклонялись от объяснений.

Встал коренастый, лобастый, одетый в модный бежевого цвета иноземный костюм Бородай. «Наряжает его Златогривка», — ревниво отметил Павел.

— Мы не боимся хозяйственных штормов! — глуховато, но внятно объявил Бородай. — Главный инженер отважно повел нас на ломку ошибочного проекта, но не согласовал свои приказы с существующими правилами. Это факт. Если же имеются более выгодные варианты, предлагайте! А пока вариант Заварухина — Стрелецкого перспективен. Давно долдоним об экономических стимулах. У нас стало поговоркой: «Зот-физинструктор все знает!» или: «Физкульт — с приветом!» — и шевелят пальцами у виска... Мы как бы в стороне, хотя видим, что без хозяйственной смекалки люди равнодушны к призывам. Экономика не продвинется, если в ее упряжке будут два коня: сознательность и несознательность. Нужен коренник — заинтересованность! Он вывезет из любой ситуации. А Павел Николаевич его не запряг и поехал...

«И он по мне лупит, гад! — свинцовым гневом наливался Павел. — Сговорились, подлецы, не хотят про-

пустить поезд в Искерскую к десятому августа!» Раздражение росло и против Фокина, деликатно ведущего дискуссию. Павел навел очки на пол, сдерживая гнев, сжал губы, чтобы не выдать злобу. Мысль его пульсировала: «Физинструктор... Идеи... Позор! Выбросьте из головы Митрофанова!.. Да, я дал слово заместителю министра! Но я же и метод предложил, с помощью которого можно пробиться через тайгу и болота к десятому августа!..»

В этот момент дверь в кабинет отворилась, и заглянувшая Зина поманила Павла рукой. Стрелецкий, выйдя в приемную, поднял телефонную трубку. Секретарша негромко предупредила, что главного инженера домогается воспитательница. В трубке Павлу почудился шум: то ли кашель, то ли карканье, а может, это у него в висках стучало от неостывшего гнева и духоты. С трудом он понял смысл Дашиных слов: «Муж приехал. Я ему призналась...»

Павел оглянулся на Зину, та стояла за спиной, чутким ухом улавливала странные звуки. Когда до сознания Стрелецкого дошло, что муж Ивушкиной пошел в управление, он содрогнулся, словно по его нервам пропустили электрический ток, и тотчас понял, что из всех пор его организма исчезают куда-то эмоции, что тело его лишается чувств, оно очищается от переживаний, болей, в нем начинают циркулировать только мысли. Да, мысль заполняла все вены, она циркулировала в нем вместо крови... Мелькнул силуэт Зиночки, но секретарша превратилась для него в функцию приемной, как и все люди, которые заседали в кабинете.

— Зот предсказывал нам несчастье... — донеслось из телефонной трубки, и дальше начался вихрь мыслей, они слетались, сматывались в голове клубком, но мозг быстро реагировал на информационный шум и обрабатывал его в логический порядок.

— Чувства отменяются, — пророкотал голос, кото-

рый вырвался из груди Павла. — Жду информации. Прием.

В ответ Даша то ли всхлипнула, то ли каркнула что-то обидное. Это совершенно не касалось его эмоций. Он равнодушно положил трубку на рычаг, твердым шагом вернулся в кабинет. Он догадался, что уже не человек, а биоробот, но ничего с собою поделывать не мог.

— Перекур! — объявил он жестко.

Фокин, сидевший за столом в хозяйской позе, услышав металлический приказ вошедшего, не удивился, послушно повторил:

— Перерыв на десять минут, — и ударил по кнопке шахматных часов, поставленных Павлом Николаевичем на стол для регламентирования совещания. — Что случилось?

Электронным голосом Павел ответил:

— Дискуссия прекращается. Саботаж отменяется. Будем выполнять план.

Фокин виновато поморщился, подымаясь с кресла, вышел из-за стола, указал на кресло человеку, которого звали Павлом Николаевичем Стрелецким, но который вдруг стал каким-то другим, механически действующим автоматом. Его лицо и весь вид изменились за те несколько минут, пока он отсутствовал в кабинете.

— Веди дискуссию после перерыва, — предложил ему Тихон Ефимович.

— Дискуссия прекращается, — словно электронный голос исходил из уст Павла. Он чувствовал сам, что превратился в биоробота.

Участники совещания выходили из кабинета в коридор, в фойе, на ходу закуривали, удалялись в туалет, соединялись в группы для беседы, а им навстречу, не считаясь с препятствиями, игнорируя возглас секретарши, цепляясь плечами за плечи выходящих, задевая стулья, пер словно танк Лука Петрович. Вот он остановился в трех шагах от стола, за которым только что сидел Фокин; злой, губы искусаны, иссушены, тя-

жело дыша, двинулся к двоим: Фокину и Стрелецкому.

— Будем знакомы! Я — Ивушкин. — Обветренное лицо наглое. Развязно гоготнув, уставился на усы Фокина, потом на очки Стрелецкого. — Или вы любители особого сорта?

— Саботаж отменяется! — пророкотал в ответ электронный голос.

Ивушкин сжал кулаки, сузил губы в недоумении:

— Кто из вас ночевал в моей квартире? Не отопресь! Или вы намерены жениться на моей жене? — Глаза Ивушкина уставились на Павла.

— Будем выполнять план.

— Вы куда пришли? — Виктория Филипповна тронула Ивушкина за рукав и тут же гаркнула: — Так точно, будем выполнять план! — Щелкнув каблучками, она скомандовала Луке Петровичу: — Кру-гом! Шагом марш! В построюком, в горком, в гастроном!

Растерявшись от нелепых ответов и приказов, геолог, цепляясь ногами за стулья, метнулся назад, в приемную, в надежде уточнить у секретарши, кто из двоих главный инженер Стрелецкий, но та, не вникая, напустилась на него как на разбойника, схватила телефонную трубку, угрожая сию минуту вызвать военизированную охрану.

Перерыв закончился. Робот вышел из кабинета главного инженера, постоял секунду в приемной и вошел в кабинет начальника, где все участники совещания были уже на местах. Заняв кресло за столом, он глянул на Фокина, который сидел теперь на его стуле, у стены, рядом с инженером Петуховым. Все видели, что за столом сидел Павел, но понимали, что это был не он, это был какой-то сложный механизм. Под его тяжелым взглядом сбегали с лиц ухмылки, гасли перемигивания, стихали пересмешки, воцарялась мертвая тишина. Лицемерно-почтенный прежде Сергей Афанасьевич Кваша сосредоточенно всматривался в нового

Стрелецкого. Нахорленные плечи Заварухина расправились. Тайна частной жизни, которую, кроме двоих, знал только Митрофанов, после прихода Дашиного мужа стала всеобщим достоянием. Присутствующие оптимисты, пессимисты, сметливые, волевые, прожженные практики и лукавые, продувные скептики, надежные друзья и затаившиеся завистники, жадюги и ротозеи, крикуны и молчуны — все представляли опасность для Павла, но не для робота; пороховой бочонок подкатился под кресло главного инженера, в любой момент каждый из них мог бросить спичку и поднять в воздух честь, достоинство и здоровье Стрелецкого, — но не робота. В банке памяти робота информация упорядочивалась, освобождаясь от элементов возбужденности. Людские сплетни, пересуды — это не коррозия: человеческие страсти не страшны для аппарата, строго выполняющего свои функции.

Виктория Филипповна в ожидании замерла: сейчас ее вызовут, но робот указал пальцем Петухову. И тот распрямился, сжал кулак правой руки, выбросил его к потолку. От резкого движения блеснули орденские колодки на лацкане пиджака. Хитровато глянув на Квашу, свесившего лохматую голову на грудь, откашлявшись, Иван Иванович Петухов заговорил:

— На дождички жалобимся?.. На фронте мы танковые моторы латали в снежные бури под открытым небом. Зимой в годы войны намораживали ледяные подушки на реке, укладывали рельсы и ездили до самой весны, до распутицы... Так почему ныне, когда с неба не бомбят и прямой наводкой не расстреливают, не стлать звенья на безнасыпную просеку?

Обвел присутствующих взором, погрозил Кваше:

— Пра-ав Семен Васильевич! Миллиард — не чужая жена. Хорошую идею дал Заварухин! — Опять взметнул кулак вверх. — А что говорит физинструктор? Можно и его варианты выслушать... Но рваческих наскоков мы не потерпим! Оплата, премии, бизнес... Вы-

ходит, прежде чем штурмовать таежные болота, надо стволы берез ассигнациями облепить? Будто мы не ходили в атаку без полного хозяйственного расчета? Не жертвовали собою во имя победы? Не хоронили в боях людей? — Иван Иванович указал на уснувшего Квашу: — Не слушает...

Присутствующие сдержанно зашумели. После паузы Петухов заговорил еще более страстно:

— Милиция конфисковала два бочонка вина у одного нашего нэпмана: на просеке рабочих спаивал. Это известная персона — шофер Ухватов. Такие ловкачи ждут не полного хозрасчета, а полного довольствия... — Горестно покачав седой головой, Петухов махнул рукой и сел на место.

Когда увольняли Квашу из управления, то многие надеялись, что его место — начальника производственного отдела — займет Иван Иванович, но Стрелецкий посчитал Петухова, одинокого, никогда не женившегося, бобыля, уже староватым и добился, чтобы начальником отдела назначили его студенческого однокашника — Семена Заварухина.

— Дискуссия отменяется, — железным голосом напомнил робот. — Слово товарищу Гончевой.

Виктория Филипповна вскочила, поправила чубчик. Была она, как обычно, в клетчатых брюках, без пиджака, в ярко-голубой атласной кофте с большим бантом и бусами. Скривив подкрашенные губы усмешкой, Гончева принялась острить над беспомощностью снабженцев, попутно высмеяла впереди сидящего Егора Андреевича Дудкина за его веру в талисманы. Тот не шелохнулся, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Глаза Павла латунно блестели за очками, он про-рокотал:

— Ближе к делу. Как будешь выполнять план?

— Тут много говорили про бабу, — задиристо откликнулась Виктория Филипповна; все расхохотались.—

А баба ценит любовь. Новый вариант проекта — наше дитя, любимое дитя. Его следует узаконить. А план, Павел Николаевич, мы выполним.

— Когда?

— Как прикажете!

Гончева скромно села.

Иван Леонтьевич, бывший начальник управления, проводил совещания на предельно высоких тонах, обрывал, допрашивал, кричал. Казалось, он сидел между двух чаш весов и дребезжащим дискантом швырял имена нерадивых на одну чашу, а те, падая, подкидывали на второй чаше имена счастливиц. У Старика участники «дискуссии» обливались ручьями пота, краснели, иных он выгонял из кабинета, а кое-кто под стук его кулака узнавал о своем понижении в должности. Хотя с годами Иван Леонтьевич становился добрее, кричал, как и в молодости, но наказывал все реже и реже. На тех «дискуссиях» почти всегда засиживались до полуночи, забывали обедать, курили, не выходя из зала заседаний. Еще год назад в пылу одной «дискуссии» маленький угрюмый человек, начальник экономического отдела Кочкин, отверг полный хозрасчет как противоречащий энтузиазму, на другой день за столом в своем кабинете он привычно положил перед собой листок многотиражной газеты, прочитал о себе заметку «Кочка зрения», тут же схватился за сердце: вызвали «Скорую помощь». Через неделю Кочкина похоронили. Редактора газеты уволили, а внедрение принципа заинтересованности в строительно-монтажных поездках за отсутствием директивы сверху Старик остановил и дискуссии прекратил.

Теперь все видели, что за столом сидит ЭВМ, совершенно бесчувственный человек с прожигающим взором. Он жутким басом подымал со стульев одного за другим присутствующих и задавал вопросы: сколько бульдозеров и самосвалов на перемычке Еланского болота, как котлопункты обеспечивают круглосуточным

питанием смены, занятые на звеносборке, на отсыпке земляного полотна, на укладке звеньев пути? Разбудив Квашу, он ему, жмурящемуся, как коту, задал свой железный вопрос. Кваша сослался на плохую погоду.

— Земляное полотно должно быть отсыпано в пере-
мычку к первому августа, — сказал робот. — Возраже-
ний не принимаю.

Поднял Бородай.

— Субподрядчик спит на твоей дистанции, — объ-
яснил робот, имея в виду Квашу. — Почему, товарищ
Бородай, не поставил вопрос об отзыве с твоего участка
Кваши?

— Мы пропустим в Искерскую рабочий поезд, —
отчеканил бритоголовый Бородай.

В последние дни Стрелецкого допекали многочислен-
ными звонками: из Министерства путей сообщения гро-
зили прислать финансовых ревизоров, остановить стро-
ительство Шестаковского моста, из проектного институ-
та пугали санкциями за нарушение проекта. Многочис-
ленная информация, скопившаяся в мозгу, требовала
переработки.

— Поезд на станцию Искерскую мы проведем к де-
сятому августа, — объявил робот. — Об этом вы, то-
варищ Фокин, можете доложить министру. Если будет
санкция, то мы за зиму продвинем рельсы через всю
тайгу до Нефтяных Юрт, что у Голубого озера.

— Авантюра! — кто-то выкрикнул отчаянным го-
лоском.

— Не понял, — холодно пробасил робот. — Имеют-
ся две проблемы: первая — реализация варианта Зава-
рухина по отсыпке земляного полотна и продвижению
шпальной решетки к Нефтяным Юртам за предстоя-
щую зиму, но весь комплекс работ замораживается до
особого распоряжения; вторая — пустить поезд по от-
резку дороги первой очереди из Красногорска в Искер

к десятому августа. Вторую задачу мы решим. Возражения не принимаются.

В заднем ряду опять вскочил Семен Васильевич, размахивая, будто саблей, свернутым в трубочку журналом, он заговорил, что его идея опубликована в журнале.

— У физинструктора Митрофанова оригинальный ум, — горячо говорил Заварухин. — Он способен подбросить множество оригинальных вариантов. Но кому это нужно? Проектный институт оконфузился! Миллиардная выгода тонет в склоке. Начав уже сейчас продвигаться огромными шажищами через тайгу и болота, строители к весне, конечно, уложили бы рельсы до Нефтяных Юрт. Тот, кто не ценит время, укорачивает свою жизнь!..

Выслушав энергичную речь Семена, робот повторил бесстрастно:

— Возражения не принимаются. Продвижение к Голубому озеру замораживается.

— Вы слышали? — почти взвизгнул Заварухин. — Гору золота сбрасывают в тартарары! Миллиард... Целый город взлетает в воздух! Вам не стыдно? Не жалко? У вас сгорают щитосборные лачуги, и вы их спасаете... А тут огромное достояние народное!.. — Семен Васильевич задохнулся от возмущения, поперхнулся, нервно задергал плечами, лицо его перекосилось, наконец он побежал по проходу между рядами, перешагивая длинными ногами через коленки сидящих, у выхода остановился и потряс рулончиком журнала: — Какие вы хозяева? Вы — туфта! Кого слушаете? Это ж не человек — слепая машина! Электронный оракул! — Он махнул рукой в сторону Павла и выскочил из кабинета, хлопнув дверью.

— Саботаж отменяется, — прозвучал бесстрастный бас. — Пожарами занимается старший инспектор пожарной охраны стройки. Сведения о причинах самовозгорания домов на линии сообщайте ему.

Фокин, усмехаясь в пушистые усы, бесшумно и быстро приблизился к столу, за которым сидел биоробот, внимательно заглянул в его помутневшие очки, скрывавшие взгляд хозяина и пропускавшие сквозь стекла только пучки искр, и заговорил, подытоживая разные точки зрения на хозяйственную политику на стройке. Мысль его задержалась возле замершей у Еланского болота техники, покружилась на том участке трассы, где завязло в бездействии множество специалистов; на отрезке дороги с Шестаковским мостом мысль взорвалась гневом из-за неорганизованного досуга молодежи и девичьего сабантуя. В речи московского проверяющего как бы невзначай прозвучали слова об электронном оракуле.

— Обратил я внимание, что кое-кто у вас не прочь спросить о своей судьбе у цыганки или у электронного оракула. Ваша судьба — ваш государственный план! Что он предсказал, то и сбудется. Судьба объявила, что поезд пройдет через Еланское болото десятого августа до станции Искерская. Какие могут быть сомнения? Воля судьбы неумолима, а кто ей противится, того она потащит силой или выбросит на обочину. Судьба — закон, он указывает нам, что дорога пойдет за тысячи километров на Север. — И Фокин, подняв руку, указал ею в окно.

Вдруг Фокин усмехнулся, напомнил собравшимся об одном из Пленумов партии 1965 года, когда смело говорилось об экономической реформе, и вклинился в гущу проблем... Чем больше богатств получает страна, продвигаясь железной дорогой в глубь тайги, тем многогосемейнее должны быть строители этой дороги, а не наоборот... Самопожертвование оправдано, если, погибая, герой оставляет после себя двух и трех последователей — сыновей и дочерей... Зал одобительно загудел. Тихон Ефимович, скрипнув кожанкой, резко повернулся и, сделав несколько шагов, сел на стул.

Глава 14

ВОРОНА

*Ворона серая в обношенной одежде
Из жестких перьев, поднятых торчком,
Что ты сидишь на ели,
За окошком,
По насту не пройдешься босиком?
...И встрепенулась серая на ели.
И заорала — с осени впервой!
И чудеса пошли тут в самом деле...*

Леонид Решетников

«Он опозорит меня», — думала Даша и чувствовала в груди холодок страха. Она догадывалась, муж ушел искать Павла. Тревога за Стрелецкого, за любовь к нему, уже лишенную романтической настроенности, поруганная ночным насилием Луки, которую тот готов безжалостно обнажить перед чужими людьми, рождала чувство опустошенности, обреченности. Даша слышала или читала, что за любовь надо бороться. Что же предпринять? Посоветоваться бы с Зотом Митрофановым... Но стыдно. Да и поздно уже... Вялость, апатия овладели ею. Подошла к телефонному аппарату, позвонила в приемную управления. Зина пригласила Стрелецкого. Какой родной голос... и немного чужой... Какой официальный тон! Почему так короток разговор? Совещание? Конечно, у Павла заботы другого масштаба... Какой информации он ждет от нее?..

«Нельзя раскисать! Действуй, ворона нерасторопная! — понукала она себя, расхаживая по комнате от прихожей к балконной двери, сжимая виски руками. — Соберись с мыслями, разиня!..» Заглянула в настенное зеркало, оттуда на нее смотрело серое существо в черной блузке поверх серой юбки со складкой, топорщащейся мятым хвостом. «А ноги-то какие! — ужаснулась. — Кривые и тощие! И стать — воронья! Самой себе противна. Раззява!» — корила себя. На душе бы-

ло мерзко, мрачно. Вспомнилось предупреждение Зота — внешность обманчива. Зная ловкие приемы обращения в обществе, люди скрывают свои желания, мысли; внутренняя суть каждого проявляется в дни трагедий. В минуту опасности из коры надпочечников в кровеносное русло человека выбрасывается много адреналина, и тогда самые представительные с виду люди поведением своим напоминают трусливого кролика...

Боялась и Даша. Ее пугали последствия: сраму не оберешься... Зашушукаются в кабинетах женщины, хороша, скажут, воспитательница: горлицей летала, да вороной стала, поглядите на ее моральный облик... Быстро разойдется молва по бригадам, по комнатам общежития, размножатся сплетни, вот, мол, она птица какого полета... С позором придется летать в иные места... Метнулась опять к настенному зеркалу, из стекла с рабской покорностью взирало на нее нахотенное существо со взъерошенными перьями. Конечно, разные в организме вырабатываются гормоны. Но кто бы мог подумать, что своими манерами и одеждой Даша камуфлировала в себе печальную униженную ворону!.. Это все Зот виноват!

Воображением Даша представила себе образ Митрофанова. Зот, блаженно ухмыляясь, произнес: «Предупреждал же, что станешь вороной...» — «Да, где-то что-то я проворонила, — согласилась Даша. — И муж раньше срока приехал... Но не жалею о том, что было. Вот дальше-то как?..» Тут ей пришло на ум открыть третий глаз и посмотреть в будущее. Припомнила, что для этого требуется. Ага! Честность. Абсолютная честность и спокойствие! Бесстрастное восприятие событий. А как же Димка? В голове вспыхнул образ белокурого сынишки, и тотчас все мысли улетучились. Но ворона подавила в себе волнение. «Нет! — сказала она. — Не бойся ни позора, ни гибели сына, ни смерти матери, ни прочих страшных катастроф... Сосредоточься и равнодушно внимай!» Мысленно повторяла и повто-

ряла фразу: «Откройся, третий глаз...» И наступил миг, когда она почувствовала, что неведомый нерв высветил в ее мозгу, как на экране, просторное фойе второго этажа здания управления, могучую фигуру мужа в модном пиджаке. Расталкивая людей плечами, Лука ищет в толпе Стрелецкого. Ему показывают на дверь председателя постройкома. На экране сознания Даши высветился кабинет, стол, сейф, на диване — газеты и никого... Через глаз совести она увидела, как Лука заглядывает в другую дверь, сворачивает в закоулок, соображает, что запутался среди людей и дверей... Понятное дело — геолог, а тут не горы, тут кабинеты... Его занесло в приемную. Зиночка нервно охнула: «Ты еще здесь?»

Даша видит его оскорбленное невниманием, табачным дымом, особенно, ненавистным после найденной в квартире под диваном кучки пепла, лицо; разъяренный Лука мчится вниз, на первый этаж, на площадь, где согнано множество машин. «Убить! Убить мерзавца!» — кипит в мозгу Луки. И Даше это хорошо понятно, она ли не знает своего мужа! Она понимает его желание дождаться у подъезда Стрелецкого и ударить его по голове камнем, одним из тех, какими обложена клумба. Муж жаждет драки, жестокой, рукопашной, с кровью и криками, при всех шоферах. Только мстью может Лука смыть бесчестье.

А на асфальте воробьи весело чирикают, они смеются над Лукой; в окна первого этажа на геолога смотрят женщины... Что он делает. Спрашивает у одного из водителей номер коммутатора управления, запускает за пазуху ладонь, вынимает кошелек, выбирает двушки и шагает прямехонько к красно-синей телефонной будке. Там набирает номер приемной Стрелецкого, опять попадает на Зиночку, она ругает его еще раз, но хитрющая девица называет ему номер домашнего телефона Стрелецкого. Не без умысла, конечно! Даша на экране совести отчетливо видит супругу Стрелецкого, бой-

кую, энергичную. Она поднимает телефонную трубку, слушает. «Я геолог, — представляется Лука, — меня обдуривает жена, а вас — муж». Вороне отлично видно, как большая болотная птица швыряет трубку, нервно и бойко шагает по квартире на тощих ногах, быстро крутит головой на длинной шее. В мозгу вороны вспыхивают мысли, те самые, которые вспыхивают в голове цапли, но ей не хочется думать по-цаплински, она переключает внимание на покидающего телефонную будку Луку Петровича. Он постоял на площади, огляделся, и вороне стало ясно: сейчас зашагает домой.

Теперь сама ворона полетит в управление, но не тем путем, где может встретиться с Лукой.

Беспокойство вспыхнуло — экран погас. Третий глаз закрылся.

Она вылетела из квартиры в форточку, метнулась между домами, между балконами, заваленными хламом, завешенными детскими пеленками, штанишками, простынями. Хорошо бы полететь к реке, на пляж, но долг велит мчаться к кирпичному зданию управления, к корпусам общежития. Сегодня обещал прийти в красный уголок сутуловатый богатырь лесоруб Ильяхин. Он приехал по вызову в Красногорск.

Ошулав глазами стену с множеством окон, Даша отсчитала второй этаж, впорхнула в открытую форточку, оказалась над столом в красном уголке. Выйдя из комнаты в коридор, увидела, что пухлая, страдающая одышкой, пропахшая валерьянкой комендант Софья Ермолаевна поджидает ее. Комендант выразила удивление, что Даша уже побывала в красном уголке, хотя на самом деле Софья Ермолаевна ищет ее все утро.

— Где же ты летаешь, ворона? Тебя Корзухин спрашивал, — говорит Софья Ермолаевна, а юркие глазки на одутловатом, пористом лице, тяжелое дыхание, будто за комендантом гнались, выдают хитрость. «Кыш, кыш!» — размахивает ласково руками комендант и гонит ворону назад в комнату. Шелковое мягое платье

на толстом, бесформенном теле Софьи Ермолаевны, ярко намалеванные лягушачьи губы, а во рту язык бо́льшой — не зря шевелится.

«Уже знает, что я за птица», — отмечает про себя ворона.

— У меня беседа с лесорубом, он где-то в коридоре ждет, — каркает жалобно ворона и взмахивает крыльями, чтобы снова вылететь в коридор, но рыхлое тело коменданта закрыло весь проем выхода.

— Посиди, ворона, — смеется Софья Ермолаевна. — Чего тебе с лесорубом беседовать! — и по-охотничьи прищурила глаз.

— Он новенький, из северного леспромхоза. Его мушкетеры за рекорд побили...

— Пускай в милицию идет! — фыркает комендант. — Ты-то тут при чем? Шторы у кастелянши не глажены, а ты все крыльями машешь! Коготки твои ни до чего, кроме баяна, не дотрагиваются.

Торчит комендант в дверях, как пробка. Ворона взлетела со стула, осмотрела комнату и хотела было выскочить в форточку, но тут же прирученно села на плечо Софье Ермолаевне, затарахтела ей на ухо немножко по-театральному, пощекотала клювом дряблую щеку. Однако умаслить начальника не смогла, слышала только за ее спиной тяжелую командорскую поступь. Обрадовалась: Ильяхин! Ан нет! Комендант освободила вход, грузным телом развернулась на шум шагов и впустила в комнату высокую цаплю в темной юбке и пестрой кофте. Даша узнала птицу, которую видела третьим глазом, — это жена Павла Николаевича.

— Ирина Анатольевна! — Софья Ермолаевна наигранно всплеснула пухлыми ладонями. Ворона догадалась: комендант специально расставила здесь силек, чтобы изловить ее.

Цапля в пестрой гипюровой блузе уныло водила длинным носом. Ага! Тоже встревожена! Дождавшись,

когда комендант вышла из комнаты, и, плотно притворив дверь, гостья заговорила:

— Здравствуйте, пташечка, — веки тяжелые, покрасневшие, а голос твердый. Цапля села на стул, а ворона — на подшивку газет, что лежала на столе.

— Не виню вас ни в чем, — голенастая птица заплакала. А ворона подумала: «Какая же я глупая! Нет чтобы подольше посмотреть третьим глазом, знала бы наперед, зачем пожаловала цапля, подготовилась бы к беседе...»

Цапля, часто моргая, хвалила Луку: такой обходительный, волевой, толковый, и не жалела комплиментов юной вороне. Из похвал можно было заключить, что у самой цапли ни крылья, ни пух, ни перья не шли ни в какое сравнение с вороньими. Гостья заголосила, как на кладбище, вытащила из-под крыла платок, утерла глаза, а потом из ее горла зацокало:

— Укротите Ивушкина! Чего он добьется мстью? Вразумите его! Вы же не претендуете на Павлика? Так зачем вам мстить ему? Ваш муж так любит вас! Цените своего супруга, ласточка, не губите и моего, не портите ему карьеру!

«Какая я тебе ласточка!» — злилась ворона.

О позоре семьи, о дочурке, которая любит папу еще больше с той минуты, как он стал роботом, биологической машиной с клавишами, которой легко управлять знающие люди, говорила мудрая высокая цапля. А ворона дивилась: «Неужто?» И не верила, что робот всегда выполняет чью-то волю, а сам ни на что не годен. Хотя супруге, конечно, лучше знать. И все же ворона возразила:

— Он — не манипулятор!

— Он — электронно-хозяйственный мозг! — гордо сказала цапля и высокомерно глянула на ворону. — Он не на транзисторах, а на микросхемах. Очень совершенный механизм пятого поколения. Таких на Западе еще не создано, в Японии их только конструируют. Инте-

гральные микросхемы с памятью двадцать миллионов бит дают колоссальные возможности. И мой робот превосходит по мощности все имеющиеся и проектируемые, а обслуживается биоробот всего одной женой.

— А я? — каркнула ворона.

— При чем тут ты? — удивилась цапля. — Ты ему совершенно не нужна! Я одна справляюсь с этим механизмом! И не науськивай своего мужа ломать дорогостоящую государственную машину!

— Понимаю... вразумлю... постараюсь... — топорщил перья растерянная ворона.

Цапля внушала вороне черкнуть на листе, что, мол, никогда не прикасалась к роботу, то есть Павлу Николаевичу, не имела с ним интимных бесед и что она, ворона, верна супругу и любима им.

— Вы диктуйте. — Ворона облетела обитый зеленым сукном стол, она лихорадочно шарила когтями в поисках карандаша и клочка бумаги, чтобы скорее писать и избавиться от неприятной гостии. Под бурным крылом цапли нашлись и бумага и авторучка. Когда ровный, как у школьной учительницы, голос цапли зазвучал в комнате, носик авторучки в лапе вороны, казалось, сам собою забегал по линейкам листа. Лишь один раз ворона возмущенно захлопала крыльями, отказалась писать, когда речь пошла о Митрофановс.

— О нем зачем же? — недоуменным взглядом скользнула по кружевному оперенью цапли, по тощим ногам и голой голени, удивилась, какие длинные и тонкие у цапли пальцы, а коготь среднего пальца зазубрен и клюв очень острый.

— Мне показалось, что физинструктор вызнал про ваши отношения с роботом и вызвал геолога в город, — разъяснила цапля и шагнула на длинных полусогнутых ногах к столу, вырастая над маленькой вороной. — А может, Семен Васильевич подстроил эту интригу? Добавьте что-нибудь от себя.

Ворона каркнула неодобрительно, ничего добавлять

не стала, а только накорябала свою фамилию снизу, у самого среза листа, и удивилась проворству, с каким цапля схватила лист, сложила его четвертушкой, сунула под крыло, печально улыбнулась, затопала от стола, толкнула дверь в коридор и шагнула на своих длинных ногах за порог, где неуклюже шарахнулась к стенке испуганная и угодливо кивающая ей Софья Ермолаевна. Рядом с комендантом цапля казалась гигантской, она гулками шагами унесла с собой по коридору груз, который горбил ворону.

Софья Ермолаевна незаметно удалилась по коридору, а ворона, боясь мельтешить на глазах у людей, схватила ключ и заперла дверь красного уголка. В удивлении она опять попыталась открыть третий глаз, но была так возбуждена, что веко третьего глаза не подчинялось ее желанию. Ну что ж... Ворона вытащила из сумочки кругленькое зеркальце, заглянула в него и там, к своему удивлению, обнаружила привычное выражение лица. Кожа щек и носа смуглая, гладкая. Какое счастье видеть себя с привычной прической, даже в шелковой кофточке с вырезом на груди!.. Какое изумительное счастье опять выйти в коридор добропорядочной воспитательницей, строгой наставницей и послушной коменданту служащей. Слева: «Здравствуйте, Дарья Федоровна!» — и справа: «Приветик, Дарья Федоровна!»

Даша быстро сбегала с этажей вниз, выскочила на площадь возле управления, а там улыбающийся комсорг подмигнул ей, сообщил, что сегодня день начался подготовкой к встрече возвращающейся из тайги, с Шестаковского моста, бригады бетонщиц Галины Жуковой; Вадим Алексеевич уже повидался с лесорубом Ильюхиным, похвалил Дашу за отменного рекордсмена, мимоходом предложил воспитательнице слетать в командировку в Ленинград, поискать конструкторское бюро, которое возьмется создать специально для стройки грузовой дирижабль, но, не увидев в глазах Даши восторга, посоветовал ей тотчас обежать все этажи об-

щсжития, собрать отдыхающих парней и девчат, чтобы ехали автобусами на железнодорожный вокзал встречать бетонщиц...

Помня, как еще несколько минут назад она была обыкновенной вороной, Даша стремительно взлетела на четвертый этаж корпуса женского общежития, тут, в комнатах, перегороженных ширмами, всегда можно застать кого-нибудь из молодых матерей, а то и спящего в простынях мужчину... По распоряжению коменданта мужчин следует изгонять из комнат, особенно вечером, после одиннадцати часов, но сделать это чрезвычайно трудно, потому что мужчины считают себя мужьями живущих здесь женщин и даже отцами ребятишек, хотя здесь не прописаны.

...Двое суток прошли для Даши нормально. Она ходила на службу; беседовала с жильцами комнат; мирилась ссорящихся девчат; успокаивала матерей, отчаявшихся в ожидании отдельных квартир, уверяла их, что они будут жить с мужьями, что у детей будут отцы; танцевала на площадке в саду, хотя дома ее ждал Лука Петрович.

Лука Петрович съездил в поселок, где позабавлялся с сынишкой Димкой, поел овощей в огороде и вернулся в город; каждое утро он бегал на пустырь делать зарядку и купался в реке. И казалось, что все в семье устоялось, геологу необходимо возвращаться в свою экспедицию на Север. Но в чувствах Даши было неспокойно, в ней происходили какие-то неясные процессы. Когда она осталась вечером на танцевальной площадке, наблюдая за порядком, она избегала попадать на глаза некоторым девушкам... Не хотелось ей возвращаться домой, она боялась притворного семейного благополучия. В темном уголке сада сидела на скамейке за густыми ветвями широколистного клена, здесь было прохладно и спокойно. Долетали приглушенные звуки музыки с танцплощадки. Она уже догадывалась, что хотя для девушек из бригады Галины Жуковой она еще вос-

питательница, но для себя она притворщица: ее лицо закрыто плотной маской, нутро закамуфлировано платьями приличия, и многие об этом уже догадываются.

В конце дня Даша, как обычно, залетела в комнату горничной и спросила о Зоте, и толстая румяная кастелянша, оглядев воспитательницу с ног до головы, вдруг всплеснула руками. Даша глянула на свои ноги и ахнула: из босоножек торчали корявые вороньи пальцы. Она обратила внимание, что ее вороний облик заметили проходившие мимо девчата, из каждого угла на нее смотрели с удивлением и любопытством, а некоторые и с укоризной.

В коридоре Даша натолкнулась на расфуфыренную — пузырь взбитых кудряшек, — напoмаженную Галину Жукову. Маленькая, как зайчик, в коротенькой юбочке и розовом свитерочке, в накинутом на плечи незастегнутом плаще, благоухала духами, и золотой зуб ее сиял слишком ярко... Кинулась к Даше с возгласом:

— Как приятно видеть тебя в натуре!

— Что ты имеешь в виду? — опешила воспитательница.

Бойкая, восторженная Галка, прищурясь, порывисто зашептала ей на ухо, что все девчата догадываются, что Даша — ворона, только в другом оперенье, а теперь, когда Даша ходит в своих перьях и не скрывает этого, — даже пикантно.

— Я спешу на парашютную станцию, а завтра улетаю в Ленинград, — объяснила Галина. — Я слышала, что ты хвастаешься дружбой с исполняющим обязанности начальника строительства товарищем Стрелецким.

Даша попятилась от Жуковой:

— Ты в своем уме, Галка?! Где я хвастаюсь?

— Преследуете его вместе с мужем, сам Павел Николаевич говорил. — Галина отвернулась к окну, в которое хлестал откуда-то взявшийся дождь, и струи, извиваясь, сбегали по стеклам, просачиваясь в щели, увеличивая лужицу на подоконнике. Покрутив перед гла-

зами вороны часиками на запястье, утерев шершавым пальцем слезу на вороньей щеке, Галка строго сказала: — Не реви! Не поверят! Нас награждали, и мы с поварихой подвалили к Павлу Николаевичу. Он сам объяснил, что ты, ворона, его преследуешь.

— Это Лука его преследует, мой муж! — задыхнулась от возмущения ворона.

— Зря не каркай! — Галка крепкими, цепкими руками обняла плечи вороны. — Улетай куда-нибудь. Вон Женя-повариха беременна от Кваши, она ни от кого не скрывает левой любви, уволилась и устроилась в городское кафе. Она в своем наряде ходит, а ты в чужом. Предупреждала же я тебя, не рисуй карикатуру на Ухватова, засудят его... Теперь его арестовали, и бетонщицы будут смеяться над твоим опереньем, пока не привькнут. Хорошо, что здесь нет Ванды... Ты забыла ее? Она в больнице. Ходили они с Дрыгиной в мехколонну, помнишь? Катерине хоть бы хны, а Селедкина простудилась, у нее воспаление легких.

«Так я все-таки ворона». Оставшись одна в коридоре, Даша принялась обчищать и общипывать перья. Конечно, никакими платьями этого не скрыть!

Вышла на улицу, а тучи обложили город. Лил косяй дождь. Силуэты зданий едва просматривались. Дождь долбил частыми струями комья глины на ухабистой осклизлой дороге; по уклонам, извиваясь, бежали потоки. Ворона летела по каменному коридору улицы между мокрых корпусов зданий, под нею, внизу, плелись полуреальные силуэты прохожих, затененных зонтами. Колеса машин окатывали брызгами плащи и ноги бегущих людей. Вороне это не угрожало. Но лететь было тяжело: порывы ветра меняли наклон крыла, того и гляди швырнет к земле и шмякнет об асфальт. Взмахивая крыльями чаще, регулируя полет хвостом, все-таки добрались до здания кафе. Кирпичный корпус, а сбоку стеклянная пристройка. Села на край железного ящика для мусора, посидела, вспорхнула и осто-

рожно влетела в черный проем двери. Это был черный ход. В коридоре толкались грузчики в спецовках, они удивились, что ворона залетела к ним, спасаясь от дождя, и не стали ее прогонять. А ворона, зорко наблюдая за всеми, обнаружила дверь в кухню и, как только она растворилась, промчалась туда, там увидела Женю-повариху в белом, с темными отметинами жира халате. Та оглянулась на карканье, подбежала к вороне, бодрая, полногрудая, распаренная жарой, обдала ворону смесью запахов тушеного мяса, жареного лука, острой подливки и еще чего-то.

— Кыш! — закричал кто-то на кухне. А Женя протянула вороне руки, показала жестом, чтобы она садилась на спинку стула возле стола, потом поманила в другую комнату, где за застланным белой скатертью столиком курили две молоденькие официантки в кружевных чепцах. Ворона села с грязными лапами прямо на белоснежную скатерть.

— Что с тобой? — притворно беспокоилась Женя. — Поедим, согреешься. — Она осмотрела ворону, погладила по перьям, удивляясь, какие бывают с людьми превращения.

По знаку поварихи на столе, как на сказочной самобранке, возникли тарелки с душистым мясом, чашечка кофе, мягкий хлеб. А вороне есть не хочется. Узнать бы только, как отзывался о ней вчера Павел Николаевич. Хихикая, Женя опять подмигнула официанточке — и на стол поставили стакан со сметаной.

Женя осторожно дотронулась до вороньей лапы:

— Ложечку тебе дать или будешь совать клюв в стакан? — спросила она.

Ворона обмакнула нос прямо в стакан, высоко подняла голову, проливая сметану в горло, негромко каркнула: «Хорошо!»

— А слыхала? — сотрясаясь грудью от разбиравшего ее смеха, заговорила Женя. — Зот вошел к девчатам в комнату, попросил напиток, а ему, дескать, пей

в стакане на подоконнике. Он хоп — и сглотнул. А то женское молоко, для младенца сжеженное. Вот тебе и экстрасенс!

Вороне это совсем неинтересно. Ее раздражает, что она окружена черепушками, шкварками и веселым смехом. «Карр!» — сказала она строго.

— Чего карр? — не поняла Женя и опять прыснула. — Послушай... — Женя не могла сдержать душившего ее смеха и, запрокинув голову, раскатисто захохотала, — Дрыгня требует с Зота алименты! — наконец выговорила, переводя дух.

— Карр, — ответила ворона.

— Истина! Клянусь тебе, истина! Она уже в народный суд заявление по почте послала. Если Зот не женится на ней, то принудит его платить на ребенка. Катю знаешь! Она не оборотень! Она такая и есть, как есть. Видела бы ты, как она на реке охмуряла его! Он девчат плавать учил, а Катя кричит: «Тону! Тону!» Зот бросился на помощь, Катя вскакивает — воды ей по пояс, а сама без купальника...

— Карр, — неодобрительно ответила ворона.

— Чего заладила: карр да карр! — Повариха утерла вороне нос бумажной салфеткой. — А я-то думала, ты из другого теста, не такая, как мы... Лапы грязные, перья мокрые...

— Не горюй, ворона! С мужиками ухо держи востро! Учись у Сонечки Бородай: через Пашку жениха в начальники провела. А Пашка-то, ха-ха! Робот! Слыхала? Ворона мотала головой.

— Не понимаешь, что ли? Электронно-хозяйственный мозг. Говорят, очень дорогой механизм! А ты к этой машине и подкатилась, ворона! Глупая птица. Кваша у меня тоже счетно-решающее устройство, жениться не может на мне. Не положено... Мужиков стали переделывать в механизмы! Понимаешь? Они работают строго по программе, а все, что сверх программы, у них наперекосяк выходит... Для семьи эти манипуляторы совер-

шенно непригодны! Я тайно захожу к нему в квартиру, кое-что подверну, потру тряпочкой, почищу... Где, спрашиваю, жена? А у него и жена вроде слесаря, плохо содержит механизм в рабочем состоянии. Я ей помогаю на общественных началах... А ты что же, хотела Стрелецкому жену заменить? Это ему по штату не положено!

— Карр! — возразила ворона.

— Не карр!! — топнула туфлей Женя. — Если бы я была на твоём месте, то потребовала бы от работа, чтобы он послал меня заведовать Домом культуры на лесной станции. Там вороне раздолье, никто тебя не знает и не осудит...

Дальше ворона уже не слушала. А Женя весело хвалила супермальчиков, которые скоро ввалятся в кафе, какая обалденная заиграет музыка в танцевальном зале; тут легко забыть не только о хозяйственном механизме, но и о муже...

А ворона ходила вразвалку по белой скатерти, оставляя лапами грязные отпечатки, схватила клювом из блюда конфету в блестящей обертке, взмахнула крыльями и вылетела через открытую форточку на улицу под дождь.

Глава 15

ДОПРОС

*Нам судьба
Путей не открывает: ни наукой,
Ни хитростью ее не купишь тайн,
Сообрази же и веселись. За кубком
Хоть день, да твой, а завтра, чье-то завтра?
Е в р и п и д*

С мокрыми перьями и слипшимся хвостом ворона влетела в подъезд дома, огляделась, нет ли собаки или кошки: они теперь опасны для нее. Перепархивая с пе-

рил на ступеньки лестничного марша, добралась до третьего этажа. Дверь квартиры не заперта, шагнула в прихожую, и защелка замка стрельнула, как сторожок капкана. В большой комнате, кроме мужа, гость — бородатый Сергей Афанасьевич Кваша восседал на полу, на медвежьей шкуре. Он держал на коленях ее сынишку Димку, одновременно брал одной рукой с расставленных на полу тарелок перья лука, куски хлеба и попеременно толкал их в свои волосы на лице, где, кроме осколка носа, была и дырка, называемая у нормальных людей ртом.

— А, ворона, здорово! — приветствовал он Дашу. Две точки шалых, беззастенчивых глаз блеснули из обильной растительности. — Слыхала? Стрелецкий, оказывается, не человек, а биоробот! — И он захохотал ернически, с озорством поглядывая то на ворону, то на Луку, стоящего в майке у балконной двери; при электрическом свете бицепсы у Луки особенно эффектны, словно бы у мраморной скульптуры дискобола.

Ворона обтерлась полотенцем в спальном комнате, забрала с колен Кваши сынишку, унесла на кровать, укутала разомлевшее тельце одеялом. А Сергей Афанасьевич развлекал Луку байками, но делал это так, чтобы слышала и летающая по комнате ворона.

— Чем отличается ЭХМ от человека? — шутил Кваша, колотя каблуками сапог по полу. — Электронно-хозяйственный мозг, воплощением которого является Стрелецкий, принадлежит к пятому поколению ЭВМ, он облусовывается одной женой...

«Глупый анекдот! — оскорбилась ворона за Павла Николаевича. — Я уже слышала это от цапли...»

— Робот примитивен, а человек посложнее, — продолжал философствовать Кваша. — Пожаловал ко мне в гости один сухонький старикашка, принес с собою листок-схему. Это, дескать, карта полезных ископаемых. «А как ты ее создал?» — спрашиваю. Оказывается: за-

клубится над лесом и над садом туча, старичок срочно гонит свою старуху в баню, усаживает ее у окошка с секундомером, а сам занимает позицию под крышей в ограде; оба наблюдают электрические разряды, засекают на местности точки, куда туча мечет молнии, отмечают эти точки на бумаге. Где упала молния, там ищи железную руду или молибден, титан... Вот оно, творчество народное! — Кваша аж подпрыгивал на медвежьей шкуре и хлопал в ладоши. — Никакой ЭХМ до такого не додумается!

Ивушкин тоже хохотал у балконной двери самозабвенно; дождь хлестал в черном проеме открытой двери, брызги залетали в комнату и обдавали сыростью голые плечи и руки Луки Петровича, он не замечал дождя. Не зная, как прервать беседу мужчин, ворона подошла к телевизору и включила его. На загоревшемся экране, в дрожащем мареве, к удивлению всех, проступили знакомые полукружья очков...

— Это он! Он! — заорал Сергей Афанасьевич, от возмущения вскочил, подбежал к телевизору. Густой негромкий бас заполнил комнату — на экране с какой-то трибуны говорил робот. — Во гад! — бормотал негодующий Кваша и крутил ручку регулятора настройки, четче проявляя брови, волосы и губы Стрелецкого.

Дашу словно молнией озарило: и как ей могло взбрести на ум, что она была воспитательницей? Она бочком отпрыгнула от телевизора, потеряла клюв о жесткую лапу; за окном раздался раскат грома. Лука Петрович прошел от балкона к телевизору, со злостью разглядывал робота, будто тот ворвался в квартиру. А Сергей Афанасьевич исходил возмущением:

— Медь твою колчедан! — и то убавлял громкость, то прибавлял ее: экранный герой то немел и беззвучно перебирал губами, то громко вскрикивал. Но этого Кваше было мало, он стал искажать изображение, перекашивал физиономию оратора, сам кривлялся, стро-

ил отвратительные гримасы, грозил экрану кулаком, приговаривая: — А я ему крышку сомну. И поеду с тобой, друг Лука, в горы... Забирай жену и сына, Лука, забирай в поход! Землетрясения миллионы лет перетряхивают в огромных мешках камни, и никакой ученой холере не разобраться в обломках. А ты, брат Лука, ты молоток! Я брошу мою мехколонну и пойду с тобой в горы. Возьмешь меня? Но сперва мы разобьем робота его зеркало души...

Не вмешиваясь в воинственную фантазию Кваши, ворона полетела в спальню, думая, что мужчины сами уgomонятся, а ей надо выспаться. Но из большой комнаты доносились все более воинственные речи:

— Неужто ты, брат Лука, уедешь в горы, прежде чем мы отомстим за поруганную честь твоей семьи? — топал сапогами Кваша. — Этому роману придадим нужный конец! Муж Сонечки прошлую любовь жены в упор не видит... Простил. А ты? Может, в горах тоже какую кралю-хохотушку завел?

Лука в негодовании загнул матюком.

— Тихо, брат, тихо. — Сергей Афанасьевич ходил гулко по комнате, слышно было, как он чиркнул спичкой о коробок, закуривая. — Нужна улика... Нужен свидетель, который подтвердит, что робот соблазнял твою жену... Понимаешь? — Ворона слышала, как Сергей Афанасьевич сел на диван, звонко брякнув то ли ключами, то ли разменной мелочью. — Мы вызовем сюда Митрофанова! Согласен? Он даст показание — робот гад! И тогда, имея свидетеля, мы подадим на электронный мозг в суд за соращение... А? Была Да-ша женщиной, теперь ворона...

Муж бормотал что-то невнятное, вроде бы соглашавшись с Квашой.

— Призовем Митрофанова, и я его спрошу! — гремел Сергей Афанасьевич. — «Ты, друг, Зот, сослуживец воспитательницы, видел, как робот нарушал гражданский кодекс строителя? Видел? Конечно!» У геолога

работа государственная, в горах, в лесу. Честь жены ему священна. Если не станем оберегать семью, то что станет с героями поля? Что будет с их семьями? — Фразы звучали у Кваши высокопарно, но искренне и без насмешки. — Я слышал про Митрофанова, что он не женился потому, что от него во время свадьбы сбежала невеста, он ей нечаянно наступил на подол платья. Обиделась! Примета плохая. Теперь про физинструктора разные сплетни... Вот я его и прижму фактами! Он даст любые показания! Как, брат Лука?

Бормотание Луки выражало согласие.

— Я спрошу физинструктора: «Ты маг или шарлатан?» Если он предсказывает будущее, то пусть посоветует, как уничтожить ЭХМ? Этот электронно-хозяйственный мозг запрограммирован отдавать команды и обманывать доверчивых жен. Самого Зота подозревают в поджоге поселков. Если сломать, испортить ЭХМ, это спасет и самого Зота от позора, — рассказывал по комнате Сергей Афанасьевич. — Мне приказано форсировать сфагновое болото, Еланское болото! А взгляни на улицу, Лука. Там дождь! Ливень не прекращается, самолеты не летают, а я пошлю экскаваторщиков копать болото? Ни за что! Лучше пережить стрессовое состояние, два выговора и увольнение, но не такой приказ! Я выторфовку делать не стану! Я дождусь хорошей погоды. Лучше мы разрушим ЭХМ, отвинтим у него какой-нибудь шуруп, сломаем, испортим, бросим внутрь машины гайку, и ЭХМ забарахлит... Верно, Лука?

Ворона, слушая бесконечный монолог, медленно проваливалась в сон. Но сон был чуткий, она пробуждалась и слышала вновь и вновь, как Сергей Афанасьевич и Лука обсуждают план разрушения робота.

— Ты, брат Зот, — уже обращался Сергей Афанасьевич к физинструктору, которого, ворона понимала, в квартире и быть не могло, — не уваливай от ответа. Неужели ты хочешь простить донжуана? Волк попался

в капкан. Его нельзя выпускать! Убить! Убить его! Кровопролитие и тюрьма — все годится. Назови, брат Зот, кто еще видел, как жена этого геолога запиралась в купе со своим совратителем? Дай нам в руки улику! Мы понесем ее в суд, мы опубликуем ее во всех газетах! Мы должны сломать ЭХМ. Биоробот пятого поколения не человек, мы не будем ему подчиняться...

Тут сон совсем сморил ворону... Ей снился иной мир и другой мужчина. Она видела себя студенткой музыкального училища, стояла возле рояля, а за ним сидел ее педагог — невысокий, плотный юноша с голубыми глазами. Он был на несколько лет старше Даши, уже окончил Ленинградскую консерваторию и приехал в Красногорск преподавать... Не скрывая своей влюбленности в Дашу, педагог, аккомпанируя на рояле, задушевно пел ей романсы. Это были чудесные минуты... И вот педагог заговорил о великом артисте Николае Константиновиче. «Кто такой Николай Константинович? Дашенька, ты не знаешь Николая Константиновича?.. Это был прекрасный оперный певец! Ты о нем не слыхала? Однажды певец исполнял партию Германна в «Пиковой даме» Чайковского, и в сцене, где офицер Германн, убив старуху, помутился в разуме, он запел так, как никогда и никто не мог раньше... Друзья, находившиеся в ложах, испугались за психическое состояние артиста, им показалось, что он помутился в рассудке. Он же, Николай Константинович, высокий, красивый, закончив партию, щедро улыбался... Он утаил тогда от всех свою страшную по эмоциональному воздействию находку. Работая над ролью безумца, певец ходил в дом умалишенных, наблюдал за поведением больных и уловил тончайшую особенность в их поступках: жесты и мимика у больных не совпадают с логикой слов. Этот разлад, заключив в пластическую форму, артист вынес на сцену для публики. Зал неистовствовал, не понимая тайны эффекта».

Закончив рассказ об артисте, преподаватель вышел

из-за рояля и приблизился к Даше. «Будь моей женой», — сказал он ей. Все, что Даша испытала несколько лет назад, повторилось теперь во сне, только в еще более ярких красках... Звучала волшебная музыка... Преподаватель протягивал руки.... «Игра — это не только техника. Люди знают слова, но не всякого хочется слушать. Я сделаю тебя первоклассной пианисткой... Ты хочешь этого?» — «А где же великий артист?» — спросила Даша. «В годы войны он оказался на территории, занятой немцами... Гитлеровцы наступали на Ленинград и артиста застали на даче... И он согласился петь за кусок хлеба в рижской опере...» — «Ах, он предатель!» — воскликнула Даша. Педагог шутливо ловил ладони Даши, она сердито отталкивала его руки. Он рассказывал, как Николай Константинович вернулся из Риги в освобожденный Ленинград, как его арестовали и как он работал банщиком в северном городе, потом опять пел на какой-то провинциальной сцене... «Предатель, предатель», — шептала Даша, вырываясь из рук педагога. «Талант артиста угасал, жена и сын погибли». — «Предатель, так ему и надо!» — шептала Даша во сне.

Открыв глаза, она опять услышала горячую речь Сергея Афанасьевича:

— Об отъезде, брат Лука, не хлопочи, погода летная, я тебе самолет под окошко подкачу!

Глянула на часы — уже утро. Вышла из спальни. Муж в майке расхаживал по комнате, сжимая и разжимая кулаки, лицо серое, щетинистое, глаза безумные. Сергей Афанасьевич лежит на шкуре в пиджаке и сапогах. В распахнутую балконную дверь пробиваются ветер и шум дождя.

Кваша проворно поднялся с пола, ключи или мелочь зазвенели в карманах, он подвалился к телефонному аппарату, быстро манипулируя пальцами, набрал на диске цифры.

— Алле! Совет спортивных обществ... Это чья квар-

тира? Ага! Ты знаешь физинструктора комитета профсоюза железнодорожников... да, да, Митрофанова!

По-хозяйски обсуждая с кем-то, как отыскать инструктора по физкультуре, Кваша дал адрес квартиры Ивушкина, говоря, что Зота ждут здесь безотлагательно. Ворона не верила своим ушам: тут готовилась какая-то расправа над Стрелецким, привлекался Зот... Но не мог он быть соучастником! Усевшись на медвежью шкуру, Кваша опять сучил ногами и, выпячивая живот, весело звал предполагаемого Зота: «Иди сюда, сын мой!» Выскочивший из спальни Димка, увидев веселого Квашу, смеялся.

Пропел мелодичный сигнал дверного звонка; Лука пошел открывать дверь, и ворона увидела: в прихожую шагнула знакомая фигура в мокрой курточке и сапогах — такой же огромный, как муж, только совсем белесый Зот. Он остановился там, где прихожая заканчивается и дверь открывает комнату. Смешанные чувства, как шквал звуков, обрушились на ворону, она не знала, что сказать физинструктору, желая предупредить его о цели мужчин использовать доверчивость Зота и боясь их расправы, ей хотелось повиниться во всем, крикнуть Митрофанову: «Ты видишь, кем я стала? Я доверилась своим чувствам и Павлу. Я ошиблась...»

— Проходи, проходи, друг! — Кваша указал жестом вошедшему на диван, сам сделал знак Луке, чтобы тот орудовал на кухне. — Догадываешься, зачем тебя пригласили?

Митрофанов стоял невозмутимый, как всегда свежий, розовый, на его белых волосах, бровях и бородке поблескивали капли дождя.

— Вот он, будущий первопроходец! — Кваша указал на голозадного Димку, который возился с игрушкой на полу. — Его нельзя оставить без папы и без мамы! А робот сделал женщину вороной.

— Сергей Афанасьевич! — не выдержала ворона. — Зачем вы издеваетесь надо мной!

— Помолчи, ворона! — прогудел из кухни Лука. — Иди в спальню...

— Мы не собираемся демонтировать робот и прятать его части в поленнице дров, — продолжал Кваша, — но священная месть необходима. Электронный мозг совсем нас извел. Он разрушает нашу инфраструктуру...

Зот, как показалось вороне, моргал с улыбочкой, соглашаясь с Сергеем Афанасьевичем, и этим поощрял того.

— Ты, дорогой друг, имеешь прогностический дар... Ты гений, знаешь истину, предвидишь будущее, и тебе известно прошлое... Помогите разломать ЭХМ!

Не теряя самообладания, Зот медленно поднял руку, показал Сергею Афанасьевичу ладонь, потом медленно повернул ее так, чтобы увидели Лука Петрович и ворона.

— Слова используются, как яркие платья, для прикрытия тайных намерений, — проговорил он тихо, но внятно; вороне почудилось, что он блаженно засмеялся. — Люди руководствуются в жизни не теориями, а личными интересами, не истинами, а желаниями. Искусство красноречия, метафорический язык позволяют разыгрывать маскарады, вовлекать в игру воображения простаков или бойких говорунов, целые толпы людей и даже народы... Ради своих скрытых целей создаются мифические города счастья, внушается вера в то, что сзади находятся неприступные крепости знаний. Миражи окутывают сознание. На маскараде пестрых слов шныряют и обдeldывают делишки оккультисты, шарлатаны, астрологи, медиумы, цыганки, гадалки, теурги, шуты, лжефилософы и хитрецы... Вы пригласили меня строить ложные аэродромы, маскировать ваши цели, устраивать представления для публики...

— Чур! Чур! — замахал руками возмущенный Кваша. — Что ты мелешь! Только подтверди, что видел, как Стрелецкий совращал замужнюю! — Кваша выки-

нул руку в сторону вороны. — Нужна улика! А ты видел, как робот запирался с нею в купе вагона... Видел? Мог видеть!

— Веру внушают с детства, ее вбивают угрозой, — пожал плечами Зот. — Я служу только истине, — и вернулся, чтобы уйти.

Кваша вскочил на ноги и, грохоча сапогами, звеня чем-то металлическим в карманах, кинулся к Зоту, цепляя его ручищами за плечи:

— Стой, друг! Ты от нас так не уйдешь!

Ворона испугалась за Зота: муж и Кваша, не спавшие всю ночь и планировавшие какое-то мероприятие с участием физинструктора, не могли отпустить его так скоро.

— Ты жег хутора на линии! — Кваша держал за руку Зота. — Ты распространяешь слух, будто бы можешь читать чужие мысли и внушать нам свои! Это преступно! Мы за это тебя за ушко да на солнышко...

Плечи Зота расправились, он вытянул шею, поднял голову, и ворона увидела, как Квашу словно неведомой силой отшибло от физинструктора.

— Я служу только истине, — медленно повторил Зот.

— Ха-ха! Слуга истины! Сатана! — заорал Кваша.

«Кваша не может поверить в честность Зота», — догадалась ворона, думая, что надо было как-то помочь Митрофанову.

— Ваши желания тоже истина, но это ваша истина, — проговорил Зот. — Вы верили, что я должен прийти к вам, и я пришел. Наука, когда она абсолютно честна, предсказывает затмение Луны, метеоритный дождь, плохое самочувствие, связанное с влиянием изменяющейся атмосферы, урожайность полей, указывает на болезни, строит ракеты и ведет их без катастроф во Вселенной... Мы многому верим и не ошибаемся, заглядывая вперед на день, на год, на всю жизнь. Благодаря истинным знаниям можно предсказывать...

— Благодаря третьему глазу! — перебил Зота Кваша.

— Благодаря третьему глазу можно предвидеть все, что угодно, — подтвердил спокойно Зот. — Тут нет никакой мистики, ибо есть процессы систем, они свершаются неумолимо... Я не в силах их предотвратить...

— Ага! Сценарий нашей жизни записан в наших генах! — обрадованно вспомнил Сергей Афанасьевич. — А мы только играем роль, которая кем-то была уже сыграна! Так?

В этот момент в открытой настежь балконной двери сверкнула молния, и вороне показалось, что на балконе взорвалась бомба. Наступила тишина. Когда же страх прошел, ворона увидела, что все спят. Лука Петрович откинулся на диване, смежив глаза, он держал на коленях спящего Димку, который свернулся у него в руках калачиком; Кваша спит на медвежьей шкуре, вытянув ноги в сапогах, а сама ворона сидит на полу возле косяка двери, ведущей в спальню. «А где Зот? — Ворона крутила головой. — Не приснился же он!» Она клюнула мужа в руку, но проснулся первым Димка. Раскрыв глазенки, мальчуган стал громко звать дяденьку Зота, но того нигде не было. Очнувшись от забытья Лука Петрович и Кваша, тоже недоумевали: неужто их усыпил Митрофанов? Оба помнили молнию за балконной дверью и оглушительный раскат грома...

Смушенно и стыдливо усмехаясь, Лука Петрович признался, что успел увидеть во сне то, что с ним когда-то было, будто речка вышла из берегов. «Эй, начальник, масло утопло!» — кричала ему повариха. И Лука помнит, как сунул ноги в раструбы сапог, как шагнул из палатки в крошечную тьму под проливной дождь, как, перевязав себя для страховки веревкой, вступил в ледяную воду, она обжигала ноги, охватывала кольцами тело, и он нырял и выбрасывал фанерные ящики с маслом на берег, а повариха, дергая за верев-

ку, торопила его не мешкать в воде, а то простудится...

— Все это увидел как будто бы вторым зрением, — сказал Лука. — Сам себя наблюдал со стороны... Героем был. Никто меня за это даже не отметил... Что бы это значило?

Кваша в задумчивости поскреб лохматую голову.

— Мстить робота не будем? — Он сощурился, уставившись на Луку Петровича. — Знамение, что ли?

— А хрен его знает! — досадливо сказал геолог. — Этот, который исчез, сказал, все произойдет само собою... — И оба, Лука и Сергей Афанасьевич, расхохотались.

Не смеялась только ворона. Она подскочила к настенному зеркалу, убедилась, что все в порядке: крылья чистые, перья гладкие, хвост торчком, черный бант украшает грудь. Не оглядываясь на мужчин, она скакнула по комнате разок-другой, запрыгнула на ограждение балкона, полетела в дождь над улицей.

«Правильно говорит Зот, у каждого свои интересы. У них — свои, у меня — свои», — думала она, взмахивая крыльями и руководя хвостом, чтобы не сбиться с пути. Добралась до общежития. Форточка красного уголка закрыта — какая досада! Если влететь в общежитие через общий вход да еще мчаться по коридорам, все увидят, что ворона пробралась... Но другого пути нет. Она прижалась на крыльце в уголочке, выжидая. Когда девушки отворили дверь, ворона юркнула между их ног, проскочила в темный тамбур, пересидела там несколько минут и прокралась в красный уголок.

Заперев дверь комнаты изнутри на ключ, взялась когтистой лапой за телефонный диск. Она знала, что голос у нее стал резким, робот ее карканье может не разобрать, но надо попытаться объяснить ему ситуацию, выслушать его распоряжение.

К большой ее радости, секретарша Зина без задержки соединила ее с Павлом. Она узнала его голос, но он был странный: басовитый, холодный и бесстрастный — механический голос.

— Ждите ответа, — сказал он, по-видимому очень занятый. А потом добавил: — Заявки и предложения по совершенствованию стиля и методов руководства подаются в отделение НТО.

— Паша! Радость моя! — Ключ не позволял выговорить слова внятно, но ворона постаралась вложить в голос всю нежность; рассказать о терзаниях и тоске ей мешала тревога: оглядывалась на дверь, вдруг кто с той стороны подслушивает...

— По личным вопросам — по вторникам, с двух до пяти, — услышала она; и унылые гудочки закурлыкали в ухо.

А вороне так хотелось предупредить Павла о намерениях мужа, о происках Кваши, о том, что в квартире у нее был Зот Митрофанов. Но и вторично, дозвонившись до робота, она услышала в ответ машинный голос: сдавленный, глухой, потусторонний.

Нет, решила она, я буду звонить тебе бесконечно, пока ты не вспомнишь обо мне, не заговоришь со мною по-доброму. «Врут и Кваша, и цапля, и повариха Жения, будто ты электронно-хозяйственный мозг! Это сплетни! Анекдот! Клевета! Ты же умница, Паша. Ты моя единственная радость. Не могла в тебе ошибиться! Не может твое отзывчивое сердце превратиться в механизм...»

Но все ее усилия выжать из робота живую ноту закончились ничем. «Ждите ответа, — повторял он. — Саботаж отменяется. Мы прорвемся через Еланское болото!» Изумленная его запрограммированностью, возмущенная, неотзывчивостью и бесчувственностью, ворона прислонилась спиной к отопительной батарее и в беспомощности заплакала: «Что делать дальше? Как жить?»

Глава 16

ГЕРОИЧЕСКИЙ ШТУРМ

*Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Очи навек недостижимы.*

Николай Гумилев

Все дни в присутствии московского проверяющего биоробот решал логические задачи, которые ставил перед ним Тихон Ефимович. Теперь же, сопровождая московского гостя на железнодорожный вокзал, прогуливаясь с ним по перрону возле вагона, биоробот осмысливал информацию, не касающуюся ни строительства железной дороги, ни приезда Дашиного мужа.

— Судьба — это связь причин, скрепленных между собою так, что каждая предыдущая порождает последующую, — развивал мысль Тихон Ефимович, с прищуром вглядываясь в непроницаемое лицо биоробота. — Чем значительнее личность, чем за большее ответственна, тем в большей степени способна влиять на конечный результат.

Биоробот, задумчиво поглядывая на Тихона Ефимовича, признавался себе, что не понимает Фокина: смена дня и ночи происходит фатально, весеннее тепло неизбежно дает толчок пробуждению семян, цветению растений — причины закладываются каждую минуту, каждую секунду, число вариантов последующих событий непредсказуемо...

— Электронный оракул способен проигрывать миллионы вариантов, — заметил Тихон Ефимович. — Он и создан для того, чтобы выбирать наиболее результативный.

— А кто вложит в электронный мозг все варианты? — Биоробот отпнул подвернувшийся камешек. — Каждое из наших действий является причиной послед-

ствий: не разгляди камешка — и подвернешь ногу. Случай способен изменить строго спланированное, направить события в неожиданное русло.

— Фатализм какой-то, — в знак несогласия покачал головой Фокин. — Полководец должен видеть далеко, ожидать засаду, предвидеть коварство врага...

— Игра случая не подчиняется законам логики, иначе мы бы моделировали мировые события и творили историю по плану. Если допустить, что будущее — множество вариантов, то остается надежда, что кто-то, перебрав все варианты, в состоянии обнаружить единственно верный. Но в том-то и дело, что неожиданный случай способен смешать все карты... — Высказав эту мысль, биоробот успел подумать о том, что прибытия геолога Ивушкина следовало, конечно, ожидать, но столь скорого его появления невозможно было предвидеть...

Тихон Ефимович внимательно посмотрел в лицо биоробота и заметил:

— Очень мрачный у вас сегодня взгляд на жизнь. Многие события находятся в наших руках. Как врач, угадывая последствия болезни, освобождает больного от них, так и мы предотвращаем нежелательные процессы на производстве. Разве не так? Суеверие, страх и другие волнения приводят к неверным умозаключениям...

Биоробот автоматически кивал собеседнику, а мысли его сосредоточились на черной туче, надвигающейся с западного небосклона: в туче блистали молнии, долетали отзвуки грома. Робот встревожился еще утром, прослушав метеосводку. Ожидалось резкое ухудшение погоды. Циклон, рожденный над Северным Ледовитым океаном, вбирая в свою воронку пласты атмосферы, ураганом несся над тундрой, тайгой, болотами и полями на воздушные массы степного антициклона: столкновение двух мощных воздушных сил неизбеж-

но вызовет новые вихри в районе путеукладки железной дороги, крупные сражения воды и земли, что остановит продвижение механизаторов к Искеру. Ненастье, парализовав работы на трассе, предрешит и судьбу биоробота...

— Порядочные люди не пророчат друзьям беду, — проговорил робот. — Если несчастье неизбежно, то друзья обманывают, ободряют... Вы, Тихон Ефимович, многое знаете о моем будущем.

— Ничего с вами не случится! — перебил Тихон Ефимович, протянул биороботу сухую крепкую руку, уверенно пожал ее, и они расстались.

Фраза: «Ничего с вами не случится!» — была, по видимому, тем единственно верным, результативным вариантом, который избрал Тихон Ефимович, чтобы, как говорится, отпустить грехи биороботу, поскольку понимал, что тот исповедуется перед ним. Мимоходная фраза проникла в банк памяти биоробота и произвела в его мозгу неожиданную работу, он скорее почувствовал, чем понял, что очеловечивается: все органы чувств его растормозились, биоробот освободился от страха. Глаза его, словно пребывавшие дотоле в слепоте, вдруг стали различать яркие одежды людей, музыку движений рук, грацию в походке девушек. После катарсиса биоробот снова был способен ценить и беречь то, что дарует жизнь. Садясь в машину, вновь осознавал, что он личность, он — главный инженер стройки Павел Стрелецкий, что хотя надвигающееся ненастье способно сорвать укладку шпальной решетки на одиннадцатикилометровом участке дороги до станции Искерской, но он еще поборется со стихией.

Вернувшись в свой кабинет, Павел вызвал по связи Викторию Филипповну, потребовал организовать звено-сборку в помощь бригаде Бородая, пошутил о чем-то, как прежде и, услышав «Так точно! Поднимем инициативу на новый уровень!» — заметил вихревой начальнице, что ей не следует оперировать с ним в разговоре

механическими категориями. Затем попросил радистку соединить его с Бородаем.

Начальник головного строительно-монтажного поезда отозвался сразу. В паузах его доклада Стрелецкий слышал в телефонной трубке монотонный шум дождя и натужный звон жестяных водосточных труб. Легко было представить, что окно в кабинете здоровяка Бородая, которому всегда душно и тесно в комнатах, запахло, а хорошая акустика просторного помещения сохраняет звуковой фон мерзкой непогоды. Бородай сообщил, что бульдозеры и самосвалы колонны Кваши завязли на Еланском, люди отсиживаются в вагончиках... В досаде Павел накричал на Бородая, приказал выехать на трассу, напомнил, что отказ от героического штурма в настоящий момент равносителен саботажу в дни военного наступления: поезд обязан пройти на станцию Искерскую к десятому августа...

Сергея Афанасьевича Кваши на месте не оказалось. Главный инженер мехколонны сообщил, что Кваша находится в Красногорске... Бешенство ослепило Павла: «Отсиживается в тепле за двести с лишним километров от места прорыва, от линии фронта?!» Он позвонил Кваше домой и, мешая в кучу яростные слова о намеренном срыве работ, наговорил ему угроз. Под горячую руку устроил разнос еще нескольким руководителям подразделений, зарядив их деловыми распоряжениями. Оставалось вызвать на доклад начальника производственного отдела управления Семена Васильевича Заварухина, но тут позвонил Вадим Корзухин и весело сообщил, дескать, люди шутят, будто Павел Николаевич с какого-то дня превратился в ЭХМ, имеется проект использовать его в качестве электронной свахи.

Привыкший к пестрым островам Корзухина, Стрелецкий на сей раз не был склонен шутить, хотел одернуть Вадима, но расслышал переливчатый девичий смех, удивился:

— У тебя девушки?

— Проводим заседание комсомольского штаба, — сообщил комсорг. — Речь зашла об электронной свахе. В город завезли электронно-счетную машину, — с энтузиазмом, на полном серьезе объяснял Вадим Алексеевич. — Научно-технический семью разрушает, обряды топчет, а между тем в мехколоннах — женихи, а в бригадах отделочников — сотни невест. Как их соединить? Хотим озадачить машину, пусть прогнозирует идеальные пары.

— А я тут при чем?

— Потому что вас, Павел Николаевич, зовут электронно-хозяйственным мозгом стройки. Товарищ Митрофанов, член штаба, прямо сказал, что Ивушкина, воспитательница, песню поет: «И за борт ее бросает в набежавшую волну...»

Сдерживая нарастающее раздражение, делая вид, что не понимает оскорбительного намека, желая выявить настроение комсорга, Стрелецкий напомнил о пожарах, приказал завтра же представить список лиц, подозреваемых в поджогах хуторов, и не забыть включить в него фамилии физинструктора и воспитательницы. Не веря своим ушам, не видя западни, полагая, что главный инженер управления просто лишился юмора, Корзухин, вступаясь за Дашу со свойственной молодости горячностью и прямоотой, съязвил:

— Выходит, вы в самом деле бросаете Ивушкину за борт? — и виновато предостерег: — У мягкосердечных женщин крепкие характеры и острые коготки. Это не та птица, за которую ее принимают, она себя еще покажет. Вон как барыгу Ухватова пришпандорила!

— Не забывайся, Вадим Алексеевич! — гневно одернул Стрелецкий и бросил телефонную трубку. Ему, мудрому волку, было понятно, чем вызвано заступничество Корзухина, но на размышления о человеческих эмоциях не оставалось времени.

До обеденного перерыва не более часа. Павел крикнул Зине, чтобы немедленно вызвала в кабинет Зава-

рухина. Узнав, что тот сидит на своей даче и пишет проект отчета на коллегия министерства, Стрелецкий разразился бранью. Зиночка оцепенела в дверях, не зная, как расценить гнев главного. Женская интуиция подтолкнула ее на отвлекающий маневр.

— Павел Николаевич, а вам нравится мой наряд? — спросила она. На ней была белая юбочка, белая вышитая кофточка и большая голубая заколка в волосах. И снова он понял движение человеческой души, но хлопнул свою для всех чувств и эмоций. — Я узнала, — вкрадчиво продолжила Зина, — что протест о Шестаковском мосте в министерство был из проектного института, — и доверчиво поглядела на Павла. За столом опять стоял робот, тараща латунно сверкающие глаза.

— Откуда информация?

Она потопталась в дверях, оглядываясь в приемную, наконец притворила за собой дверь.

— Опять подслушивала? — робот молча ждал.

— Дак у дяди Егора были гости. — На щеках Зины полыхнул румянец, голубые глаза забегали из стороны в сторону. — Заварухин хвастался, к нему приезжал друг руководителя проекта, — сбиваясь, подыскивая слова, говорила она, — какой-то доктор шулерских наук... шахер-махер. Дядя Егор не одобряет... Сулил Семену Васильевичу то ли на десерт, то ли диссер...

— Чего? Говори ясно! — не понял робот.

— Я слышала из соседней комнаты что-то про соавторство. Дядя Егор был строг с Семеном Васильевичем... Он хочет одну станцию на нашей дороге пазвать своей фамилией.

— Станция Дудкино? — проухал мрачным смехом робот.

Мечты Заварухина о кандидатской диссертации роботу известны, худо, что в проектном институте закопошились темные людишки, щерится мелкофа на большой пирог Семеновы идеи... А сейчас одна задача —

штурмом взять одиннадцать километров просеки, прогнать поезд по рельсам к Искерской. Потом можно заняться глобальной программой на предстоящую зиму — переброской рельсов из Искера почти за пятьсот километров к Нефтяным Юртам.

— Кто хутора поджигал, не слыхала? — удержал Зину новым вопросом. Та покачала головой. — Береги честь смолоду, — сказал робот, — больше не подслушивай. Я поехал на дачу к Семену...

Дождь-бусенец осыпал асфальт. Машина, преодолев ухабы, плавно покатила. В моторе стрекотали клапаны, колесики и шестеренки, от привычной музыки все сложные хитросплетения эмоций и мыслей робота успокаивались. Как ни мягко спускал шофер машину на выбоинах, толчки отдавались в голове болью, напоминали, что впереди ждет непростой разговор с Заварухиным. За стеклом уже проплывали бетонные стены завода, скошенная в валки рожь, намокшие, потемневшие от дождя кучи соломы. Пробежал молчаливый нахотеленный березняк. Одолев большой мост через реку, миновали шлагбаум на железнодорожном переезде, свернули в сосновый бор.

Занятый мыслями робот не чувствовал, как в открытое окно пахнуло свежим ароматом хвои. Меж ветвей завиднелись два ряда изб. Засмеявшись, шофер сразу показал на деревянный домик Семена, крытый толем. Он выделялся трубой из свежих красных кирпичей, белой струганой обшивкой одной стены. Машина остановилась перед двумя окошками. Робот выбрался на поляну, осмотрел свежие нижние венцы стен, покрашенную с двух сторон веранду. Женщина в коричневой мужской рубаше и в широких золотанных штанах, присев на корточки, мазала кистью в зеленый цвет низ веранды. Он приблизился к дорожке из битого кирпича, ведущей в глубь двора. Семен стоял посреди ограды.

— Так-то отчет пишешь, — вместо приветствия подколол робот.

— Ох, Павел Николаевич! — засуетился Заварухин, отложив доску, устремился к Стрелецкому, оправдываясь, что только вышел из-за стола. Женщина, водившая кистью по тесовым доскам веранды, в смнении шмыгнула в дверь. На двор выбежали вихрастый рыжеголовый мальчуган и маленькая девочка в красной юбочке и с красным бантом в волосах. Дети вцепились ручонками в ограду, наблюдали за приехавшим дядей.

— Дождь не мешает личным интересам, — робот жестом указал на веранду. — А отсыпка земляного полотна на головном участке остановилась... Нужен почасовой график продвижения к Искерской.

— Бессмысленно! — Семен, стоя за воротцами ограды, указал рукой на надвигающуюся из-за леса черную тучу. Объяснение его сводилось к тому, что дождь через неделю прекратится, а в сухую погоду путеукладочная машина за сутки-другие осилит одиннадцать километров трассы.

— А если не прекратится? Сидеть и надеяться на авось? Мы поклялись открыть движение к десятому августа!

Брызги дождя усиливались, костюм робота быстро заштриховывался сыростью; он стоял напротив Семена, внимательно наблюдая за конопатым лицом, выражающим покорность и испуг. Робота понятен расчет Семени: поскольку министерство не дает разрешения на изменение проекта, идею миллиардной ценности выгодно отдать институту, который раньше разрабатывал злосчастный проект. Желая скрыть свои просчеты, институт проведет идею в новой, половинчатой трактовке. Государство не получит колоссальной выгоды, но институт сохранит приличное лицо; Семену за эту услугу устроят несколько публикаций и кандидатскую диссертацию. Таким образом, он получит от идеи шерстинку.

— Мне стало известно, что ты сотрудничаешь с проектным институтом, — бесстрастно произнес робот.

— Да, я написал новую заявку и свою идею передал в проектный, — кивнул Семен. — Нашими силами идею миллиардной ценности не внедрить. Не внедрить, Павел Николаевич, — заюлил Заварухин. — Нужна поддержка науки... Чего ждать? Если даже коллегия министерства выскажется в ее пользу, то и это еще ничего не даст. Даже если идея пойдет, то ее назовут «исправлением ошибки проекта». А мне какая радость? Какая? Оплаты не будет. За изобретение заплатили бы двадцать тысяч, за рацпредложение — пять тысяч, а за исправление ошибки — ничего ... А у меня дети, трое.

— Решил стать кандидатом наук? — хмыкнул робот. — Забери заявку из института!

Втянув голову в плечи, пряча глаза от робота, стыдясь собственных детей, Семен проговорил тихо, но упрямо:

— Своей идеей я распоряжусь сам.

— Она давно не твоя, — здраво сказал робот. — Твоей была до момента, пока ты не передал ее в управление. Мы воплощаем ее в практику. Не один ты, а десятки людей занимаются ею. Обдумывается она уже в областных партийных инстанциях, в трестах, в нашем министерстве.

— Какое мне до этого дело! — тихо проговорил Семен. — Время уходит, а денег нет... Если идею прокручивать в верхах год, то она просто опоздает. Все подразделения встанут на вторую очередь старым методом... Чего мне-то ждать? Получит государство от идеи миллиард или один миллион, мне от этого ни жарко ни холодно, и детям моим точно так же.. Не хочу я быть пешкой в чьих-то руках.

— Ага! Хочешь стать ферзем! — заметил робот.

— Совсем нет. Только не желаю, чтобы меня обезличивали. Я не нарушаю кодекса, все в пределах законодательства...

— А я вот рисковал! — остановил его речь робот. —

Ты переметчик, предал свою идею! Теперь в проектном институте примазываются к ней хитрецы, выхолостят к чертовой матери выгоду! Ты без конца мечешься, хитришь...

— Да это и есть жизнь! — робко заметил Семен. — Приходится искать деньги, придумывать варианты, выбирать выгодные...

— Подлец! — громко выругался робот. — Саботируешь выполнение задания заместителя министра! Ты давно плетешь интриги против меня! Не случайно геолог прилетел с Севера, кто-то его вызвал. Зачем? Чтобы лишить меня личной жизни? Ты давно злобствуешь, изорвал заявку в моем кабинете, а теперь сидишь на даче в рабочее время!

— По вашему заданию! — оправдывался Семен. — Пишу отчет...

— Признавайся, ты миллиардную идею позаимствовал у Зота Митрофанова?

— Да какое это имеет значение! — Семен топтался на месте, озираясь то на веранду дома, то на детей. — Зот обладает невероятным даром... С ним не грех посоветоваться даже по отсыпке земляного полотна и по путеукладке...

— Может быть, спросить совета у твоего младенца? — Очки робота уставились в ограду, как бы ища там самого маленького наследника Заварухина. И оттуда вдруг донесся плачущий голос дитяти.

— Мужики-и-и, чай готов! — приветливо звала от летней кухни жена Заварухина.

Робот резко выкинул руку вперед, крепко зажал меж пальцев большой Семенов нос, дернул его из стороны в сторону, так что рыжая голова мотнулась, и безглаголиво отпихнул его.

— Барыга! — прорычал он и, повернувшись спиной, не боясь, что Семенкинется сзади, зашагал к машине. Шофер удивленно глядел на происходящее.

— Зачем меня убивать! — взвизгнул Семен и мет-

нулся к машине. — Мы же люди! Можно игнорировать истину, врать что угодно другим, но сами-то вы задумайтесь! Дождь не позволит укладывать рельсы... Это же бессмысленно! Послушайте себя, не Зота, не Квашу, а сами себя... Свою совесть! Не убивайте меня...

Сев в салон машины, робот, не закрывая двери, глядел невидящими глазами сквозь Семена, который разводил руками.

— Зот знает то, что всякий может понять. Ярость и смелость обуславливаются выделением в кровь норадреналина... Вы сейчас кричите на меня, но это крик норадреналина в вашей крови! Большая доза влилась в кровь! Вы не управляете своим настроением! Не можете его регулировать! У вас страх перед начальством!

Робот захлопнул дверцу автомобиля.

— По дороге в вашу кровь выделится адреналин, и вы успокоитесь либо испугаетесь. Вы не можете управлять собою! — кричал вдогон автомобилю Семен. — Не убивайте меня...

Машина уже отъехала от дома, скрылась за поворотом в лесу, а Семен все еще возбужденно объяснял жене, что Зот Митрофанов умеет управлять внутренними процессами, которые происходят в его организме. Люди используют для возбуждения фантазии водку или гриб мухомор, для успокоения настойку корня валерьяны, для повышения давления — кофе, а для понижения — траву пустырник. Но они не знают, чем возбуждать орган мышления. А Зот знает, да не говорит. Он может открывать свой третий глаз и общаться с информационными полями систем! Если бы этот глаз да Семену, ох и зажили бы они: чертям тошно стало бы!

* * *

Несколько часов спустя дрезина со служебным вагоном вышла со станции Примыкания, что недалеко от Красногорска; в одном из трех купе ехали рабочие, в

другом — физинструктор, в третьем — сам Павел. Спалось ему плохо, он слушал, как на станциях ухали тепловозы, скрежетали колеса товарных вагонов, глухо звенели буфера и автосцепки платформ — маневровые работы не прекращались, хотя стонала тайга от вспыхивавших молний, освещавших стенку купе, гроыхали раскаты грома и сильный ливень бил в обшивку вагона. От окна тянуло сыростью. Через открытую в коридор дверь были слышны веселые восклицания рабочих, командированных Гончевой обслуживать путеукладочную машину; здоровые, задорные ребята во всю глотку хохотали над анекдотами — тоже не спали. На Павла накатывал страх: если в сухую погоду экскаваторы не прокопали траншею на Еланском болоте, не забутили ее песком, то теперь ни Кваше, ни Бородаю ничего не изменить! А ведь у них рядом Сузгунский холм... Выходит, Семен прав, сидеть и ждать? Но за безделье выгонят с работы, и правильно сделают!

За окном брезжил рассвет; на просеке виднелись дымки костров. Кто-то работал. Страстное, неодолимое желание разбудить Зота и поговорить с ним овладело Павлом, хотя он уговаривал себя, что спрашивать физинструктора, будут ли построены одиннадцать километров пути до Искерской за две недели, все равно что гадать у цыганки.

В коридоре раздались легкие шаги, и в дверь купе заглянуло румяное в белом обрамлении волос и бородки лицо физинструктора. Павла окатило жаром изнутри, он стремительно сел на полке.

— Входи, входи! — торопливо пригласил раннего утреннего гостя.

Стрелецкий быстро надел брюки, снова сел.

— Послушай, Зот, — вежливо заговорил Павел, — ты действительно обладаешь каким-то секретом или занимаешься фокусами?

В купе царил полумрак, а свет зажигать не хотелось. Зот не спешил с ответом.

— В настоящее время меня тревожит одно: как перебросить рельсы до Искера, — продолжал Стрелецкий. — Хочу вот посоветоваться, хотя, возможно, и не поверю твоим словам...

— Вы походите на пловца, который взялся переплыть реку, — тихо отвечал Зот. — Если запаникуете, то утонете, если рационально используете физические силы, то достигнете берега.

— Байки твои мне не нужны, — оборвал Павел. — Если ты прогнозист, то ответь: придет поезд в Искерскую десятого августа?

— Придет.

— Но может и не прийти! Может?

— Не может...

— Как так? — Павел аж привстал. — Люди будут отсиживаться в вагончиках, а земляное полотно само собою насыплется, рельсы сами собою лягут, тепловоз сам собою пойдет?

— Река течет, она не может остановиться. Если бы вы, Павел Николаевич, вздумали сейчас остановить продвижение рельсов на Искер, то не смогли бы. Вас бы объявили саботажником...

— Считаешь, моя энергия не нужна?

— Спуск нажат, порох загорелся, пуля обязательно вылетит из ствола и достигнет цели...

— Это фатализм! Мистика!

— Напрасно вы, я ведь не предлагаю своих услуг, — беззвучно засмеялся в полумраке Зот. — Прогностика отличается от оккультных наук, от шарлатанства знанием закономерно происходящих процессов, наличием информации об этих процессах. Вы требуете от меня честного ответа или угодливости? Ваше воображение обгоняет события, но страх перед провалом так велик, что вы отдаете много ненужных приказов, распоряжений, которые не способствуют делу.

— Хорошо, — смирился Павел, — допустим, я устранюсь и подразделения Кваши и Бородай построят

одиннадцать километров пути.. Однако мне известно, что Кваша заинтересован сорвать штурм Еланского болота! Заварухин тоже не очень заинтересован... Если не осуществлять контроль, то все сорвется... Верно?

— Верно, — кивнул Зот и успокоил: — Но не сорвется.

— Как же не сорвется! — рассердился Стрелецкий. — Ты меня словно усыпляешь в критический момент. А не расскажешь ли, как ты прогнозируешь? Где у тебя этот самый третий глаз? На затылке? На носу? Или, может, на заднице?

— Третий глаз? — Зот долго молчал. — Это условное название, особый канал связи с информацией систем. Таким каналом связи обладают все люди. Конечно, бывают слепые, глухие, немые... Люди в большинстве не пользуются им. Интуитивное зрение и просветленное мышление невыгодно... Имея совесть, каждый может увидеть истину и следовать путем знания...

— Чушь! — не согласился Павел. — Я бы с удовольствием...

— Что ж, остается только тренироваться, — приветливо усмехнулся Зот. — Вестибулярный аппарат ориентирует нас, где верх, где низ, когда мы лежим, когда шагаем, а когда качаемся на качелях... Точно так же есть в нас механизм совести, тоже своеобразный аппарат, который подсказывает нам особым способом, когда мы хитрим, боимся, угодничаем, жадничаем, обманываем... И механизм невозможно ввести в заблуждение. Начни крутиться на чертовом колесе — и закружится голова, стошнит... То же самое с совестью, мы пытаемся обмануть себя и других, но за это расплачиваемся впоследствии...

— На что намекаешь? — Стрелецкий ударил кулаком по столу. — На Дашу? А сам ты с нею гулял как друг, товарищ и брат?

Перед станцией Ягодной поезд затормозил. В вагон ворвался бойкий малорослый Цесарский, начальник

отделения временной эксплуатации дороги, по прозвищу Голова, за его любимое выражение: «Тебе зачем голова дана? Шапку носить?» Он сопровождал поезд, чтобы ночью нигде не было задержки: зычный голос Головы знают на всех разъездах. Подергивая черненькими усиками-шнурочками, Цесарский заматюкался, объясняя Павлу и Зоту, что на перегоне балластировка пути, не убрана путерихтовочная машина.

— Оставайся в составе ремонтной бригады, — приказал Павел физинструктору, — можешь мне понадобиться.

Умывшись, взбодрившись вместе с Цесарским в салоне крепким чаем, Стрелецкий встал у окна. Доносились сухая пулеметная дробь электромолотков, внизу у насыпи темнели намокшие телогрейки: рабочие вели сборку шпальных звеньев. «Значит, путеукладка готовится», — порадовался Павел и вышел из вагона. Брызги дождя ударили в лицо. Улыбнулся смуглолицым девушкам, раскладывавшим на шпалы подкладки и костыли; заметив, что широкоплечий курчавый парень хочет о чем-то сообщить, кивнул ему. Тот поднялся по насыпи, преданно глянул Павлу в лицо.

— Товарищ главный инженер, путеукладка захлебнулась! Платформы и склады завалены нашей продукцией.

— А вы кто? — спросил Павел, с удивлением отмечая про себя, что парень подражает его интонациям.

— Бригадир Драчунов!

— Одиннадцать километров полотна соберете в звенья до шестого августа?

— Соберем, товарищ главный! Поможет городская бригада...

Плутовские взоры девиц смущали и взбадривали Стрелецкого. Узнав, что людям дали бригадный наряд, что заработки хорошие, Павел заверил: выяснит причину затора и устранит. И стал подыматься на приступку вагона. Ему отлично известно, почему простаивает

путьеукладочный агрегат. Коридор просеки впереди дрезины занавешивался мутью дождя. Возвратившись в салон, почувствовал, как качнулся под ногами пол, будто поезд полз по круче битого кирпича или бетонных плит. Цесарский великолепно распоряжался движением вагона. Ехали по выемке карьера. Сузгунского холма как не бывало, его разгрызли экскаваторы, выплюнув песок в короба самосвалов, оставив утопанную гусеницами площадку да кое-где бугорочки почвы у балластной призмы. Ни самосвалов, ни людей в карьере уже не было.

Завиднелись в окне облупленные вагончики, два гусеничных трактора, грузовик, возле которого группа людей. Павел узнал хромовое пальто, перепоясанное ремнем, фуражку и щеголеватые сапоги Бородаю, тот ритмично помахивал обтянутой кожей перчатки рукой подходящему вагону. «Демонстрирует радушие». Переместил взгляд на бороду и брюхо соседнего человека: громадный Кваша в брезентовом плаще, в рабочих сапогах и с непокрытыми кудрями рассеянно шарил взглядом по окнам остановившегося вагона.

Генподрядчика и субподрядчика Павел принял у себя в салоне, усадил обоих на диван, заговорил официально, как если бы это было в кабинете управления. Спросил, где Дудкин, уехавший инспектировать головной участок. Объяснили: старик с амулетом остался в Искере.

— Докладывай! — кивнул Бородаю.

Бородай поднялся с дивана, разгладил смятую полу пальто, сдернул фуражку, обнажив большое, полированное яйцо бритой головы; утомленное, с желтоватым отливом непроницаемое лицо с левым глазом, косящим в переносицу, с правым мерцающим прямо, качнулось; Бородай шагнул, уперся чуть ли не грудью в кромку стола.

— План по генподряду за второй квартал — на сто два и три десятых процента...

— О чем барабанишь? — Павел отвернулся от него к стенке. — Говори о путеукладке.

В висках громко пульсировала кровь. Он вспомнил о том, что сейчас, в момент возбуждения, в кровь выделяется то ли адреналин — гормон кролика, то ли норадреналин — гормон льва, эти недавние объяснения физинструктора мешали сосредоточиться. Показалось, что мясистые яркие губы мужа Сонечки передернула усмешка. Павлу почудилось, будто четко и гулко простучали по полу женские каблучки и хрупкая Сонечка в красной косынке легкой тенью скользнула к столу. Стрелецкий тряхнул головой, отгоняя непрошеное навязание, заскрипел зубами: это мельтешил красными корочками записной книжки Бородай и гудел о дожде, о круглосуточной работе...

— Сколько звеньев уложено на ночь? — прервал его Павел конкретным вопросом.

— Ни одного. — Бородай поскреб пальцем переносицу. — Грунт ползет как тесто, путеукладочная машина ломается...

— А вручную? — Павел почувствовал, как в нем вместо крови и нервов начинают функционировать интегральные микросхемы, сплетения проводов, щелкают переключатели.

Курчавая голова Кваши покоилась на спинке дивана: разинув рот, начальник мехколонны богатырски похрапывал. «Жалкие людишки!» — отметил робот и рывкнул:

— Ночью вы в карты, что ли, играете?

Кваша ухватился обеими руками за бороду, чихнул, потряс слипшимися космами, набрал в грудь воздуху, кашлянул, пожевал губами, поежился и, не снимаясь с места, пробормотал:

— Ух, тепло у вас, сморило...

— Почему экскаваторы не работают? — обратился к нему робот.

— Холм израсходовали, нашли другой карьер, а небеса дорогу размыли...

— Едем на путеукладку! — скомандовал робот, встал, вынул из-за дивана сапоги, начал переобуваться.

Спустились со ступенек вагона. Над глухо шумящей тайгой громоздились слоистые, скрученные и непрерывно клубящиеся тяжелые тучи, моросил дождь. Следом за толстым Бородаем в кабину гусеничного трактора влез робот, а потом Кваша. За мокрым ветровым стеклом красной косынкой Сони трепыхнулся на радиаторе флажок. Трактор проваливался в глубокие ямы, наполненные желтой жижей, выбирался на тряские бревна слани. Качка сотрясала металлические части, полупроводниковые кристаллы робота, прерывала контакты. На просеке, на площадке земполотна, плохо выровненной, мокрой и вязкой, где трактор остановился и робот вышел к полнолицему в комбинезоне рабочему, из него сам собою вылетел вопрос:

- Небеса работать запрещают? Так, что ли?
- Так точно, товарищ главный... Трактор не тянет, — согласился рабочий.
- А если укладывать звенья двумя тягачами?
- Дождь щедро орошал голову робота. Сергей Афанасьевич отстегнул брезентовую накидку от своего дождевика, заботливо накинул ее на голову роботу.
- Лучше бы заботился о вверенной тебе технике, — презрительно отреагировал тот.

Из дощатого сарая-курилки рабочие расходились по насыпи к тракторам, к путеукладочному агрегату и к платформе с пакетами звеньев.

— Грунт напитался водой, как губка, — прокричал в ухо роботу Сергей Афанасьевич. — Мы технику бережем.

Широким взмахом робот отстранил Квашу от себя и гулко крикнул мастеру:

— Где второй трактор?

Подогнали второй тягач, дрогнули натянутые струны троса, гусеницы, перемалывая вязкий грунт, все глубже проседали в насыпь, но не сдернули путеукладчик с места. Лишь когда по распоряжению робота «запрягли» третий трактор, от тройной тяги агрегат подался вперед. Дождь не переставал штриховать даль просеки, стену леса, рябил воду болотца. В сером мареве длинное тело путеукладочной машины с прицепленными к нему с одного конца тягачами, с другого — платформы с пакетом звеньев, будто гигантский краб, шевелило клешнями, гребло под себя шпалы и рельсы, подстилая их, медленно ползло. Вдруг гул моторов оборвался. Тишина. В той стороне, где тракторы, пробежал человек. Туда же метнулась коренастая фигура Бородай. «Что случилось?» Робот зашагал по липкой, цепляющейся за сапоги насыпи. Голос Сонечки, как дятел по ели, застучал в голове: «Я твоя совесть! Твоя совесть! Тебе верно говорил физинструктор! Я — в тебе!» Лапа не срезанного бульдозером придорожного куста щелкнула робота по очкам, чуть задев щеку. Вытянув шею, он заглянул через чье-то плечо и увидел в луже окруженного рабочими стонущего человека.

— Порвался трос, захлестнуло по ногам, — втиснулся между роботом и людьми Бородай. — Ноги перешибло...

— Где техника безопасности? — зло крикнул робот и выругался. — Раненого срочно в Искер! — скомандовал: — Путеукладку продолжать!.. — и зашагал по

насыпи в глубь просеки, в сырую полутьму, обходя ямы, проваливаясь ногами в неутрамбованные гусеницами бульдозеров гребни грунта.

По разухабистой грунтовой перемычке, врезавшейся в кочковатое, заросшее камышами болото, робот вернулся в кабине трактора к служебному вагону, молча прошел по исковерканной гусеницами и колесами дороге. Начальник мехколонны Кваша за его спиной делал кому-то знаки рукой, но робот не хотел замечать этой суеи. Мысли его были заняты только что виденным.... Воля его, робота, приносит людям неудобства, даже несчастья... Но расслабляться нельзя!

В салоне вагона он остался один. Попросил Цесарского никого к нему не впускать. Услышал удары молотка за стеной вагона. В окне все тот же мелкий дождь. На столбе, установленном напротив окна, зацепившись «кошками» и привязавшись ремнем, парень в ватнике прилаживал кабель. Второй связист тянул черный шнур к вагону. «Ага! Телефонная связь!» — порадовался робот. Он снова обретал власть и уверенность.

Пока умывался, пока проводница готовила завтрак, в салоне ожил телефонный аппарат. Можно было связаться со всем миром, дотянуться по радию до самых отдаленных точек стройки...

Неожиданно для себя робот набрал первым номер телефона квартиры Бородая.

— Мужа нет, он на линии, — звонкий голос Сонечки изумил и обрадовал его, будто что-то дивное проникло в салон.

— Ты одна? Жду ответа! — Он не имел права расслабляться...

— Господи! Что за робот говорит! — пискнула Сонечка, и в трубке зазвенели частые гудочки. Эти гудочки, словно удар током, встряхнули его, он ожил.

«Сонечка! Сонечка!..» — простонал в нем раненый, больной любовью человек. Ему захотелось рассказать

Соне; родной душе, все-все, что случилось с ним в эти дни. Как он устал от тоски по ней! Как наяву грезил о ней, желанной, ускользающей, в красной косынке... Как, мучимый неразделенным чувством, совершил цепь ненужных действий и как наказан: приехал Ивушкин... А теперь еще подчиненные блокируют его инициативу, ссылаются на непогоду. И сама непогода объединилась с его недоброжелателями... Но звонить Сонечке вторично не стал, осознавая, что нет у него права расслабляться, нет у него человеческого голоса...

По распоряжению робота в салон пригласили Бородаю.

— Рабочий не умер?

— Хуже, — Бородай плюхнулся на диван. — Лопнула стрела, разорвали тройной тягой, — буднично и устало произнес муж Сонечки.

Странная тишина воцарилась вдруг. Голосов в коридоре не слышно, не доносятся ни шум моторов, ни стрекотание электромолотов. Умерли все звуки, размокли, растаяли, словно вековое безмолвие окружило вагон, словно и Бородай взывал к его человеческой сути, к смирению перед волей стихии. Правый мерцающий глаз Бородая ждал, что робот поднимется и скажет горестно: «Видно, не судьба!» Но робот спросил упрямо:

— Почему стрела лопнула?

— Тройная тяга... Металл не выдержал...

— Мошенники! Как ты посмел войти сюда, сломав путеукладчик? Потащите рельсы волоком! По грязи понесете их!

Широкое лицо Бородая округлилось, губы изогнулись в обезоруживающей мягкой улыбке:

— Товарищ главный, зря подозреваете в злом умысле. Машина не выдержала перегрузки. Мы вас предупреждали — нельзя тремя тракторами... Взгляните, какая грязь!

— Будем теперь сидеть и ждать хорошей погоды? — загремел робот.

— Я приказал катить звенья по рельсам вручную.
— Это не выход! — Робот энергично ударил кулаком в левую ладонь. — Этак мы до нового года в Искерскую не попадем.

— Встретил я физинструктора, — оживился начальник строительно-монтажного поезда и смутился: — Он советует переждать...

— Да как он смеет! — взревел робот.

— А может, он прав? Он мне предсказал, как вы отреагируете. Он наперед знает все ваши распоряжения. Понимаете? Если пригоните новый путеукладчик, гарантия — мы его вновь разорвем...

— Специально, что ли, разорвете? — Робот нервно прошелся по салону.

— Не специально. Без тройной тяги он же не пойдет...

Гнать дорогостоящую машину, которую могут сломать за несколько минут, было дикой опрометчивостью. Тут никаких денег не хватит рассчитаться...

— Придется ждать хорошей погоды, — смиренно вздохнул Бородай.

— Не выйдет! — заорал робот. — Нам рельсы нужны к десятому августа! Будут они или не будут?

— Не знаю... — сказал Бородай.

— А я знаю! Мы отмитингуем десятого августа в Искере!

Рокот мотора, заведенного за стеной вагона, огласил окрестность, наполнил жизнью и салон. Робота будто излечили от глухоты, он снова слышал далекие звуки скрежещущего металла, лязг гусениц, звон бензопилы, голоса людей... Осторожный Бородай ушел из салона, так и не связав себя определенной клятвой: «Разъяснится — будет дорога...»

— Она будет, если даже земля разверзнется! — крикнул ему вдогонку робот. — А иначе ты здесь не нужен, как и я тоже...

Цесарский позвал Зота в салон. Тот вошел, не-

слышно ступая сапогами по полу, руки опущены, на лице усмешка.

— Чему смеешься? — Робот глядел с подозрением.

— Вы, товарищ робот, запрограммированы на ошибку и не хотите этого осознать...

— Запрограммирован? Автомат я, что ли?

Зот тихо объяснил, что страх не успеть проложить дорогу до Искера к десятому августа трансформирует мышление Павла, а нужно мыслить бесстрастно. Нужно освободить организм от избыточного адреналина и норадреналина и от других возбуждающих гормонов. Для этого достаточно закрыться в салоне вагона, ввести себя в состояние полного равновесия, мысленно опросить всех трехсот рабочих и инженеров, занятых на отсыпке земляного полотна и подготовке звеньев к укладке, чего каждый хочет, и дать каждому то, чего он хочет. Тогда энергия всех трехсот человек, соединенная в одну неодолимую силу, совершит строительное чудо.

— Мало ли чего каждый потребует! — возмутился робот.

— Ничего сверхъестественного. Они все окупят своим талантом.

— Ты предлагаешь мистику!

Зот покачал головой.

— Люди уже настроились на штурм Еланского болота. Они только ускорят этот штурм, и в несколько раз.

— Чувствую, что с тобою становлюсь странным, — мрачно пробасил робот. — Хочется верить в космические силы... В невероятное, в чудеса... Но моя психика...

— Нет у вас никакой психики, Павел Николаевич, — мягко заметил Митрофанов. — В вас функции головного мозга, функции центральной и периферической нервной системы...

— Пусть так, — согласился робот. — Следовательно

но, мне дано рассуждать логически. Вложи в меня задание, дай проблему, и я решу ее.

— Пожалуйста, — сказал Зот. — Множество мнений о прогнозировании судьбы и поведении личности можно свести к двум точкам зрения. Первая — человек непредсказуем. Вторая — человек предсказуем. Решайте задачу. Вы сами, Павел Николаевич, предсказуемы?

Глаза робота сверкнули электрическими искрами. Лицо превратилось в маску. Затем губы медленно шевельнулись:

— Я имею биографию, на меня написана характеристика... Я дисциплинирован на производстве. Если бы, зная меня, не верили моей характеристике, то не верили бы и в мои будущие действия. Я совершенно предсказуем, — четко изрек робот.

— Но вы влюбились в Сонечку, завели роман с Дашей, поддержали идею Семена Васильевича, допустили риск со строительством Шестаковского моста...

— Совершенно верно, — кивнул робот. — Выходит, что я непредсказуем...

Зот тихо засмеялся:

— Каким же будет решение задачи?

— Я предсказуем, я непредсказуем... Задача не имеет решения! — прохрипел робот.

— Что же в вас непредсказуемого? О вашей симпатии к Соне знали все, кроме жены. Муж Ивушкиной вас разоблачил... Да вы и сами догадывались о том, что случится, если он узнает... Риск с Шестаковским мостом вам не удался.

— Ты видел все своим третьим глазом циклопа и донес на меня?! — взъерошился робот. — Но я человек дела, я читал Спенсера, а он утверждает, что величайшая цель образования — не знание, а действие. Избрав цель, я действую, а не болтаю...

— Метания в темноте — это тоже действие. Свобода мечущихся личностей ограничивается законами, ина-

че они создают анархию, — заметил Митрофанов. — И, только открывая через свою совесть второе зрение, можно избрать единственно верный вариант, непредсказуемый для других, и не ошибиться в действии.

— Хорошо, — робот смиренно поджал губы. — Можешь ты в эту минуту показать мне какой-нибудь непредсказуемый фокус?

Он мерно ходил по салону от холодильника к столу и обратно, сердито наблюдая за фигурой Зота, который стоял возле стола не шевелясь. И вдруг рука Зота медленно поднялась, он показал роботу указательный палец, долго сам смотрел на свой палец, затем шагнул к окну и резким ударом проткнул стекло. Удивленный робот внимательно оглядел дырку, пробитую пальцем физинструктора: отверстие имело гладкие края, в стекле не было ни одной трещинки. Робот снял и протер очки, еще раз осмотрел отверстие, потрогал дырку пальцем, словно дырка была пробита винтовочной пулей, и высказал сомнение, не была ли дырка пробита раньше...

— Это игрушки, — робот опять начал ходить по салону взад-вперед. — Как ты считаешь, вызывать из Новосибирска еще один путеукладочный агрегат?

— Конечно, — согласно кивнул Зот.

— Почему я тебе должен верить? — звякнул робот. — Агрегат разорвут в два счета! Почему?

— Погода разъяснится, он пригодится...

— Угу, — смирился робот. — Ну позабавь меня еще какой-нибудь непредсказуемой чепухой!

Он мрачно наблюдал, как Зот вытянулся во фрунт, как приложил руки по швам, голову высоко поднял, плечи расправил, живот втянул... Робот ожидал, что физинструктор опять ударит во что-нибудь, ломает кресло или проткнет стол, но в какой-то миг на том месте, где стоял Зот, никого не оказалось. Робот резко шагнул вперед, хватая руками невидимого Митрофанова, но руки ничего не нащупывали, шарили в пустоте.

Фокус удался. Физинструктор исчез, словно бы испарился, улетучился, как газ.

— Ты где? — спросил робот пустоту. Никто не отзывался.

Робот прошелся по тому месту, где только что стоял Зот, осмотрел углы салона, заглянул за кресло, за диван, даже в проемчик между стеной и холодильником, но никого не обнаружил. Растерянно сел в кресло возле стола, думая: «Он действительно непредсказуем».

Глава 17

ПРОЗРЕНИЕ

*Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете*

Сергей Есенин

Служебный вагон загнали в тупик. Робот уныло наблюдал из окна, как по главному пути увозили путеукладочную машину с разорванной стрелой; потом прошла дрезина с бригадой рабочих, которым предстояло в дождь методом «эй, ухнем!» продвигать вперед шпалы и рельсы. Щемящая тревога за судьбу последнего перегона дороги охватила его. Действовать, нужно действовать, нужно действовать! Если поезд в Искерскую не придет в назначенный срок, из главка сообщат, что снят с должности.

По железнодорожной связи пробился в кабинет начальника Западно-Сибирской дороги. Заговорил с достоинством: экстренно необходим путеукладчик, не задарма, не из чувства благотворительности... Что взамен? Да хотя бы подряд на строительство жилого дома для красногорских железнодорожников... Сговорились.

Связался с Викторией Филипповной, поделился радостью приобретения новой путеукладочной машины це-

ной стронтельства жилого дома для местных железнодорожников силами городского строительно-монтажного поезда, возглавляемого Гончевой... Только настоящий друг без тени возражения разделит с тобою в безвыходной ситуации бремя твоих забот и порадует, что через двое суток агрегат прибует в Ягодную! Снова хотелось жить, верить в чудеса.

...С появлением в салоне Митрофанова роботом овладело мальчишеское озорство. Иначе как объяснишь, что оба они вначале бездумно хохотали, затем напряженно смотрели на две ладони Зота, которые тот держал параллельно. Неожиданно резким взмахом двух рук Зот как бы прорубил дверь в стене вагона, и оба спрыгнули на площадку за балластной призмой. Внизу робот с недоумением оглянулся и увидел, что никакого пролома в стене нет, поглядели друг на друга и снова беспечно расхохотались, обнажая ряд белых ровных зубов.

— Что еще можешь? — Робот стоял под дождем в сорочке, без пиджака.

Физинструктор, разбежавшись, ударил ногой в толстый ствол сосны, дерево треснуло и медленно, будто подрубленное, стало падать. Зот отскочил. Рухнувшая сосна была очищена ребром ладони физинструктора от толстых ветвей, сучья отброшены в сторону; скоро на земле лежал почти голый ствол, на котором сучки были чуть побольше, чем после острого топора. Разглядывая чистую работу, робот признал, что физический труд может быть не менее производительным, чем механизированный, и тут имеется еще немало резервов. Рабочие, случается, ломают шпалоподблочные машины и другие механизмы, облегчающие им труд, так как машины уменьшают заработок. Вот бы дать рабочим такую подготовку, какую имеет физинструктор!..

А Зот, воспользовавшись паузой, передавал роботу сокровенные мысли, цитируя народную мудрость: «Всякий Еремей сам разумеи, чужим умом жить — добра не нажить, у каждого в голове свой царь...» Древние по-

учения робот не раз слышал, но в связи с увиденным они приобретали особый смысл. Люди существуют много тысячелетий, живут в силу их естественно созданной генетической программы по жизненным законам, которые никто не волен отменить; их индивидуальные и коллективные проявления постигаемы разумом, очищенным от шелухи словесных хитросплетений; абсолютно честное наблюдение за тайными пружинами поведения людей дает возможность не только видеть ретроспективно бывшие события, понимать прошлые мотивы и причины явлений, но и предсказывать движущую силу будущих процессов, их неотвратимость. Часто человек не соврет, да и правды не скажет, ибо всякий имеет в деле свой умысел, свою выгоду, свою потребность и желание. Если же усилить желания, то люди ладонями разломают тайгу и проложат рельсы в любую погоду к станции Искерской.

— Ну и как, проложим рельсы к Искерской до десятого августа? — в который раз спросил робот. Ничто другое его не занимало.

— Уже отвечал: вам не задержать этого, — на полном серьезе сказал Зот, следуя за роботом к ступенькам вагона.

В вагоне, идя по коридору, Зот развивал мысли дальше. Выходило, что, боясь потерять к десятому числу одиннадцатикилометровый отрезок дороги, робот боится потерять большой кусок радости. Многие страдают от того, что свои представления о счастье связывают с огромными кусками...

Весело толкнув Зота на диван, робот насмешливо спросил:

— Что есть истина? Как ее постигнуть? И как использовать в практике?

Зот поджал губы, медленно втянул в себя ноздрями воздух и на какой-то момент замер.

— Сразу столько вопросов. — Он выпрямился на диване, поднял глаза к потолку. — Истина — это ин-

формация, которая получена разумом первым и зарегистрирована совестью. Понятно?

— Совесть — это ОТК, что ли? — Робот весело крутанул кресло на середине салона. — Каждый из нас получает своим высшим разумом информацию, откуда же берется ложь?

Зот не подымался с дивана.

— Ложь от нас же, — проговорил он. — Представьте, что вы, слушая музыку, хотите передать ее другим своими словами, разве кто-то получит от вас истину? Лучше воспроизвести музыкальное произведение в точности, как музыкант, который вам играл... Вообразите, что гамма-лучи вошли в вашу клетку, в клетке началась химическая реакция, но разум обычный узнает о болезни клетки много позже. Врачам потребуется немало времени, чтобы выяснить причины болезни. А если учесть, что имеются дремучие невежи, лжецы, фальсификаторы, то сколько же ложной информации они распространяют...

— Согласен. — Робот остановился напротив Зота. — Истинная информация излучается системами природы независимо от людей...

Зот насмешливо замотал головой:

— Информация, которую излучают объекты природы, ни истинна, ни ложна. О ее истинности, как и о ценности золота, могут сказать лишь люди. Истина — это не польза и не выгода, ибо выгоду могут получать и дезинформаторы. Истина — не мнение большинства или меньшинства, ибо богословы принуждали верить людей в идолов, в легенду о том, что якобы земля стоит на трех китах. А если головы людей забиты мусором неверных категорий, то, представляете, какой бред могут выдавать люди под видом науки? Повторяю: истина — это информация, которая получена разумом первым и зарегистрирована совестью...

Далее Зот растолковал роботу, что словами легко конструировать несбыточные, иллюзорные обстоятель-

ства, тогда как сами обстоятельства и реальный человек не нуждаются в фантастическом счастье. Когда кто-то награждается богатством, то не успокаивается, не перестает ожидать других радостей. Счастье же заключается в том, чтобы, открывая в себе высшее зрение, не бояться грядущего, радоваться внутренней музыке и чаще петь песни...

— Может быть, плясать? — съехидничал робот. — Ходить по бригадам и плясать? А?

— Твой план известен, — продолжал Зот. — На жестокость отвечают жестокостью, на угрозу угрозой, хитрят, сваливают вину на обстоятельства, на погоду, отвергая рок, оправдывают им свои неудачные делишки. Смирись и взгляни на себя со стороны, задумайся над жизнью другого, и ты поймешь, что он намерен сделать... Работая, ты торопишь приход праздников, не умея смаковать удовольствие каждой протекающей через тебя минуты...

Слушая складную болтовню физинструктора, робот, сам того не замечая, словно бы погрузившись в глубокий гипноз, вдруг увидел мечущуюся над пустырем ворону... Обыкновенная ворона в серой поддевке и в черной шапочке на голове, с черными полами крыльев и черным хвостом юбки летала над кустами. Вот она помчалась, взмахивая крыльями, над каким-то узким переулком, миновала створ темных деревянных ворот, перемахнула через забор и пронеслась над широкой рекой... Моросил дождь, слабый свет оконтуривал деревянные дома, ворона села на бетонные плиты, заглянула под них и, обнаружив там как бы грот, спряталась... «Я тебе подписала приговор!» — проговорила ворона, глядя из дырки грота прямо в очки роботу. Он вздрогнул, но не перестал наблюдать за птицей. Конечно, открывшийся третий глаз позволял ему сделать уже заключение, что ворона ему угрожает.

Можно было бы прервать это видение, но любопытство и совет физинструктора не бояться грядущих событий, которые неотвратимо наступят, как говорится: «Чему быть, того не миновать», приободрили робота.

Вороне надоело сидеть в гроте, она подпрыгнула и, расправив крылья, вытянув назад ноги, полетела над безлюдной улицей в сырость и ветер; вот она села на сук большого тополя, и робот узнал, что это тополь за окошком его кабинета. А ворона, держась цепкими пальцами за сук, заглядывала в окошко, изучала, где расположена форточка, и уже самому роботу был виден через стекло его кабинет, телефонные аппараты, настольный календарь, стакан с карандашами и даже сейф и на стене график продвижения путепрокладочной машины. Из окна приемной модно причесанная секретарша Зиночка, вытягивая короткую шею, наблюдала за вороной.

Дверь кабинета распахнулась, и в него вошел с плащом в руке сам робот. Это было невероятно — видеть себя со стороны, словно бы он киноактер и его засняли в кинофильме; робот сел за стол, в кресло, глянул в окошко и увидел на тополе ворону. Тут в кабинет, стремительно распахнув дверь, вбежала запыхавшаяся в клетчатом костюме и клетчатых штанах Виктория Филипповна, по-военному бросив приветствие, остолбенела, указала на открытую форточку:

— Дождь брызжет, и ворона может залететь!

— Не залетит, — отмахнулся робот.

— Дудкина можно увольнять! — доложила. — Выжил старикашка из ума. На станции Ягодной две бригады не поладили... Это по вине Дудкина.

Робот забулькал смехом. Оказывается, тамошний совхоз закупил в Красногорске несколько платформ кирпича, отправил их по железной дороге на станцию Ягодную. Егор Андреевич, случайно оказавшись в Ягодной у сарая, где курили каменщики, скучая без работы, — кирпича нет, не вникая в обстановку, скомандовал: «Вон

кирпич, на платформе. Разгружайте!» Каменщики быстро очистили платформы, закипела работа на кладке стен школы. Прибежавший совхозный экспедитор, не обнаружив стройматериалы, заспорил с каменщиками, позвал грузчиков со своих автомашин, те полезли на леса разламывать кладку. Каменщики, отстаивая свою работу, по-боевому взялись за мастерки... Случилась басталия.

— Отнять бы надо у Дудкина амулет! — сказала Гончева, покидая кабинет робота.

А он глядел в окно на ворону. А ворона смотрела через стекло на него. Смотрела, смотрела, да и прыгнула на переплет открытой форточки, сиганула в кабинет. Сделав вираж, она метнулась к столу и ударила робота клювом в лицо и шею. «Кыш, дура!» — закричал он, стараясь ухватить птицу за шею или за мокрый хвост, но та не давалась, отлетела в угол и, угрожая каркнув, опять приготовилась к налету. И снова он почувствовал удар в лоб, очки его упали; инстинктивно зажмурившись, он ждал новой атаки.

Странно было роботу наблюдать за тем, что происходит там, в кабинете. Одновременно он чувствовал огненные удары клюва в висок, в щеку. Он закричал и услышал стук каблучков Зины. Защищаясь локтем от взбесившейся вороны, опрокинув второпях стул, пробрался на ощупь к подоконнику, где обыкновенно стоял графин с водой, нащупал пальцами прохладный стеклянный бок графина. Он слышал истошный Зинин крик. Разлепив веки, робот увидел: с разинутым ртом, с перекошенными щеками Зина гонялась за вороной. А ворона кружилась по кабинету под потолком, не садясь на люстру и не вылетая в форточку. В кабинет ворвалось множество людей, кто-то палкой целился в птицу. Лоб, висок и щеку палило нестерпимо, робот жмурился и осторожно омывал лицо водой из графина.

Ворона благополучно вылетела в форточку: никому не хватило сообразительности захлопнуть створку.

«Эта ворона мне знакома, — сказал себе робот, продолжая глядеть кинофильм своего грядущего. — Ворона уничтожает новый вариант строительства дороги...»

Кожа на лбу и щеке вздулась, щеку саднило. С словами: «Заговорщики хотят остановить путеукладку» — робот вышел из кабинета. В приемной его встретила толпа, Зиночка дрожащим голосом вызвала милицию. «Прекрати!» — рявкнул робот и вернулся в кабинет. На ковре, устилавшем пол, — какая-то грязь от вороны, на стене — серые разводы брызг.

Из любопытства робот продолжал глядеть этот постыдный кинофильм, хотя ему было неприятно видеть себя в такой неприглядной роли. Мысль его погналась следом за вороной и настигла ее. Ворона промелькнула над высоко поднятой головой комсорга Корзухина, который зачем-то помахал ей рукой, затем, сделав круг над тополем, перелетела низко через металлический прут изгороди, через территорию сквера с клумбой, топорищившейся алыми георгинами, углубилась в тень между корпусами общежитий — будто опытный оператор ловко заснял все эти кадры. Робот засекал, как ворона ловко маневрирует крыльями, удаляясь в глубь сада, подальше от людей, как она, слыша веселый смех девчат вперемешку с указаниями коменданта Софьи Ермолаевны, торопливо машет крыльями, боится погони. Ага, устала. Села на изгородь, оглядывается. Тут когда-то была березовая роща, старик косил траву, а потом пришли строители и, разметив площадку, отвели под сад, а дальше поставили корпуса зданий. Робот узнает место. Ворона глядит вперед, но кажется, агатовые глаза ее с экрана вперяются в лицо роботу.

Вот она перемахнула через невысокое деревце, через забор и, к удивлению робота, села на погон молодому милиционеру. Розоволицый, горбоносый паренек, озабоченный чистотой своего мундира, резко отметил ладонью у козырька.

«Вам чего, гражданка?»

Ворона каркнула ему в ухо: «Арестуйте меня!»

Начищенные до блеска, слегка припачканные мокрым песком, плотно обтягивающие голени хромовые сапоги переступали на асфальте. Белесые брови паренька шевельнулись недоуменно, он боялся сбросить ворону с погона, но и понять ее не мог.

«Я — судьба», — каркнула ворона.

«Чья судьба?» — нашелся милиционер.

Крепко ухватив птицу за крылья, милиционер понес ее по улице и на перекрестке осторожно передал другому милиционеру; тот, приняв птицу на локоть и держа ее за ноги, молча понес ее через центральную площадь города, через сквер к серому зданию с прямоугольной вывеской. «Так ей и надо!» — сказал робот, зевая. Ему наскучил кинофильм, и, если бы он не касался лично его, он давно бы отвернулся. Но ворона назвалась «судьбой»...

Свернув за угол, милиционер толкнул обшарпанную грязноватую дверь. В помещении с барьером, за которым возвышались голова и плечи с погонами сержанта, в углу на скамейке сидели обросший бородой бродяга и грязный пьяница с темно-лиловым синяком на лбу, его уговаривали два милиционера. Ворону принял в руки щеголеватый офицер, занес в свой кабинет и, закрыв форточку, посадил на краешек стола перед собою.

«Бездарный детектив, — подумал робот. — Смотреть или не смотреть? Этому кинофильму конца-краю не будет!» Тряхнув головой, робот поднял глаза и увидел, что Зот прогуливается по салону.

— Знаешь, у меня, кажется, открылся третий глаз, — сказал робот. — Такое привиделось, что и пересказать стыдно. Эдак ты меня превратишь в созерца-

теля... А я — человек дела, не миражей. Я буду бороться с призраками!

— С той тенью, которую вы увидели третьим глазом? — Зот улыбнулся. — Последствия событий неотвратимы. Точно так, как за преступлением последует наказание. Если известно, что в нашей местности будет солнечное затмение, мы ничего поделать не сможем. Разве что закрыть глаза и не смотреть...

— А я не поеду в Красногорск, не войду в свой кабинет, и ворона не влетит в форточку моего кабинета! Пусть все будет не так, как показано в кинофильме! Я сам сочиню для себя сценарий и сам по-своему сыграю свою роль!

Зот, меланхолично наблюдая за роботом, вежливо и тихо заговорил:

— Это было не кинофильм. Событие, увиденное третьим глазом, уже произошло. Его невозможно отменить. Вы общались с информационным полем, которое дает абсолютно достоверные сведения. То, что случилось, оно случилось уже и с вами, и с другими людьми, чьи судьбы пересеклись с вашей. Если кто-то из нас, связанных единым событием с Дашей, надеется избежать неизбежного, наказания или награды, то другие этого не позволят. Преступники всегда надеются уйти от наказания, но другие люди их ловят, да и совесть преступника не отпускает его.

— Я видел сон, — не согласился робот. — Видение...

— Это можно перепроверить логикой, — прищурился в усмешке Митрофанов. — Предположим, Даша наметила вас наказать. У нее для этого имеется причина. Вам следовало своевременно устранить причину.

— А если этой причиной является ее муж?

— Муж! — согласился Зот. — Он отвечает за честь жены перед своей геологической экспедицией... Все имеет скрытую логику, каждый человек — спрессованная генная программа, саморазвивающаяся система, на ко-

торию влияют обстоятельства... А сами обстоятельства опять же обусловлены... Только сверхум, отрешенный от страстей, надинтуитивный интеллект способен, общаясь с информативным полем, давать безошибочный ответ о будущем и прошлом...

— Довольно! — рассердился робот и забежал по салону. — Награды тоже неизбежны? Болезни обусловлены? Я сам создам себе сценарий и сам его разыграю!

Не переставая ходить взад-вперед, закатывая рукава рубахи, поправляя галстук, возбужденный робот не обращал внимания на физинструктора, но вдруг, вспомнив о нем, махнул рукой:

— Иди! Без моего разрешения из бригады ремонтников никуда не отлучайся.

Митрофанов неслышно вышел из салона.

«Думаете меня запугать? Не получится! Я разгадал ваши намерения и знаю, кто мне ставит ловушки. Сами в них попадете!» Он стал энергично звонить в подразделения, переговариваться с руководителями строительно-монтажных поездов, мехколонн, с трестом механизаторов. И вдруг, взявшись в очередной раз за трубку, услышал голос Вадима Корзухина: комсорг предлагал ввести во всех бригадах физкультуру, не производственную гимнастику, а именно физкультуру...

— Принудительно, что ли? — не понял робот. А когда разобрал, что идея исходит от физинструктора, рассмеелся: — Может, гимнастические снаряды в каждой бригаде установим?

Вадим восторженно рассказал, что напал на след поджигателей хуторов, ими оказались мальчишки детских садов; пацанов на трассе мало, но очень они смысленные, их научили пользоваться спичками...

Посмеявшись над очередной шуткой Корзухина, робот хотел положить телефонную трубку, но Корзухин таинственно добавил:

— Имя главного поджигателя смогу назвать только в доверительной беседе...

«В Красногорск, что ли, меня заманивает? К вороне? В неотвратимость?» Робот набрал телефон Виктории Гончевой.

— У меня к тебе просьба, — пробасил он в ответ на ее привычное «Здравия желаю!». — Завтра же выпроводи в отпуск воспитательницу Ивушкину. Попроси для нее путевку в дом отдыха или еще куда-нибудь, в крайнем случае командируй ее дней на десять...

— А что случилось? — хрипло спросила Виктория Филипповна.

— Мне кажется, она вместе с мужем преследует меня... А сейчас, сама знаешь, нужно штурмовать Еланское болото...

— Шлюшка она! — вскипела Виктория. — Да я ей такое изображу, что матушка ей передачи носить будет...

— Тихо! — осадил он Гончеву. — Подумай, как любовно сделать, чтобы Ивушкина добровольно уехала из города.

...Только робот мог предложить такое, возможно, он был запрограммирован на ошибку.

* * *

Поздно ночью дрезина со служебным вагоном, в котором ехал главный инженер стройки, вернулась в Красногорск. Дома робот удивился жене, она была коротко подстрижена, голова ее походила на гриб с большой шляпкой на толстой ножке: обнаженная шея казалась крепкой, как у борца. На тонких кривых ногах, обутом в сапоги-ботфорты с загнутыми широкими отворотами, жизнерадостно протопала она из спальни в кухню.

— Ты чего ночью в сапогах? — удивился робот.

— Я же не спрашиваю тебя, почему ты счетно-хозяйственный мозг, — ответила Ирина.

Он привык, что жена транжирит деньги на туристические круизы, тратит зарплату на экстравагантные платья, кофты, юбки, сапоги, бусы, браслеты, всякую мишуру, от которой улучшается ее настроение, но которые не могут скрасить ее фигуру и тем более походку. Жена прошагала в гостиную. Он проводил ее взглядом: «Ну цапля и цапля!»

Все последующие дни он много работал, подчинив свои действия только одной цели — подготовке дороги для первого перегона поезда из Красногорска в Искер. Когда хриплый голос Бородая доложил по телефону, что дожди прекратились, путеукладочный агрегат, прибывший из Новосибирска, приблизился к станции Искерской и можно устраивать праздник, ликование народа, робот не спешил радоваться. Он все еще верил и не верил в стыковку станции Искерской со всей дорогой, еще вечером поторапливал Бородая, опасаясь, что за ночь путеукладчик не продвинется на два километра, ибо земляное полотно было вязким.

Страсти последних пяти суток утомили работа как никогда, ежедневно по несколько раз он получал сводки из тайги; люди работали круглосуточно, в три смены, вручную катили по рельсам и стлали звенья рельсошпальной решетки, но в последние двое суток так продвинули вперед путеукладочный агрегат, что машина оставила за собой семь километров стального пути!

— Мы победили! — позвонил радостный Бородай.

«Да, это триумф монтеров пути из строительно-монтажного поезда Бородая и Гончевой, это подвиг бригады Драчунова, радость мастера путеукладочной машины Горюнова, механизаторов Кваши... Это и мой триумф...»

К двум часам дня вместе с руководителями области робот прилетел на вертолете в Искер, прямо с голубого

неба попали на площадку возле нескольких деревянных вагончиков, которые обозначали место станции Искерской. Стены вагончиков, фасад вокзала были расцвечены, как в Первомай, кумачовыми лозунгами, колонны пионеров в белых рубашках махали красными флажками, букетами цветов, загорелые, в ярких платьях девушки репетировали за вагончиком песню, юноша в черном костюме взмахивал перед ними по-дирижерски палочкой; принаряженные парни толкались у торговых лотков, сельский люд в немодной, но добротной одежде, дряхлые старцы с орденами на пиджаках, старушки в цветных платках — все съехались из ближайших деревень посмотреть на первый в здешних местах поезд. Увидев среди разноцветной толпы крепкую фигуру комсорга Вадима Корзухина, робот с благодарностью подумал о его удивительной мобильности и организаторской работе; но над Вадимом махала крыльями странная ворона — какой явный диссонанс с общим ликующим настроением... Робот обратил внимание, что на путях пять женщин в ярко-оранжевых жилетах еще орудовали ломами, вбивали кувалдой костыли в шпалы. «Не нашли для демонстрации парней!» — подосадовал робот.

Вместе с представителем Министерства путей сообщения он прошел в комнату начальника станции, где уже были Егор Андреевич Дудкин, Виктория Филипповна Гончева, Бородай и еще с десяток руководителей подразделений. Громкоговоритель, укрепленный на деревянном столбе на перроне, пронзительно объявлял о прибытии тепловоза с вагонами, в котором ехали комсомольцы-строители. Фотокорреспонденты рыскали в толпе в поисках невиданных кадров, журналисты тащили героев в тихие комнаты вагонов для «тайных бесед», радиорепортеры размахивали грушами микрофонов.

— Мы шли к этому триумфу почти три года, — сказал робот с помоста трибуны, — мы все вместе подгото-

вили это неотвратимое событие. Мы назначили именно этот день для торжества, и мы свое слово сдержали!

Потом отгремело «ура!», и все слушали речь секретаря обкома партии. После него азартно, темпераментно говорили Бородай, Кваша, Гончева, Драчунов, Жукова и Вадим Корзухин, еще неоднократно прозвучало многоголосое «ура!», прозвенела медь духового оркестра с насоро настеленных досок перрона. Когда громкоговоритель запел «Марш энтузиастов», робот опять увидел летающую над головами ворону...

«Что за глупая птица? Подсказать ребятам, чтобы ее подстрелили? — подумал он и сам ужаснулся своей глупости: — Не над головами же людей палить из ружья!»

Вместе с представителем Министерства путей сообщения возвратились в кабинет начальника станции, где робот написал телеграмму в Москву, в министерство.

После митинга Бородай, как было спрограммировано, пригласил всех в ресторан гостиницы на ужин, но робот отказался. Вместе с секретарем обкома партии он пошел к вертолету, но тут его догнал Вадим Корзухин и, улыбаясь, шепнул на ухо:

— Хутора сжигались по тайному распоряжению Ивана Леонтьевича...

Робот остолбенел, полученная информация исказила его лицо, он заморгал.

— Хотел обновить жилье, оно ведь старое, привезено с Абакана. — Вадим подмигнул: — Щитосборные домики бросать нельзя, потому что их заселяют случайные люди, а потом требуют освещения, отопления, и сжигать дома запрещено — такова инструкция...

Робот мотнул головой, ничего не понимая, отвернулся от Корзухина.

Вертолет, промчавшись над просекой в тайге, над двумя ниточками рельсов, над разветвлениями на стан-

циях, над трубами, антеннами, крышами поселков, над вырубками, речками, озерами, островками, где сгрудились тракторы, бульдозеры, экскаваторы, наконец, приземлился на маленьком, окруженном домами аэродроме; тут поджидали автомашины. Робот, попрощавшись со всеми, поехал в управление.

Зиночка обратила внимание на грустный вид робота. От ее зорких глаз не ускользнуло, как главный бухгалтер Полубаба многозначительно улыбался, получая у Стрелецкого визу на какой-то документ, как начальник УРСа, верткий и пронырливый, излишне долго кашлял в кулак, не решаясь в присутствии секретарши о чем-то заговорить. Но сама Зиночка сочла возможным предупредить робота, что за окнами его кабинета летает подозрительная птица, чуть ли не ударяясь в стекло...

«Всякое событие готовится заранее», — сказал себе робот и в самом деле увидел, что на него из-за стекла пронзительными и злыми глазами смотрит ворона. Она резко взмахнула крыльями, каркнула и устремилась в открытую форточку. Ворона металась по кабинету, явно намереваясь напасть на робота, разогнавшись, она клюнула его в лоб, потом в щеку. «Кыш, дура!» — закричал робот, отбиваясь. У вороны были мокрые крылья и слипшийся хвост. Бешеное крылатое существо вновь напало на него, и он потерял очки...

Когда птица вылетела в форточку, он вспомнил, что видел подобное третьим глазом. Происходящее тогда казалось ему кинофильмом, сном, навеянным беседами с физинструктором. Но, странное дело, все повторилось почти в точности...

На его крик вбежала секретарша. Робот стоял уже возле подоконника и умывал лицо водой из графина. Он чувствовал, как саднит щеку. Зиночка взялась за телефонную трубку, робот нажал на рычаг. Он догадывался, кто эта мерзкая ворона... Но как же она переменилась!

ПОСЛЕДНИЙ ПОЖАР

*Принявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.*

Александр Блок

На другое утро робота пригласили в контору по ремонту и наладке искусственных интеллектов. Включив себя в режим самоанализа и оценки ситуации, робот понял, что обстоятельства зажимают его.

Выйдя из машины возле деревянного старинного особняка с высокой парадной лестницей и голубыми перилами, робот поднялся по скрипучим, выскобленным до желтизны деревянным ступенькам и вступил в небольшое фойе, где половицы прогибались от каждого шага. Он удивился, что апартаменты жрецов переналадки искусственного интеллекта не годятся в сравнение с просторными, заполненными светом и воздухом залами и кабинетами управления Красногорскстройпуть. Робот не испытывал досады на ворону, отдавая отчет в том, что ее запустила в кабинет чья-то незрелая рука, и теперь неведомый механизм, захватив его страшными лопастями, тащит в неумолимый барабан дискредитации.

«Разберут, пожалуй, на части», — подумал он, разглядывая в приемной сухопарую дамочку в ситцевом платье, выдувающую в его сторону напудренными ноздрями фонтанчик дыма. Он попытался изобразить на лице вежливую улыбку, но исклеванные щека и лоб исказили маску приветливости. Дамочка, узнав, что робота вызвали для освидетельствования и перенастройки, официально указала на дверь молодого мастера.

Привыкая к звукам и запахам полутемного фойе, робот размышлял, как бы избежать капитального ремон-

та и обойтись малой профилактикой. Он приоткрыл дверь в комнату молодого мастера, но, увидев там сидящую на спинке стула ворону — существо с грязным хвостом, быстро притворил дверь и отошел в конец коридора, где не горели лампочки. Там он терпеливо дожидался. Когда подмастерье унес птицу из комнаты мастера, робот вошел.

Мастер радушно пожал ему руку, усадил и, напустив на лицо тень строгости, стал расспрашивать, по какой причине ворона ворвалась в кабинет и совершила покушение.

— Залетела нечаянно — перепутала форточки, — отчеканил робот. Он контролировал переключения в своем механизме, не желая уступать воле случайных обстоятельств.

— Ворона призналась, что вы привлекли ее в штат обслуживающего персонала, — сообщил мастер. Он выжидающе наблюдал.

Робот утвердительно кивнул и объяснил, что птица оказалась сверхштатной единицей.

— Кроме того, вы вопреки существующим инструкциям восприняли миллиардной ценности идею, но не смогли ее переварить и подавились, — напомнил мастер. Он походил на хлюста, который умеет танцевать и ухаживать за дамами, одет был в штатское, от него исходил запах какого-то заграничного одеколона. Возможно, он любил ездить на мотоцикле, стрелять из пистолета, считал себя докой — наладчиком искусственных интеллектов, а потому обмануть его было трудно.

Робот, рассеянно оглядывая мастера, сейф, чайник на подоконнике, стакан, пепельницу на столе и побеленные стены, признавал аварийность своей ситуации, но решил испросить по крайней мере отсрочки ремонта.

— Отпустите птицу, и весь инцидент будет исчерпан, — пророкотал он. — Я не придаю значения событию.

— Но ворона настаивает, чтобы вас разобрали, —

объяснил мастер. Он перебирал на столе листочки с расшифровкой вороньих каракуль. — Она агрессивна и может напасть еще раз.

— Она, конечно, живое существо, — согласился робот, — но я могу отладить отношения с этой птицей. — Он верил, что сможет подкорректировать свое неминуемое бытие, поэтому стал демонстрировать наладчику логические возможности своего интеллекта в различных параметрах и режимах. Есть большой хозяйственный механизм стройки, где все взаимосвязано: механизированные колонны, оснащенные экскаваторами, бульдозерами, самосвалами, грейдерами, отсыпают в тайге земляное полотно, корчуют пни, роют траншеи и забучивают их песком, готовят земляную подушку для будущей дороги; другие подразделения укладывают на длинную подушку шпалы и рельсы; третьи сцепляют вагоны и гоняют их по рельсам; четвертые возводят из кирпича и бетона здания станций; пятые перебрасывают через реки мосты; шестые тянут линии электросвязи и подземные кабели; седьмые налаживают автоблокировку... И в конечном счете он, робот, координирует все взаимодействия людей и механизмов. Он, биомеханизм пятого поколения и особого ранга, принял в недра своего интеллекта ценную идею и, не останавливая работы всей стройки, стал проводить ее в практику, чтобы ускорить продвижение рельсового пути в единицу времени, получить большую экономическую выгоду. Привлекая для самообслуживания нештатную единицу, он не предполагал, что женщина может оказаться вороной...

Мастер-наладчик терпеливо растолковал, что действия вороны могут быть квалифицированы как разбой или нападение с целью расстройства функций биointтеллекта, что влечет за собой наказание лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, — наладчик заглядывал в очки роботу, осматривал поклеванные вороной щеку и лоб.

Но робот считал, что действиями вороны руководи-

ла воля другого лица, возможно физинструктора Митрофанова, и упорно требовал отпустить ворону на свободу, не ставить под сомнение искусственный интеллект, не дискредитировать его возможности, поскольку роботом управляет информация, поступающая из высших сфер...

Вернувшись на службу, робот первым делом навел по телефону справки о Зоте Митрофанове; председатель стройкома профсоюза объяснил, что физинструктор в Искере готовит крупные соревнования по легкой атлетике, что это будет спортивный праздник молодежи и физинструктор не имел времени побывать в областном центре, разве что только ночью...

С открытием рабочего движения поездов на линии Красногорск — Искра на робота навалилась масса неотложных дел... Минуту два дня. Поутру зазвенел черный московский телефон. В поспешности робот задел краем трубки вспухшую щеку, подавил болезненный стон, прижав трубку к уху, узнал бубнящий сипловатый басок и заорал радостно:

— Тихон Ефимович, приветствую вас! Извините меня за грубость на Шестаковском мосту. Хочу, чтобы вы воспользовались на заседании коллеги ценными фактами...

— А сам разве не будешь выступать? — удивился голос из столицы.

— Захворал. На недельку... Щеку и лоб повредил. — Робот лихорадочно шарил пальцами по столу, нащупал и машинально расшнуровал папку с документами. — Мы собрали цифры по нескольким трестам, все заинтересованы в быстром открытии всех трех очередей железной дороги Красногорск — Нефтяные Юрты... Сейчас одна добытая тонна стоит в девять раз дороже, чем обойдется государству при наличии рельсового пути...

— Знаю... Хотите гнать дорогу зимой по-армейски?

— Настаиваю! — горячо сказал робот. — Линию на

Искер мы дали досрочно! Но это дело честное, да и вторая очередь до лесспромхозов — тоже... Главное — Нефтяные Юрты!

— Молодцом! Так, так, — пробубнил далекий голос. — Дожди прекратились? Хорошо. А что там у тебя за история с вороной?

«Уже знает!» — огорчился робот, прикрыл глаза рукой, неохотно ответил:

— Ворона и есть ворона, на расстоянии не объяснять...

— И не надо, — ответил Фокин и кашлянул. — Однако нехорошо как-то...

Робот вспотел.

— Меня утвердили начальником вашего, то есть нашего, управления, хотел бы с тобой сработать, — вежливо добавил Фокин.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил робот.

В трубке что-то заскрипело, булькнуло. Беспокойство, которое томило робота много дней, наконец спало, в сознание стремительно потекла апатия, вытесняя энергию. Павел почувствовал, словно бы пустеет, теряет силы, очеловечивается... «Обвели вокруг пальца», — напрягал волю, чтобы непринужденно продолжать беседу. Поддакивал: пожаров больше не будет. Понятно, что дорожных строителей нельзя поселять в стационарные кирпичные дома... С безразличием соглашался: надо беречь передвижное щитосборное жилье, оно мобильно, легко разбирается и транспортируется, быстро монтируется в дома, а новые вагонные городки еще требуют испытания, они не практичнее щитосборных... Не верилось, что карьера кончалась бесславно и второго восхождения по служебной лестнице не будет.

— Рекомендую в Москву на заседание коллегии Егора Андреевича Дудкина, Ивана Ивановича Петухова, Семена Васильевича Заварухина, — бесстрастно перечислял.

— Этого еще зачем? — не согласился Фокин. — Бу-

зит... Его идея? Ну и что? Почему бы не командировать Викторию Филипповну? — Вызвал Гончеву по селектору, задал вопрос напрямую. Виктория Филипповна весело отрапортовала, что ворон развелось вокруг столько, хоть из ружья пали! Павел и ей поддакнул. «Что со мной?» — поймал он себя на забытом ощущении человеческого сомнения. Неожиданно ему захотелось попариться в бане.

Гончева очень гордилась финской баней в профилактории, потому что сама руководила ее строительством, сама ездила в Ленинград за электрическим камином и теперь лично распоряжалась, кого в бане парить, а кого не пускать, и, разумеется, по ее заказу заведующий профилакторием привозил туда вяленую или копченую рыбешку. На просьбу Павла она ответила со всем радушием. Он пригласил Корзухина. После обеда они помчались в машине по гладкому асфальту через бор к озерку. Было еще светло. Но в дороге Павел почувствовал, что его трясет лихорадка ярости, руки дрожат и голова в тумане. Приказав шоферу остановиться, Павел, криво усмехнувшись, сказал Корзухину, чтобы он ждал его в машине, а сам побрел в просвет между соснами. Неожиданно лес оборвался, и Павел оказался на лужайке со свежесметанным стогом сена, у края опушки еще валялись остатки прутьев, предназначенных, видимо, для укрепления верха стога, но оказавшиеся лишними. Приблизившись вплотную к скирде, навалился грудью на мягкое, еще не слежавшееся сено; сухие голубоватые усики травинок рябили перед глазами, щекотали нос. Павел зажмурился и попытался, как делал в салоне вагона в присутствии Зота Митрофанова, увидеть еще раз сцену с вороной, когда та напала на него в кабинете... Кинофильм не возобновлялся, перед глазами вспыхивали искры, но вот мелькнул переплет окна, а за ним завиднелась белая стена города, облицованная, казалось, восковыми рамками с ячейками сот — сотни, тысячи окон. Павел сосредоточенно всмат-

ривался, пытаясь уловить неведомые волны информационного поля. За стеной высились две трубы теплоэлектроцентрали, одна из них выпускала коричневатые волны дыма.

И тут мелькнули крылья птицы, ворона летела на фоне белой стены города, она то снижалась, то подымалась вверх, нырнула в коридор улицы... Из клюва вороны вырывался огонь, искры разлетались по сторонам. Вот пламя охватило карниз одного дома, плеснулось на второе здание, заплескали огненные языки, черный дым за клубился над крышами... Мысленно Павел как бы считал: «На каждый миллион выигранного миллиарда можно построить два стоквартирных дома, а на тысячу миллионов — две тысячи зданий...» Но этот сказочный город горел, огонь пожирал кварталы. Со всех сторон на город смотрели люди, толпы людей, это были мужчины с чемоданами, рюкзаками, они стояли возле щитосборных бараков, у балков, вагончиков, землянок и сельских изб и, как Павел, беспомощно наблюдали за грандиозным пожаром... «Но это же мираж!» — сказал себе Павел.

«Нет, не мираж! — ответит внутренний голос. — Ты хозяйственник, смысл твоего дела — устранять конфликты, уравнивать на весах экономики проблемы, выбирать оптимальные варианты, выигрывать выгоду государству и людям. Ты обязан подталкивать людей к успеху, а ты цепляешься за кресло, идея громадного города сгорела».

«Нет! Город не сгорел!» Павел помнил, что в сейфе лежат три покоробившихся листа бумаги с наклеенными на них Зиной клочками заварухинской заявки. Брошенные Семеном, они могут возродиться для борьбы против Семена. Институту дорог старый проект строительства железной дороги — это их родное детище. Там не уступят нажиму управления строительства сделать зимой рывок с рельсами по стылой земле на пятьсот километров до Нефтяных Юрт, там не станут спасать

новый сказочный город, сверкающий в идее — в мираже. А без согласия института и Министерство путей сообщения, и Госплан просто отмахнутся от сказочной идеи, как от миража.

Павел вздрогнул от нервной разрядки, в глазах мелькнули огоньки, словно он еще видел горящие головешки, но огоньки отлетели куда-то в сторону. Подняв голову, он увидел, как несутся над головой, скручиваясь в жгуты и разрываясь, опаленные, побуревшие тучи. Возвращался к машине, тяжело ступая. На какой-то момент солнце разорвало скатанную пелену туч, озаарило поляну. Павлу почудилось, что застрекотали кузнечики и ударил в ноздри медвяный запах трав, но края туч сомкнулись, и опять все померкло.

В кирпичной бане, отделанной плотно подогнанными досками, метлахской плиткой и кафелем, — три отделения: раздевалка, душевая с небольшим бассейном и парилка; в парилке — полок и железный электрический ящик, уже нагнавший жару до ста тридцати гра-

дусов, в чем Павел сам убедился, глянув на шкалу термометра. После третьего захода в парилку Павел забыл об усталости. Побулькался в воде бассейна, азартно обмылся под душем, закутавшись в простыню, посидели с Вадимом на диване.

Заряженные бодростью, легкие, Стрелецкий и Корзухин прошлись метров сто по сосняку, и тут Павел

вновь увидел в своем сознании горящий город. Его охватил панический страх, ему захотелось бежать, не разбирая дороги, немедленно что-то предпринять, сердце громко стукнуло, на миг замолкло, потом зачастило, вбивая костяные иглы, от которых тупая боль охватила половину груди. Ему показалось, что огонь пожара лизнул его левую руку и лопатку, он побледнел, пошатнулся, на лбу его выступил пот. Корзухин подхватил Стрелецкого под руку, а он бессвязно бормотал: «Ехать... пожар... спасти...» Ценя юмор, комсорг принужденно улыбнулся и даже пошутил; уж не открылся ли Павлу Николаевичу третий глаз...

Догадливый шофер помог усадить Павла в машину, вел ее как можно осторожней, стараясь не трясти на ухабах, но не успели они добраться до города, как Павел потерял сознание. Корзухин приказал свернуть с главной улицы, заехали во двор областной больницы, тут Вадим побежал к дежурному врачу, тот спешно спустился со второго этажа с двумя санитарами, и больного на носилках понесли в реанимационное отделение.

...Он бежал в гуще народа на пожар, тушить горящий город, бежал по какому-то тесному коридору, рядом с ним была Златогривка, а над головой кружилась ворона. Потом все оказались в вагоне поезда, он слышал перестук колес. Состав вынырнул из мрака, остановился у светлой обстроенной станции, за которой были громадные здания, объятые пламенем, и Павел, пожав Сонечке руку, выскочил на перрон, где люди с баграми и ведрами катили старую пожарную машину. Смехотворно пытаться спасти такой город с помощью допотопной мотопомпы!.. Звякнул сигнал отправления, люди опять кинулись в двери, состав вновь помчался с бешеной скоростью, стремительно приближаясь к пожару... Сонечку оттеснили от Павла, он видел, как в суете и толчее какой-то мужчина обнимал ее, а Павлу было не до того — он спешил на пожар. Но снова раз-

дался сигнал, чтобы ехать еще ближе к пожару... Какая неразбериха! Этак весь город сгорит, и никто не успеет даже начать пожар тушить! Гонка от станции к станции — это жизнь? А тушить пожар? Длится гонка от станции к станции; в жизни столько перегонов, сколько пролетит состав, а кончается, когда человек не успеет вскочить в поезд и останется на пустынном перроне. Как же, не останавливаясь, приступить к тушению пожара? Дождавшись очередной остановки, Павел решил больше не ехать, а броситься к горящим стенам города. Будь что будет! Кроны деревьев уже искрились, дым клубился над ними. Поезд умчался в сторону Нефтяных Юрт.

Впереди бушевал огонь. Глянув на себя, Павел увидел, что он в стальном панцире, как средневековый рыцарь. Хотел заорать что-то протестующее, но чей-то внушительный голос произнес: «Ты — робот пятого поколения, ты — биологический интеллект, заключенный в металлическую оправу».

Очнулся, и ему показалось, что он пробыл в забытии несколько секунд. Удивился, обнаружив себя в больничной палате со столом в изголовье и какой-то аппаратурой на столе. Два лица в белых колпаках склонились над ним.

— Где Вадим? — выдохнул в чье-то лицо.

Доктор, глянув через очки в золотой оправе, подмигнул ему:

— Будем жить!

— Пожар потушили? — справился Павел.

Ему советовали не двигаться, будто бы он, если бы захотел, мог вскочить — у него не было силы двинуть стальные руки и ноги.

И вот он лежит, несколько дней лежит в отдельной палате, совершенно четко помня, как ехал спасать мифический город от пожара. Макушка тополя, загляды-

вающая в окно, напоминает ему дерево под окнами его кабинета. Заходят то доктор, то медсестра, то нянечка. Томит жажда по куреву, оно запрещено. Позволяют не только шевелить пальцами, но даже приподниматься на кровати, беседовать с сослуживцами. Повидался с Ириной и с дочуркой. Как ни странно, Ирина все-таки напоминала цаплю. Навестил Иван Иванович Петухов, принес три банки соку и сказал, что уже приехал Фокин и занял кабинет начальника управления. Услышав от Стрелецкого о том, что три хутора на линии были сожжены по тайному распоряжению Ивана Леонтьевича, бывшего начальника управления, Петухов ничуть не удивился, а только махнул рукой, мол, тебя это не должно беспокоить.

— Да неужто цельзя было обойтись без этой хитрости? — проговорил Павел не без иронии.

Иван Иванович причесал седые волосы пятерней, улыбнулся, сказав, что Павел Николаевич слишком наивен, погнал стальных лошадей и сломал сразу несколько инструкций. Но за штурм Еланского болота Стрелецкого следовало бы наградить. Потом неожиданный гость — главный бухгалтер Полубаба, застенчиво сидевший на стуле около Павла, много охал, с опаской говорил о коренных переменах в хозяйствовании, которые привез из Москвы на стройку новый начальник управления. Стрелецкий доверительно рассказал ему о своем сне, где он видел пожар города. Полубаба поджал губы: три хутора сгорело, чсго уж... И замолчал.

Весь подоконник в палате устала цветами бригадир бетонщиц Галина Жукова, а тумбочку завалил фруктами, выгружая их из сумки, Егор Андреевич Дудкин... Он был строг, принес новость: главк, подсчитав экономический эффект от срезанного по предложению Стрелецкого холма и утрамбованного в траншее Еланского болота, наградил Павла Николаевича пятью тысячами рублей.

Гончева появилась в палате с раскаянным видом,

бранила банный жар, а потом вытащила из сумочки пачку сигарет.

— Тебя Фокин рекомендует на учебу в Москву. — Она глянула на Павла весело. — Согласен?

Учиться Павел был готов, хотя и не знал чему. Молча наблюдал за бойкой Викторией.

Она закурила, но, спохватившись, затушила сигарету, сломав ее, сунула в карман брюк.

— У меня, Паша, радость, — разругаясь и повеселела Виктория, — Дудкина провожаем на пенсию, я буду на его месте...

Это оживило Павла; приподнялся на локте, захотелось поговорить с Гончевой откровеннее... О Сонечке и Даше.

— Даша — ворона, — запальчиво сказала Виктория Филипповна, — зря ты за нее хлопотал, посидела бы в клетке с годик, человеком бы стала.

В ответ на рассказ Павла о виденном во сне пожаре Гончева засмеялась. Обругала Семена Васильевича, он все еще кипит, шумит, надеется, что ему что-то отколется за его идею. Дурак! А Фокин осторожен. Пригласил из академгородка ученую братию, понаехало человек пятнадцать мудрецов, хотят как-то интерпретировать идею Заварухина.

Махнула неверным жестом в окно, засмеялась, сощурила умные глаза с длинными ресницами, ласково погладила ладонью колючую щеку Павла, раскаянно зашептала:

— Грех на моей душе, Паша... — настороженно взглянула, словно опасалась. — Пожалела я тебя. Ты одно время сильно походил на глухаря в пору токования: увлекся Сонькой — ничего окрест не видел. Помыкала она тобой... Я и вытурила ее из Красногорска, а потом гляжу — человека вроде как души лишила. Самозабвений в вас, мужиках, не понимаю и с бабами кисейными языка не нахожу. Цыкнула на Дашу — ворону эту, а не отослала ее, думаю, чем бы дитя ни те-

шилось... — Она кусала губу. — Выходит, дважды не ту услугу оказала. Казнить будешь?

Локоть, который поддерживал Павла над подушкой, вдруг ослаб, и Павел упал затылком в подушку, медленно расправил плечи и, сжав зубы, закрыв глаза, лежал на спине.

— Что с тобой, Пашенька? Прости, родненький, меня, глупую бабу, — шептала перепуганная Виктория Филипповна.

— Уйди, — прохрипел он. Тупая боль под грудиной нарастала.

Виктория Филипповна, склонившись, размазывая слезы, уговаривала Павла не принимать близко к сердцу ее слова, но ее просьбы скользили мимо его сознания. Напряженно-сладостная дрема овладела им. Ему пригрезилась светлая комната с дешевым ворсистым ковром на крашеном деревянном полу, с цветком герани на подоконнике, ему мнилось тихое журчанье беспечной речи Златогривки. И он не заметил, как Виктория Филипповна покинула палату.

Самой примечательной среди больничного однообразия была встреча с секретаршей... Круглолицая, со смущением в пронзительно голубых глазах, с сильно наслезными ресницами, с подсиненными веками, в цветной, с кистями шали, которую подарил дядюшка по случаю объявленного племянницей дня своей свадьбы, Зиночка держалась как-то по-новому, с едва скрываемым достоинством; она явилась в палату уверенно, как звонкое уходящее лето. Девушка внесла и тонкий запах духов, и печаль, и улыбку, и смущение; преодолевая неловкость, села на краешек стула, теребя крыло шали, не зная, о чем спросить и что сказать. Павел улыбкой помог ей снять скованность, и тогда Зиночка зашебетала о том, что кабинет главного инженера занял Бородай, что она опять подслушала беседу в квартире

дядюшки с Сергеем Афанасьевичем, который утверждал, будто бы Зот Митрофанов — инопланетянин и прилетел на стройку откуда-то с небеси...

Павел попросил рассказать еще что-нибудь и узнал, что у Зининого дядюшки в Москве, на набережной Москвы-реки, кооперативная квартира с видом на кремлевские купола, но там никто не живет: сыновья выучились, дядюшка держит их инженерами на стройке, а квартира пустует.

— Еще чего-нибудь! — подначивал Павел, развлекаясь воркотней Зиначки. Он сидел на постели, навалившись на подушки, прислоненные к спинке кровати.

— Семен Васильевич поступил в аспирантуру...

— Откуда у тебя шаль? — Павел пощупал шерстяную бахрому.

— Зот Михайлович подарил. — Зина хихикнула и расправила складки на груди. — Он на барахолке купил. Турецкую отдал Кате Дрыгиной, а павлово-посадскую — мне. У Зота дедушка помер. Прямо в сберегательной кассе, в поселке Бродниково. Ему сберкнижка выиграла сорок рублей, так старичка от радости кондратий хватил...

— А чего смеешься-то? — не понял Павел.

— Так... Местные охотники осмотрели избу, вынули из сундука с десятков соболиных шкур, а из карманов развешанной в кладовой одежды вытащили сорок восемь сберкнижек, на каждой записано по две тысячи и больше! — Зина смотрела на Стрелецкого широко распахнутыми глазами, ожидая удивления. — Все сберкнижки дедушка завещал Зоту.

— И он стал делать подарки?

— На огромное состояние зарится Дрыгина, ходит по Искру, уверяет судей, разных начальников, будто четвертый ребенок у нее будет от Митрофанова.

— И что же Зот?

— Исчез, как инопланетянин. — Зина развела ру-

ками, мол, неясно, не увольнялся, а только на службе его нет. О нем сокрушается Семен Васильевич.

— Все как-то быстро меняется без меня, — задумчиво проговорил Павел.

Округлив глазищи, Зина надулась так, что обозначилась второй подбородок, и тихо заговорила:

— А Бородай очень балует свою жену... Вы тоже баловали Соню и мужа ее наверх подталкивали, — брякнула секретарша и захлопала ресницами: то ли сказала? Не заметив на лице Павла недовольства, опять оживилась: — Бородай напаяли на нее узду верности, все так говорят. Подселил в квартиру тещу, водил обоих на торговую базу по улице Республики. Знаете базу облпотребсоюза? Повертел в зале косым глазом: выбирайте — чего желаете. Теща туда-сюда, ничего ей не приглянулось. А Сонька все углы обнюхала, кисонькой мяукает мужу: «Мне бы шубку норковую». Это же тыщи рублей! Бородай ей купил сразу же! И снова обращается к теще: «Выбирайте, мамаша, себе чего-нибудь». Теща влево-вправо, ничего ей не нужно. Показывает на доченьку: «Вы, зятек, женушке сделайте подарок». Сонька опять ластится к мужу, стелется перед ним: «Еще бы одну шубку». Бородай, говорят, поморщился, но и за вторую шубку рассчитался. Теперь Бородаиха ходит по управлению, гордая, меня в приемной даже не спрашивает, есть ли в кабинете муж, сама поровит пройти. С шубами-то она замаялась, хранит их в ломбарде. Там надежнее от воров.

Долго глядел Павел в окно, забыв о Зине, тоскливое и светлое чувство овладело им, почудилось, будто за окном майский день, а он так молод — еще не женат и вот-вот встретит ту, с кем станет одним целым, каждая клеточка тела которой будет ему родной. Он знает, кто она, та единственная женщина — Златогривка... И другая ему родной не станет. Она увлеклась покупками... потому, что тоску свою топит, может, не осознавая того, что Павел — ее половина души. Она лю-

бит его... А ветерок за окном перебирал пряди желтых листьев.

— Откуда ты все знаешь... — отрешенно произнес Стрелецкий.

— Да как третьим глазом пользуюсь, — с грустью пошутила Зина, обиженная его задумчивостью.

— У физинструктора училась?

— Павел Николаевич! — укоризненно усмехнувшись, развела руками Зиночка. — Сколько же вам пребывать в состоянии электронно-хозяйственного мозга? Я думала, вы как сломались, так и отключились от механизмов, стали живым, добрым, интуитивным мужчиной...

Он сощурил глаза под очками, стараясь получше разглядеть выражение лица секретарши.

— Да, да, — кивнула ему смущенная Зиночка. — Вам надо было ходить на курсы к Зоту Михайловичу... а то живете, как устройство по передаче сигналов... Мы же люди! Зот Михайлович говорил нам, что каждый человек — это как бы часы. Они идут себе, тикают. У них двадцать четыре часа, а каждый час — свое желание, своя функция. Час — сон, час — любовь, час — мечты, час — работа, час — интуиция, час — танцы, час — еда, час — музыка... Понимаете теперь? А вы только знай кричать: «Давай, давай!» Но часы не могут бежать вперед быстрее, чем работает механизм, их придется останавливать...

— Не понимаю! Мне дорога была нужна, а вам всем не нужна, что ли? — Павел нахмурился.

Зина закрыла лицо ладонями, как бы ища какие-то аргументы, сосредоточенно думая, потом резко вскинула голову:

— Люди живут для любви и детей, для радостей, а стройка для того, чтобы работать и получать средства. И вам, Павел Николаевич, точно так же...

— Нет, Зиночка! Я не могу без стройки...

— Не надо, Павел Николаевич, так волноваться, —

защебетала Зиночка. — Кому не нравится, тот увольняется... Верно? А вы сломались, но теперь опять человеком станете.

Он озадаченно молчал, не зная, что возразить.

— Я вас люблю, Павел Николаевич... — В голубизне ее глаз светилась нежность и преданность.

Она молчала. Молчал и Павел, думая, что Зина не выдержит паузы и убежит или, чего доброго, расплачется. Она закрылась ладонями, потом отняла их от пылающих щек.

— О вас столько сплетен, а зря... Вы не юбочник, вы сделали себя машиной...

— Ах, глупости! Машиной... — подсадовал Павел. — А Даша — ворона? — спросил, растирая ладонью левую половину грудной клетки.

— Конечно! — засмеялась Зиночка. — Хоть в какие одежды ее рядите, а вторым зрением она видна насквозь.

В дверь вошла нянечка: гостье пора прощаться.

— Ты, Зинуля, не видела у Егора Андреевича талисман? — спросил Павел и шутливо подмигнул ей, как бы намекая, что желает продлить их встречу.

Но она встала, ласковым взглядом прощаясь с Павлом, и все же задержалась на минутку, рассказала, что дядюшка Егор носит подарок Зота на шее как амулет, называет его камеей. Дядюшка показывал магический кристалл бухгалтеру Полубабе. Зиночка была в квартире и держала в руках безделушку; этот круглый камешек, как объяснил дядюшка, яшма, оправленная золотым ободочком; на одной плоскости вырезано фантастическое чудовище, имеющее три головы: льва, козы и дракона, то есть это трехголовая химера; а на другой стороне амулета выгравирована фраза на неизвестном языке; дядя Егор утверждал, что это магическая фраза ассиро-вавилонских жрецов, следуя ей, никогда не ошибешься.

— Вот если бы вам Зот дал такую игрушку, то вы

бы, Павел Николаевич, не надорвались... — засмеялась тихо Зиновья. — А то, как штангист, схватили очень большой вес...

— Как же он следует фразе жрецов, если язык непонятный?

— Послушались бы Митрофанова и в бане не запарились бы, — настаивала Зина. — Я все видела... — На круглом раздумывавшемся лице ее мелькали оттенки упрямства и сомнения.

Поколебавшись, Зина решительно шагнула к кровати Павла, наклонилась к его щеке, поцеловала и, не оглядываясь, торжественно, в яркой своей шали поплыла к двери.

Глава 19

ЧТО ЕСТЬ И ЧТО БУДЕТ

*Мудрый, ведал он все, что минуло, что
есть и что будет...*

Гомер

О появлении в больнице Зота сообщила медсестра. Павел, окрепший, способный ходить уже не только по коридору, но и по скверу, удивленный и обрадованный, согласился увидеться с Митрофановым. Скукотища слоняться по больничному двору, часами просиживать на скамейке, каждодневно в бездействии коротать быстротечность жизни в разговорах о смерти, похоронах и наследстве, о бессоннице и всемогуществе диеты, выслушивать однообразные жалобы соседа по палате на немощи, невнимание персонала, черствость родственников...

Павел вышел в фойе больничного корпуса в длинном домашнем халате, который принесла ему жена для комфорта и создания непринужденной обстановки, и

увидел физинструктора в голубой безрукавке, подчеркивающей скульптурную вылепленность мускулов. В едва заметной бесцветной бородке скользила неизменная улыбочка, глаза спокойные, лицо розовое. Протянув руку Зоту, он почувствовал, как мягко облегли его кисти пальцы Зота, как плотно обхватили, но тотчас расслабились и отпустили. «Будем опять играть в гадания, в предсказания», — промелькнула мысль, и Стрелецкий пригласил Зота пройти по аллее сквера, где меньше больных.

— Не ожидал, — признался Павел, шагая рядом с Зотом, касаясь плечом его плеча. Он испытывал малодушное беспокойство: может, Зот пришел мстить Павлу за прежние насмешки над его пророчествами? Или принес очередную новость о грядущей неприятности?.. Однако добродушная усмешка на лице гостя, казалось, исключала недобрые намерения.

— Робеем называть черное черным, а белое белым, — произнес Митрофанов, как-то странно заглядывая в глаза Павлу. — Избегаем искренности, страшимся огорчить собеседника, ищем деликатные выражения, учтивые объяснения, смягчающие ситуацию, вуалирующие неизбежное.

Павел рассмеялся, легонько шлепнул Зота по плечу:

— Страшную весть принес? Говори, я выдержу...

Лицо Зота, выбритое, спокойное, просияло, засветилось:

— Грубость убивает, нежность успокаивает. А как же пробиться к истине...

— Опять о втором зрении? — шутливо подмигнул Павел.

— Думая, люди знают больше, чем высказывают, но, приучившись скрывать, прятать истину, факты, теряют контакт с информационным полем...

— Куда, Зот Михайлович, клонишь? — насторожился Павел. — Убивать, что ли, пришел? Знаю, есть за мною грехи: не так корректировал планы, приукраши-

вал отчеты, обязательства не всегда выполнял... Да мало ли чего можешь увидеть третьим глазом! Хозяйство огромное, и многое зависит от того, как факты выдать, в какой обертке слов их приподнести...

— Напрасно вы, Павел Николаевич, я ведь не Мефистофель, никому зла не причиняю. — Зот неслышно засмеялся, заложил руки за спину; он был в спортивных тапочках, словно бы только что сошел с дистанции. — Да я и не боюсь зла...

— Не боишься? — Павел погладил ладонью грудь, где кольнуло. — А я боюсь. Обстоятельства научили. — И, показав пальцем на место, где бьется сердце, добавил: — Мотор барахлит.

— Зная вашу программу-характер, я уверенно могу сказать, что вы, Павел Николаевич, богатырь и сердца вашего хватит на сто лет бесперебойной работы.

— Ишь ты, доктор! — кинул взгляд на Зота, который медленно шел рядом. — Охота тебе скоморошничать! Тысячи непредвиденных вариантов ожидают руководителя, а ты вообразил, что можешь угадать тот из них, который я изберу...

— Зная ваш характер, могу безошибочно сказать, как вы поступите в том или ином случае.

Павел остановился, недоверчиво поглядел в непрогнозируемое лицо физинструктора: его белесые ресницы не дрогнули, глаза светились холодноватой голубизной.

— Выходит, ты предвидел, что я окажусь в больнице?

— Выходит, так.

— Что ж, буду впредь осторожнее, — уязвленный, Павел отвернулся от Зота, поглядел в пролет сквера, потом вверх, на длинную борозду облака, оставленного в голубом небе протевшим самолетом.

— Талантливые руководители непредсказуемы, — проговорил тихо Митрофанов. — Они не ошибаются. Точнее, избирают единственно верный вариант и выигрывают.

— Верно, талантливые в огне не горят и в воде не тонут. — Раздражаясь, Павел уронил взор под ноги, на асфальтовую дорожку. — А я проиграл. Я бездарен...

— Ваш организм таит могущественные силы, — возразил Зот. — Вы, Павел Николаевич, способны управлять миллионами людей. В банке информации, в вашем скрытом высшем разуме вижу зерно таланта, но его еще надо вам пробудить и вырастить в себе. Пока вы не справляетесь с собственными желаниями, чувствами, не умеете управлять функциями своего организма. Только гении могут позволить себе самовыражаться, обнаруживая при этом удивительный дар.

— Не дразни во мне честолюбие! — огрызнулся Павел и, мотнув головой, сердито посмотрел на физиономера, но тот, казалось, не замечал его гнева.

— Вы сами себя не знаете. Вспомните, какой тренировки досталось вам мастерство при игре в футбол. Для того чтобы выигрывать у других, необходимо играть лучше их. Это дается тренировками...

— На курсы, что ли, поступить рекомендуешь? — Павел нахохлился, втянул голову в плечи, засунул руки глубоко в карманы халата. — Жизнь — высшие курсы...

— Самотренировка позволяет познавать самого себя, видеть вокруг миражи, иллюзии, обман, по лукавым словам людей угадывать, а точнее, читать истину. Мысль, выраженная словами, не является истиной. В ней лишь намеки на истину. Разве вам это не известно? Вы не сэкономили силы, боролись с иллюзиями, чтобы получить ничтожный результат и угодить в больницу.

Павлу было неприятно слушать Зота, который не строил из себя учителя, но разговаривал с ним самоуверенно, убежденно; это было унижительно и оскорбительно для Стрелецкого.

— Допустим, ты прав, — вздохнул Павел. — Что дальше?

— А дальше сказать себе: «Я — необработанная личность, сырой материал. Не знаю себя, хочу заняться самотренировкой и открыть в себе талант руководителя. Хочу стать непредсказуемым...»

— А сейчас предсказуем? — задиристо спросил Павел и засмеялся. Он опять глянул вдаль, в просвет между березками. — Может, ты видишь, как я эту асфальтовую дорожку, мою судьбу?

— Пока что вы, Павел Николаевич, очень предсказуемы. Вас обыграли не случайно. Но я пришел успокоить вас, что ничего с вами больше не случится.

— Почему я должен тебе верить? — Губы Павла сломала усмешка.

— Вы правы: самые точные слова приблизительны. Они останавливают мгновения, а процессы неостановимы, но не бойтесь слов и не бойтесь грядущей реальности.

— Странный ты человек. — Павел повернулся на тропинке и медленно зашагал в обратную сторону. — Бывало, я лукавил, бывало, меня обманывали... Но неужели мое будущее лукавство легко угадать?

— Безусловно, Павел Николаевич, — кивнул Митрофанов, не переставая мягко улыбаться. — Сядемте на скамейку. В эти мгновения я вижу, читаю ваши мысли: вам хочется увидеть свое грядущее.

— Да, хочу знать, что будет со мною через год. Хочу знать, останусь ли жив. А там — будь что будет, — решительно сказал Павел, сел на скамью, приглашая физинструктора жестом сесть рядом. — Если ты все знаешь, то говори...

— Я не оракул. — Зот устроился рядом с ним. — Вы можете сейчас в моем присутствии увидеть любой момент своей будущей жизни. Год длинный, выберите точку, в которой хотите оказаться, чтобы посмотреть нужные вам кадры...

— Да-а, а вдруг в кинофильме увижу свои похороны? — с опаской спросил Стрелецкий и невесело пошутил: — Помру от страха раньше срока.

— Раньше срока никто не помирает. Что судьба покажет, то и произойдет, — уверенно произнес Зот и медленно опустил веки, подчеркивая тем самым свою уверенность.

— Может, для начала мне поглядеть кадры о ком-нибудь другом? — заколебался Стрелецкий.

— Все зависит от вас, Павел Николаевич. Пользуйтесь вторым зрением как личным киноэкраном и кинолентой. Включайте кадры будущего с того момента, с какого вам хочется, — согласился Зот.

— Хорошо! Пусть это будет день Вадима Корзухина. Хочу знать, чем он будет заниматься осенью будущего года. Включай мой третий глаз!

— Сами включайте, — подсказал Зот. — Смотрите внутрь себя, сосредоточьтесь на образе Вадима... так... Вообразите его лицо, фигуру, одежду. Теперь сбросьте фантазию, переходите на интуицию, так... Сбросьте интуицию! Ваше второе зрение открылось, и вы вошли в контакт с информационным полем Вадима...

Павел сидел на скамейке, полузакрыв глаза, положив одну руку на свое колено, а другой держась за грудь, где спокойно пульсировало сердце. Со стороны могло показаться, что человек словно бы углубился в свои ощущения, прислушивался к внутренним голосам, но можно было и предположить, что он просто задремал, пригретый лучами осеннего солнца. Павлу казалось, что он переселился в организм Корзухина и едет на станцию Большой Алым. Восемь ночей спит где придется — в гостинице, в квартире мастера, в вагончике рабочих, в кабине своей машины. За восемь суток договорился с директором Искерского драмтеатра, что помещение в начале ноября будет на трое суток отдано молодежи стройки, вручил приказ Фокина начальнику станции, чтобы загнать в тупик десять пассажирских

вагонов — в них будут ночевать участники молодежного слета, заседал в президиумах комсомольских собраний, разговаривал «по-крупному» и «по-мелкому» с начальниками мехколонн в хуторах и в слободах. «Все идет стремительно, но без меня», — отмечал мимоходом Стрелецкий, досадуя, что дорогу до Большого Алыма строят уже без него... Но сидящий рядом Зот прикладывал руку к его руке и требовал не выражать никаких эмоций, наблюдать будущее бесстрастно.

И он снова увидел себя мчавшимся в «газике» по лесному распадку. Ярко пестрели по обе стороны автодороги деревья в осенних платьях, мелькнула деревушка с огородами, но было не до созерцания красоты природы, скорее бы домчаться до опушки леса, до огражденного колышками квадрата посадки вертолетов. Там горел дымный костер и маячили две фигуры на бревнышке возле чемоданов и сумок.

— Жукова! — заорал Павел голосом Вадима, выскакивая из «газика», и быстро зашагал к костру.

Маленькая Галина в синем шерстяном свитере и в красном вязаном берете, как крохотный гриб, встала рядом с гигантским боровиком. По необычайно высокому росту, по широким штанам и сжатым в гармошку кирзовым сапогам Павел узнал в Галинином спутнике лесоруба Ильюхина, того самого рекордсмена, которого расхваливала ему Ивушкина...

— Ай голубочки! Ай дезертиры! — с болью в голове пропел Корзухин и тут же скомандовал, указав рукой на «газик»: — Айда назад! Сам разберусь с вами!

Широкоплечий Ильюхин сверху вниз вопросительно и преданно глядел на крохотную Галину, а та, поправив на малюсеньком носу огромные очки, сухо отрезала:

— Мы улетаем!

— Да без меня вас в вертолет не примут! — засмеялся Вадим.

Галина отвернулась от комсорга, прижалась к боку своего могучего защитника.

— Ты ей кто: жених или муж? — Вадим, задрав козырек клетчатого комелька, разглядывал стоящего Илью Муромца.

— Он мой муж и жених, — нервно ответила Жукова. — Нам негде жить, мы поселились в вагончике. Все равно он пустовал. А Баранщикова, цаца, вернулась из отпуска, раскричалась: ах, мы ее кабинет опорочили!

Вадим не сдержал озорного веселья, рассмеялся:

— Я вам сейчас буду попом, обвенчаю под елкой, вручу ключи от дворца...

Личико Галины вспыхнуло возмущением и обидой, она сжала кулачки и отскочила за костер, будто Вадим или Ильюхин намеревались силой тащить ее.

— Нас унизили, дескать, до свадьбы... Не вернусь! Ни за что! И в машину не сяду! — Она утерла платком носик, опять подбежала к богатырю, ухватила его за руку, оттаскивая от Корзухина.

— Да ты что? Ошалела? — рассвирепел Вадим и силой заставил молодоженов сесть на бревно. Раздвинул их плечи, сам сел между ними. — Я для вас кто? Главная комсомольская власть. От меня никуда нельзя удрать, найду под водой, под землей и в космосе. Но я добрый! Сейчас черкну записочку в управление, приедете в город, получите командировочные удостоверения. Вы куда удираете?

— В Курскую область, — вздохнула Галина.

— Чудеса! Соловьи... Хотя они уже улетели. Лучше вы поезжайте в Крым или в Черниговскую, Винницкую область... Там тепло, фрукты... Запасайтесь витаминами на казенный счет, танцуйте...

Молодые, присмирив, слушали.

— А билет как же? — робко спросила Галина.

— Все бесплатно! — лихо хлопнул в ладоши Корзухин. — Или вы не заслужили? Отдыхайте! Завербуйте сюда двадцать добровольцев, и все!

Прищурясь, он наблюдал то за сопящим Ильяхиным, который не догадывался, чего ему дарует комсорг, то за Галиной, сидевшей справа, смекнувшей, что к чему.

— Где же столько наwerbуем?

— Хоть где! На пляже, на улице, на танцах, — мягко проговорил Вадим, покачивая головой. — А то драпанули, не дождавшись ни дирижабля, ни дороги до Нефтяных Юрт. Это паникерство и дезертирство. •

Обняв Галину, Вадим сменил суровый тон на покровительственный:

— Зачем ты, перелетная, биографию себе портишь? Да и мужу тоже. Я тебе первое слово на слете дам, в институт рекомендую.

— Нам жить негде, — жалобно простонала Галина и покраснела.

— Беременная, что ли? — догадался Вадим. — Так бы и докладывала. Эх, Галка, Галка! Активистка, а не могла подождать, пока прошьем тайгу до Нефтяных Юрт. Что с вами делать? Сколько месяцев?

— Врача-то нет, — потупилась Галина.

— Что ж, будем строить родильный дом и детские ясли. Но не успеем, пожалуй, к явлению твоего строителя...

— Успеем! — возмущенно перебил его Павел и увидел, что сидит на скамейке парка, а рядом с ним задумчивый Зот.

Митрофанов покосился на него и, пожав плечами, объяснил, что картины будущего следует смотреть совершенно бесстрастно, без фантазии, без вмешательства со своими криками, хвастовством или математическими расчетами. Сколько ни высчитывай, а все равно попадешь пальцем в небо. Зато если наблюдать идущие впереди нас процессы жизни спокойно, то все является в подлинности.

— Ну, брат, спасибо! Научил меня грезить. С твоей помощью фантазия в голове разыгрывается. Гляжу сам в себя, и будто действительно какой-то третий глаз открывается, воображение устраивает мне встречи... Я, конечно, мог до этого и своим умом дойти. Подумал о Корзухине, и пришло в голову, что если я после учебы в Москве получу назначение, например, в Комсомольск-на-Амуре, то возьму с собой Вадима... Твой способ настраивать людей на фантазирование не нов, — воодушевляясь, говорил Стрелецкий. — Я хоть и технарь, а интересуюсь разным. Отлично помню миф о Кассандре, дочери троянского царя Приама. Она была наделена даром пророчества, но ей никто не верил... Неужели ты, Зот, надеешься, что я поверю в твои предсказания?

Павел встал, плотнее запахнул халат и, прохаживаясь по тропинке, рядом со скамейкой, с которой не подымался Митрофанов, весело подшучивал над физинструктором, что слишком всерьез он навязывает возможность провидения. Поверить в предсказания было бы можно, если бы удалось изобрести аппарат с экраном, типа телевизора, чтобы каждый мог сам наблюдать сцены своей будущей жизни и показывать их другим.

— Никто не захочет выворачивать себя перед другими. — Зот пристально взгляделся в обеспокоенное лицо Павла.

— Пожалуй, я боюсь тебя, — признался Павел. — Мы с тобой соперники. Я увел от тебя Дашу, и ты не можешь мне этого простить. Ты забавляешься игрой в пророчества, как мифическая Кассандра или какой-нибудь самоуверенный колдун, и можешь мне намеренно предсказать несчастье, болезнь или еще какую гадость, а потом эта мысль станет меня преследовать. Я не суеверен, но внушаем. Я не звал тебя сюда. Ты сам пришел. Неужто спроста? У меня нет уверенности, что не ты подстроил нападение вороны...

Зот не отзывался.

— Преследуешь меня? — рассерженно выкрикнул Стрелецкий. — Если ты действительно способен выведывать секреты, то займись военным или промышленным шпионажем! Можешь тайно встречаться с президентом США или с конструкторами оружия массового уничтожения... Ты опасная личность! Но не забывай, чем кончила свои предсказания знаменитая Кассандра! Она попала в плен и погибла вместе со своим любовником Агамемноном от руки его жены...

— Не только грядущие несчастья можно предсказывать, но и счастье, — заметил меланхолично Зот. — А еще лучше предупреждать о подлинных событиях, давать истинное представление о будущем. И я пытался это делать.

— Зачем? На кой черт мне знать свое будущее, если я ничего не смогу исправить, скорректировать? Я и без тебя знаю совершенно точно, что настанет день, когда умру. Мне приятнее жить, не ведая о том дне. Ты же не предотвратил мой инфаркт! Или хотел, чтобы со мной случилась беда? Но Дашу ты не получил! Пусть я пострадал, но тебе она не досталась! Это моя воля! А не твоя... Моя судьба, а не твоя.

— Вы не владеете собой, Павел Николаевич, — безобидно засмеялся Зот. — Имея могучую волю, мощный скрытый потенциал здоровья и высшего интеллекта, вы даже сейчас похожи на безумца... Я все еще надеюсь, что вы поймете... — Зот не выпускал из поля зрения взволнованного, путающегося в длинных полах халата Стрелецкого. — Чему вы радовались? Только глупцы, невоспитанные, не умеющие управлять собой люди совершают поступки ради награды, похвал. Это недостойно руководителя. Погоня за миражем простительна обычным смертным. Ваше торжество надо мной наивно...

— По-твоему, сердечного приступа можно было избежать?

— Возьмите себя в руки, возьмите свой интеллект — в руки, возьмите свои желания, мысли, функции — в руки, — монотонным, гипнотическим голосом произнес Зот. — Научитесь управлять собою...

Павел постоял в задумчивости, сцепив пальцы рук, как бы размышляя, что бы еще спросить у Зота, и тихо заговорил:

— Я где-то читал, что под гипнозом человек вспоминает совсем забытые факты. Замечал за собой, что, вернувшись в места, где бывал очень давно, словно заново переживаю минувшее. Многие всплывают из глубин памяти. Впрочем, логическим рассудком я могу предсказать и будущее. Например, что станет с нашей линией Красногорск — Нефтяные Юрты... Если бы мы не обладали логическим предвидением, то мы бы не могли прогнозировать! Верно? Мне думается, что новый начальник стройки рискнет бросить рельсы не до Нефтяных Юрт, а до середины пути — до Большого Алыма. В точности на всю вторую очередь. Шагнет до 392-го километра... И зря!

Лицо Митрофанова ничего не выражало, он сидел отрешенный, нечасто и ритмично моргая ресницами.

— Осенью лесорубы героически оторвутся от баз, уйдут в тайгу; взрывники, которые корчуют пни, тоже продвинулись в глубь леса, а там — ни жилья, ни пекарни, ни бани. Даже вода ржавая. Механизаторы в поябре утопят несколько тракторов в болотах; зимой, в лютые морозы, простудятся люди, кто-то погибнет... Так что, Зот Михайлович, я тоже вперед вижу, — саркастически кривил губы Стрелецкий. — Мы не смогли переубедить проектный институт. Нас не поддержали... А идея сделать рывок до Нефтяных Юрт правильная! Богатая! Мне неважно, из вашей головы эта идея или из Семеновой, главное — очень ценная. А тянуть рельсы до полпути, до Большого Алыма — глупость! Ну подвезут по рельсам грузы к Большому Алыму, а там их надо переваливать на баржи и гнать по рекам до Неф-

тяных Юрт... Выгоды большой не получим — героизм бессмысленный. Март выкатит над тайгой солнце, апрель растопит снега, стылый грунт поплывет, шпалы и рельсы провалятся в болото...

Стрелецкий потоптался на месте, выжидая, не возврат ли ему Зот, но тот был равнодушен.

— Вот что, Зот Михайлович, — заволновался Павел. — Я потерял многое: здоровье, Соню... пострадал от Даши... У меня осталось одно желание. Угадай, если обладаешь таким даром...

— Вы хотите, чтобы в коллективе стройки Красногорск — Искер — Нефтяные Юрты о вас осталась добрая слава, — ответил Зот. И уточнил: — В данный момент в голове у вас именно это.

— Да! — кивнул Стрелецкий, сунув руки в карманы халата. — Ты ловкий психолог. Тогда включаю мой внутренний экран, я хочу увидеть, услышать, как люди отзовутся о моей деятельности через год. Не боюсь любых слов. Закрываю глаза. Что дальше?

— Сосредоточивайтесь...

— На ком? Опять на Корзухине? Он-то, надеюсь, не скажет обо мне плохого...

— Приготовились... Переходите на интуицию. Так. Сбрасываем ее... Так. Отключайте чувства, страсти, совершенно успокаивайтесь. Сейчас присоединяйтесь к информационному полю...

И на экране загорелся солнечный день, мелькнули золотые листья тополя, по площади возле управления строительства прошел в парадном костюме, в свежей рубашке и начищенных штиблетах Вадим, он прошел так близко, что обдал Павла запахом тройного одеколona. Вадим вошел в приемную. Зиночка предупредительно подняла руку, показывая на дверь, за которой сидели Фокин, Бородай, Гончева и Кваша. Вадим по-

слушно сел на стул, и Павлу показалось, что он, повторив его движения, тоже сел.

Вадим рассказал Зиночке, что вчера видел Стрелецкого; бывший главный инженер стройки уезжает за Байкал, но, храни это назначение в тайне, не заглянет в управление, не попрощается с Зиночкой и всеми...

Озадаченная девушка смутилась, лицо ее порозовело. Секретарша потупилась, ресницы-бабочки дрогнули. Она боялась разговора о Павле...

Распахнулась дверь кабинета начальника. Вадим резко поднялся со стула и, вытянувшись, энергично поздоровался с выплывающим из дверей бритоголовым Бородаем, потом торжественно поприветствовал Гончеву, которая была в строгом шерстяном платье, и утонул в мощных объятиях гогочущего Сергея Афанасьевича.

— Ты видел Стрелецкого? — сверкнул глазами Кваша. — Как он? Здоров? Поумнел? Куда едет? Кем назначен?

Не отвечая, Вадим проскочил в кабинет к Фокину. Из-за стола, за которым сидели раньше Иван Леонтьевич и Стрелецкий, полгода исполнявший обязанности начальника стройки, навстречу комсору поднялся Фокин, заскрипел хромовой кожанкой, вышел на ковер. Он внимательно выслушал Вадима о том, что подготовка к молодежному слету идет отлично, но энтузиазм молодежи на берегу реки Большой Алым заморожен; закулив трубку, Фокин ожидал предложений. И Корзухин горячо заговорил, что необходимо, не считаясь ни с чем, пробить дорогу через тайгу, как советовали Стрелецкий и Заварухин, сразу до Нефтяных Юрт и дать огромный доход государству — дешевый транспорт на всю зиму к нефтяным месторождениям.

— Время упускаем! — горячился Вадим. — Об этом следует сказать молодежному слету. А то люди разбегаются, настроение застойное... Трубы, кирпичи нефтяники возят вертолетами. Дома строят, считай, из буха-

нок хлеба, каждый кирпич по такой цене! Зря от Стрелецкого избавились! — заключил монолог комсорг.

— Он сам себя не уберег. — Тихон Ефимович внимательно прочищал проволочкой отверстие в чубучке трубки. Отвечая комсоргу, он не знал, что внутри комсорга в его информационном поле в этот момент находится сам Павел. — Избавилась от Павла Николаевича ворона...

— Даша — не ворона, — возразил Корзухин.

Вадим достал из кармана пиджака блокнот, раскрыл его, приспособил на колено, снял колпачок с авторучки, приготовился записывать слова Фокина. Тихон Ефимович сел в кресло напротив Корзухина, носки их ботинок почти соприкасались.

— Павел Николаевич передвигал людей, как пешки на игральной доске, — поучительно заговорил Фокин. — Воспитательница в оригинальной форме выразила ему свою обиду и недомолвки других людей. — Борода-клинышек и пушистые усы затряслись в смехе.

— Меня интересует экономическая реформа, — заговорил голосом Вадима Стрелецкий. — Петр Первый бороды боярам стриг, а когда они не слушались, то и головы отрубал. Сейчас надо глупые головы заменять компьютерами...

Фокин засмеялся в усы, стал терпеливо разъяснять задиристому симпатичному парню, а значит, и сидящему в нем Стрелецкому, что печать дискутирует об экономической реформе, которая должна ввести после многих экспериментов хозрасчет, определять энтузиазм людей как эвристический труд или рабочую удаль, одновременно поясняя, что энтузиазм не может быть измерен с помощью тарифной сетки, ибо необходимы новые мерки для оценки творческого, интеллектуального труда. Некоторые советуют для оценки творчества в единицу времени вообще исключить из экономических категорий такие слова, как: энтузиазм, романтика, любовь, мечта,

и заменить их словами: сберкнижка, квартира, акции, жизненная перспектива.

Вадим протестовал: молодые хотят любить, хотят жениться, они, возможно, потерпят еще годик-другой, пока пройдем тайгу до Нефтяных Юрт... На это лукавый Фокин мимикой и жестами выразил неудовольствие, возражая, что молодые не должны откладывать на потом свою любовь, а то состарятся и детей рожать будет некому... Стрелецкий, ссорясь с проектировщиками, обвинял их чуть ли не в предательстве, но проектировщики не враги коллективу строителей, они предупреждали: нельзя рваться в пекло вперед батьки, ломиться до срока на вторую и третью очереди, потому что это вредно для здоровья людей...

Начальник популярно объяснял комсомольскому вожаку, что он, Фокин, оказался в роли шофера машины, у которой четыре скорости, но последние две не имеют тяги и не дают разгона. Вырвался коллектив к Большому Алыму, везет грузы, но такса за тонно-километры строителям невыгодная. Если строители и дальше будут гнать линию такими же темпами, как в минувшую зиму, то разорятся и растеряют специалистов...

— Да неужто Стрелецкий и Заварухин такие глупые? — удивился Корзухин.

— Нет, они не глупые, но нереалисты... А реальным было бы для северных условий оплатой поощрять не только ускорение разгона дороги в тайгу, но и улучшение быта людей в новых районах, увеличение семей... Молодежи нужно капитальное жилье, детские ясли, садики, а нам со страхом твердят: «Семьи осядут на станциях, не захотят двигаться вперед».

Тут уж ни Вадим, ни Павел понять Фокина не могли.

— Я, Тихон Ефимович, бывший десантник, — сказал Вадим, — как в армии, бросаюсь в любую точку, куда прикажут. Жена шпыняет, живем-то в комнатухе щитосборного дома. Я дружил со Стрелецким, но он мне квартиру не дал.

— Потерпи, — остановил его Фокин. — О себе на слете молодежи не говори, а выступай о других. Сейчас у нас заказчик дороги — Министерство путей сообщения, а у него свой интерес: ему не нужна дорога-полуфабрикат, а требуется готовенькая к плановому сроку. У нефтяников свои заботы: они рады-радехоньки любой ниточке-тропиночке, которая бы тащила им грузы по дешевой цене... А у нас, исполнителей дороги, свой норов: мы бросимся на помощь нефтеюртинцам, но не видим себе выгоды... Тарифы установлены нам невыгодные... У всякого ведомства, как и у всякого человека, свой интерес. Вот о чем скажи на слете. А то живем представлениями военной поры. Дорога пойдет за Нефтяные Юрты, там богатейшие края, и дороге конца-края не будет. Нельзя за один сезон одержать все победы, забывая о том, что побеждать предстоит каждый день, каждый год и многие десятилетия, а для этого нужны младенцы, которые опять же вырастут в строителей.

— Почему же Павлу Николаевичу не удалось включить четвертую скорость? — спросил Вадим.

— Нам нужны идеи, много идей, — проговорил Фокин. — Но за ценные идеи придется немало платить... А представь себе, что Заварухин заработает миллион, с ним тогда ты, как комсорг, не сможешь запросто разговаривать.

— А можно и не платить! — воскликнул Вадим.

— Тогда головастые Заварухины превращаются в воронунов, саботажников, не проявляют никакой инициативы. Так что экономический прогресс придется оплачивать... И последствия как-то предусматривать. Понимаешь? Не гадать, не действовать на авось, а строго прогнозировать будущее и последствия каждого крупного мероприятия.

— У Зота Митрофанова, что ли, учиться? — хохотнул Корзухин; и Фокин отозвался на его шутку тоже смехом.

— Нет ли желания у тебя, Вадим Алексеевич, поехать в Нефтяные Юрты заместителем начальника строительно-монтажного поезда? — спросил Фокин, подымаясь с кресла.

— Я готов! — Вадим вскочил с кресла, расправил грудь, одернул полы пиджака. А Павлу показалось, что это он сам вскочил...

— Спасибо. Не спеши. Проведи слет, найди себе замену и поезжай на Север. За зиму обустройтесь на новом месте, создайте базу, набирайте коллектив человек триста. Тогда с северной точки ударим через тайгу на встречу южным подразделениям. Без энтузиазма не обойтись.

— А какого вы мнения о Стрелецком? — спросил Павел голосом Корзухина. — Неужели он был близоруким, недальновидным руководителем?

— Он подорвался в любовной драме, — усмехнулся в усы Фокин. — Если руководитель не смог предусмотреть последствия своей любви к замужней женщине, то что же от него ждать в решении масштабных проблем?..

Павел вздрогнул, возмущенно покрутил головой, освобождаясь от навождения, от нелестных мнений о себе самом.

— Это ты сказал о любовной драме?

— Вы слышали голос Тихона Ефимовича, — возразил Зот, он сидел все в той же спокойной позе.

— Не надуешь! — Стрелецкий приложил к лицу ладони, потер лоб, щеки, веки, как бы умываясь или отгоняя дрему, и сердито проговорил: — Не мог я слышать голос Фокина! Дурацкую роль ты избрал себе! Кому нужны твои пророчества? Шел бы работать в плановый отдел, а то морочишь голову, оскорбляешь чревоуважительством... Не забывай, чем кончила знаменитая Кассандра! Ты рядишься под объективность и не хочешь помогать делом. Если не можешь предотвратить ни одной неприятности, то зачем твоё прогнозирование?

Я бы сделал тебя ближайшим другом, выполнял твои подсказки, советы, предложения, если бы видел в них пользу для производства, для коллектива, если бы ты предостерег меня от ошибок...

— Ошибка в вашем генетическом коде, Павел Николаевич, — тихо проговорил Зот, — в природе вашего организма, в характере. Я предупреждал и вас и Дашу, но разве вы послушали меня? Я провел эксперимент по корректировке судеб, но моя корректировка не удалась, хотя древние учили: дело умных — предвидеть беду, дело храбрых — управляться с бедой, когда она пришла...

— О чем же мы толкуем? Если я состою из ошибок, то и руководить буду только с ошибками, — с напускной обидой проговорил Павел.

— Ребенок рождается совсем глупым, хотя в нем скрыт разум высший. Постепенно он развивается, поднимаясь по ступеням воспитания и образования. Но самые высокие ступени самовоспитания достигаются системой самопостижения, проявления своего высшего интеллекта, умения пользоваться им. Вы можете стать во сто крат мудрее и могущественнее, чем считаете себя, если будете служить людям, а не своим мелким желаниям. Если научитесь искусству проницательности. Вы, Павел Николаевич, необыкновенный человек, но... нельзя научиться плаванию, не учась плавать... Нельзя быть руководителем, не постигнув законов в себе самом...

Павла подмывало наговорить Митрофанову дерзостей, пригрозить наказанием... Очень уж сомнительно, чтобы в человеке, кроме обычного разума, был еще какой-то сверхинтеллект... Павел хотел похлопать Зота по плечу, но ладонь его шлепнулась на спинку скамьи. К своему удивлению, Стрелецкий не увидел Зота, он словно растворился...

— Хорош! Выходит, я беседую сам с собой? — усмехнулся Павел. Он пошарил взглядом по кустам, между берез, за телеграфным столбом, глянул в про-

свет аллеи, на россыпь золотых листьев, на темные силуэты больных, прохаживающихся по тропинкам больницы сквера, но нигде не обнаружил высокой и крепкой фигуры Митрофанова. Неужели его и не было? Пройдя к ограждению, Павел увидел вдали лес, отделенный от неба линией горизонта; вся растительность вокруг сияла, трепетала под лучами солнца, а из проема между высокими кирпичными зданиями дул влажный, пахнувший гарью машин западный ветерок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
<i>Глава 1</i> Свет мой, зеркальце! Скажи...	25
<i>Глава 2.</i> Ожидание ревизора	35
<i>Глава 3.</i> Сигналы на расстоянии...	43
<i>Глава 4.</i> Роковой поцелуй	58
<i>Глава 5.</i> У золотого холма	70
<i>Глава 6.</i> Вся жизнь в том миге...	83
<i>Глава 7.</i> Сеанс связи	92
<i>Глава 8.</i> Воочию, а не третьим глазом	109
<i>Глава 9.</i> Ошибка	124
<i>Глава 10.</i> Путешествие в себя	129
<i>Глава 11.</i> Погоня	151
<i>Глава 12.</i> Чудеса, да и только	166
<i>Глава 13</i> Робот	183
<i>Глава 14.</i> Ворона	197
<i>Глава 15.</i> Допрос	210
<i>Глава 16.</i> Героический штурм	223
<i>Глава 17.</i> Прозрение	249
<i>Глава 18.</i> Последний пожар	265
<i>Глава 19.</i> Что есть и что будет	283

Фалеев В. М.

Ф 19 Третий глаз: Необыкновенная история. —
М.: Мол. гвардия, 1987. — 303 с., ил.

90 к. 100 000 экз.

Повесть ставит проблему. предсказуемо ли поведение человека? Да, утверждает один персонаж произведения, зная биографию, характер и цели личности. легко заранее сказать, как человек поведет себя в той или иной ситуации. Нет, возражает ему другой герой, ни мне самому, никому другому за меня наперед не догадаться о тех открытиях, изобретениях или поступках, которые я могу совершить. Где же истина? Ее поискам и посвящена фантастическая история, рассказанная автором в иронической манере.

Ф 4702010200—035
078(02)—87 148—87

ББК 84Р7

ИБ № 5736

Владимир Михайлович Фалеев

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Редактор В. Родиков
Рецензент Ф. Шахмагонов
Художники Г. Бойко, И. Шалито
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Н. Носова
Корректоры Т. Крысанова, Е. Дмитриева

Сдано в набор 18.07.86. Подписано в печать 26.12.86. А14832.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Условн.
кр.-отт. 13,65. Учетно-изд. л. 14,1. Тираж 100 000 экз.
Цена 90 коп.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30,
Сушевская, 21. Заказ 1508.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» из-
дательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината:
252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Зак. 7—21.

*библиотека
Беспалова*

СССР

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

